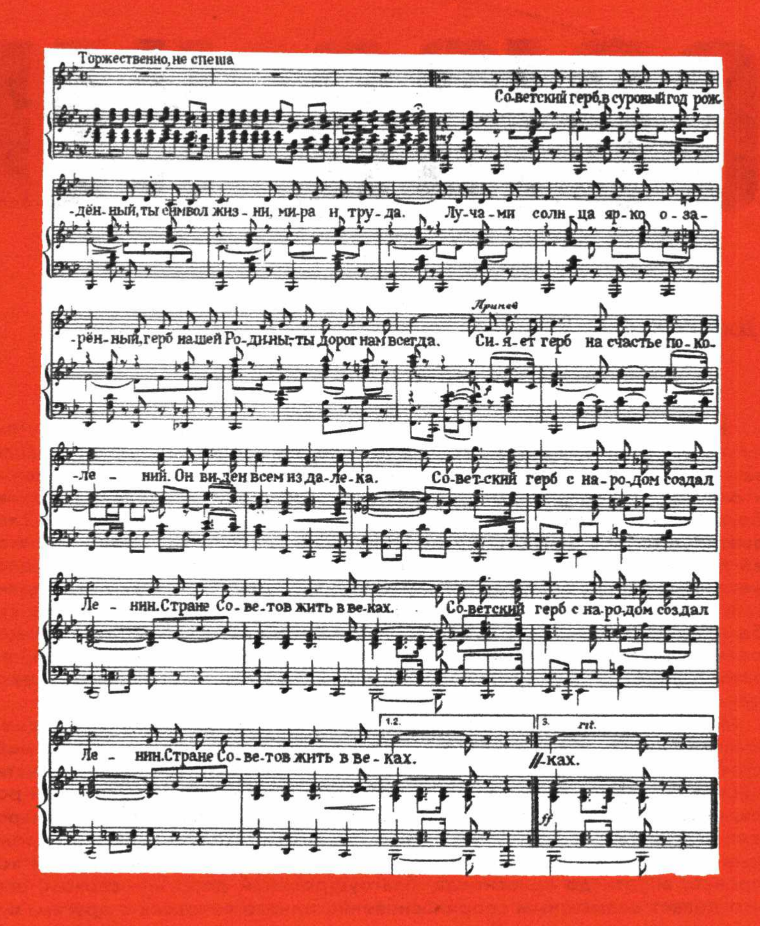

ОГОНЁК

№ 45 НОЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 55-я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

ГЕРБ НАШЕЙ РОДИНЫ

Слова Сергея **БЕНКЕ.**

Музыка Бориса **АЛЕКСАНДРОВА.**

Советский герб, в суровый год рожденный,
Ты — символ жизни, мира и труда.
Лучами солнца ярко озаренный,
Герб нашей Родины, ты дорог нам всегда.

Припев:
Сияет герб на счастье поколений.
Он виден всем издалека.
Советский герб с народом создал Ленин.
Стране Советов жить в веках.

Знамена всех республик равноправных
Обвили колос хлебный золотой.
Мы в Октябре завоевали право
Зажечь звезду Свободы над своей землей.
Припев.
Горит наш серп и молот над Отчизной —
Велик союз рабочих и крестьян.
Герб освещают зори коммунизма,
Он как маяк для пролетариев всех стран.
Припев:
Сияет герб на счастье поколений.
Он виден всем издалека.
Советский герб с народом создал Ленин.
Стране Советов жить в веках.

Песня в исполнении (женская группа) народного хора ансамбля песни и пляски учащихся производственно-технических училищ.

Фото А. Бочинина.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ:

Джеймс ОЛДРИДЖ

Немалую долю моих впечатлений о СССР я обрел в путешествиях — поездом, самолетом, автомашиной — по необозримым пространствам Союза Советских Социалистических Республик. Мне кажется даже, что об этих огромных расстояниях и способах их преодоления я знаю больше, чем о некоторых других сторонах советской жизни. Здесь сказывается то, что дальние странствия всегда привлекали меня, и я в моей жизни то и дело предпринимал далекие путешествия по нашей планете. К тому же наблюдать какую-нибудь страну или народ, передвигаясь на колесах или крыльях их транспорта,— это значит создавать себе некий неповторимый «угол зрения». Разумеется, это ни в какой мере не сделало меня «экспертом» по вопросам Советского Союза, но зато помогло увидеть общую картину, чрезвычайно привлекательную, цельную и в конце концов романтическую.

Мне представляется также, что средства общения между людьми имеют свою особую ценность, и когда я недавно размышлял о предстоящем пятидесятилетии образования Союза Советских Социалистических Республик, мне пришло в голову, что мало кто думает о той роли, которую сыграли средства связи в объединении и сплочении народов великой страны. Я, конечно, имею в виду не только железнодорожные и воздушные сообщения, но и радио, телефон, газеты, книги и все прочее, вплоть до велосипеда, благоустроенной дороги,— словом, все, что делает возможным соприкосновение одного человека с другим, одного народа с другим. Сила и расцвет содружества советских республик всегда во многом зависели и от уровня и прочности связей, существующих между ними. И каждый раз, когда я садился в поезд или самолет, чтобы отправиться в какую-либо из союзных республик, я неизменно и с большой ясностью ощущал, что передвигаюсь по просторам великого, живого Союза народов.

Разумеется, прежде всего меня здесь привлекали люди, которые помогали мне преодолевать все эти расстояния. Мне вообще нравятся две категории людей — те, которые имеют дело с авиацией, и те, которые трудятся на железных дорогах. Быстро и с удобствами перенестись из Москвы в Киев или из Ленинграда в Свердловск в длинном составе зеленых вагонов — это всегда вызывало во мне романтическое ощущение, когда бы я ни бывал в Советском Союзе. Я много разговаривал с машинистами, электриками, ремонтными рабочими, сигнальщиками, проводниками, людьми разных национальностей, разных языков и каждый раз испытывал к ним особое теплое чувство, как к сыновьям и дочерям одного многонационального сообщества народов.

Признаюсь, мне иногда страстно хотелось каким-то образом передать свое дружеское уважение женщинам, которые на железнодорожных перегонах, на глухих полустанках стоят у своих маленьких сторожевых будок с желтым флажком или фонарем в руках, когда мимо вихрем проносится поезд. Не знаю, ищут ли они какую-либо романтику в работе, которую выполняют изо дня в день — в жару и в холод, в ненастье и солнечную погоду, в снег и буран. Но хотелось бы сказать им, что мне, пассажиру, понятен глубокий смысл выполняемого ими служебного долга... Я знаю, что они находятся на посту потому, что должны там находиться; но ведь еще и потому, что они, принадлежащие к разным народам, живущим нередко далеко друг от друга, сообща служат общей цели — обеспечивают прочную связь между всеми частями единого многонационального целого. Пусть вклад каждой из них скромен, но вот я смотрю и смотрю на них через запыленное окно вагона, и они проплывают мимо, как маяки, указывающие путь мореходам в просторах океана.

Одной из самых романтических поэм о Советском Союзе явилась поэма «За далью — даль» Александра Твардовского, и родилась она, по-видимому, из долгого путешествия поэта в поезде, сквозь меняющиеся, бесконечно разнообразные ландшафты, города и села, по железнодорожной магистрали Москва — Владивосток. Мне думается, что каждый советский человек, который ведет поезда через советский континент, чувствует себя обязанным Твардовскому, который понимал, в чем подлинная романтика, и искал и находил ее не столько в металле и дереве, сколько в людях. И он, видимо, понимал и то, что в рождении великого Советского Союза на этих бескрайних просторах сыграли свою роль и те реальные связующие пути, которые помогают объединению миллионов разноплеменных людей, мужчин, женщин, детей в одну великую общность — советский народ.

Кажется, я произвожу впечатление человека, окончательно плененного романтикой железных дорог. Но почему бы и нет? Поезд всегда был для меня любимым способом путешествовать. Однако у меня за плечами немало путешествий по Советскому Союзу в грузовиках, легковых машинах, по немощеным дорогам, пыльным проселкам, промерзшим шоссейным магистралям. И я по сей день не забываю о том, что должны были совершить и что совершили советские республики за истекшие пятьдесят лет. Было время, когда в руках тысяч мужчин и женщин, одетых в темные рабочие спецовки, машины — грузовики, подъемные краны, тракторы, даже лошади или верблюды — делали немыслимое, с точки зрения дипломированного западного специалиста, работали на пределе и сверх предела своей мощности и технической выносливости. Я знаю, что водители грузовиков в отдаленнейших уголках страны отваживались на опаснейшие рейсы с грузом по ледяному арктическому бездорожью, по ночам, сквозь снежные бури или заставляли свои верные пятитонки взбираться по узеньким горным тропам на крутизну, доступную только горным козлам. А сколько подвигов совершили геологи, эти разведчики недр, в самых «невозможных», недоступных, непроходимых местах, в песках пустынь, в таежной глуши, умножая богатства всех братских народов социалистических республик!

Иного пути выполнить то, что все они поставили себе целью — созда-

ИСТОЧНИК ОПТИМИЗМА

Николай ПАСТУХОВ

Лучший судья истории — время. Казалось бы, не так давно состоялись встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом Франции Ж. Помпиду и президентом США Р. Никсоном. Скептики не верили, что переговоры сначала в Париже, а затем в Москве окажутся в состоянии вывести человечество из тисков «холодной войны» и гонки вооружений. Они ошибались в своих, скажем, явно тенденциозных прогнозах, как в ходе переговоров, так и после них.

Но время, каким бы стремительным оно ни было, внесло свои существенные коррективы в эти прогнозы. Сегодня мы являемся свидетелями грандиозных перемен в современных международных отношениях, творцами которых были коммунисты, провозгласившие на XXIV съезде КПСС великую Программу мира и международного сотрудничества, программу, которая так успешно воплощается в жизнь.

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 45 (2366)
Основан 1 апреля 1923 года
4 НОЯБРЯ 1972

Я ВОСХИЩАЮСЬ!..

ние процветающей многонациональной Родины,— не было. И задуманное было совершено.

Я хочу сказать еще о летчиках. Я летал в небе СССР со столькими водителями воздушных кораблей, что, конечно, не упомню всех. Многие из них стали моими друзьями, они были из славной когорты первоклассных пилотов и штурманов. Некоторых я узнал в годы, которые отстоят от нас на целое поколение. Это было в начале войны, когда приходилось летать и на «У-2»...

Вспоминается один перелет в «дугласе» из Москвы в только что освобожденную от немцев Одессу. Нас было человек двадцать, иностранных корреспондентов. Летели низко, почти прижимаясь к земле, избегая встречи с фашистскими истребителями. Но один встретился нам, он сбросил бомбу на какие-то уже оставленные немцами наземные позиции, и взрывная волна ударила в дверь нашего «дугласа». Нашего пилота это не смутило — он вышел из своей кабины, осмотрел дверь, а затем посадил самолет на каком-то поросшем травой поле. Дверь починили, мы продолжали полет...

А года два тому назад я летел на четырехмоторном турбовинтовом «Ильюшине» из Ленинграда в Берлин. Я просидел полчаса рядом с пилотом, наблюдая новую технику огромных авиационных лайнеров. Какая это была роскошная воздушная гостиница! И какой замечательный, искушенный в своем деле пилот! Он облетал всю Африку, Азию и еще многие далекие страны. Я спросил, по каким внутренним трассам Советского Союза приходилось ему летать. Он ответил: «Почитай, что по всем». Беспредельную территорию Советской страны он пересекал десятки раз и скромно воздержался от ответа на вопрос, «миллионер» ли он.

Не менее пяти поколений людей советской авиации строили ее, совершенствовали, завоевывали ей мировую славу. А начинали ведь в 1920 году со старинных «авосек», как выразился мой пилот, и дошли до сверхзвуковых воздушных гигантов, которые буквально «глотают» тысячемильные расстояния между советскими республиками. Думая об этом, я никогда не забываю вспомнить Водопьянова, Чкалова, Громова и им подобных, которых вернее называть уже не отцами, а дедами авиации СССР.

Все это трудно воспринимать иначе, как в романтическом свете. И не может писатель не пытаться охватить мыслью всю грандиозность службы общения и связи, которая сближает между собой более ста народов, населяющих Советскую страну. Тут ведь не просто поездка человека в гости к родным, сестры к брату, сына к матери или моряка, закончившего нелегкий труд в море, к ждущей его семье. Движение по рельсам, воздуху, морям, рекам, дорогам между советскими республиками-сестрами — это движение пшеницы и хлопка, мощных строительных механизмов и современных станков, нефти и газа. Почти каждый американский писатель в первые десятилетия века восхищался романтикой поездов, несущихся через американский континент, видя в этом символ рождения нации.

Америка наших дней усилиями ее правителей отходит от роли «молодой, восходящей партии». Блекнет там и романтический восторг перед «чудесами» американских достижений. Теперь Советский Союз — вот кто может говорить о себе как о сообществе исторически восходящих наций, объединенных в великий Союз, и по праву может гордиться творимыми им чудесами.

Высокая романтика больших дел и свершений Советского Союза, то, какими прочными узами дружбы и братства связаны многоликие и в то же время единые его народы,— такая романтика могла расцвести только в многонациональном Союзе Советских Социалистических Республик.

Лондон. АПН специально для «Огонька».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

...«Коммунисты считают долгом,— говорит Леонид Ильич Брежнев,— в соответствии с чаяниями народов бороться против опасности мировой войны, шаг за шагом идти к утверждению мирного сосуществования государств с различным социальным строем, искать решения спорных проблем путем переговоров. Мы делаем все, чтобы завтрашний день человечества был действительно мирным днем!»

Только за последнее время в Москве прошли успешные конструктивные переговоры руководителей Советского Союза с главами государств, правительств и министрами иностранных дел Ирана, Италии, Малайзии, АРЕ, Японии. Огромный вклад в дело укрепления всеобщего мира и международного сотрудничества вносят страны социалистического содружества. Полным ходом идет подготовка к общеевропейскому совещанию. Не за горами всемирная конференция по разоружению. После заключения договоров СССР и ПНР с ФРГ постепенно, ломая сопротивление политических призраков прошлого, нормализуются отношения между ГДР и ФРГ. С важным заявлением выступило правительство ДРВ о положении дел на переговорах по вьетнамской проблеме.

Еще 8 октября ДРВ предложила проект соглашения, которое предусматривает два этапа решения вьетнамской проблемы — прекращение войны и участия в ней США, самоопределение населения Южного Вьетнама; совместное разрешение внутренних вопросов обеими южновьетнамскими сторонами. После ряда уточнений президент США Р. Никсон 20 октября в основном одобрил этот документ. Сейчас совершенно очевидно, что никакие проволочки, создаваемые теми или другими крайними силами, заинтересованными в продолжении вьетнамского конфликта, не в состоянии изменить поступательный ход истории в Юго-Восточной Азии.

Вьетнамская проблема на протяжении всего послевоенного времени была одной из самых острых, чреватой серьезными международными осложнениями. Героический вьетнамский народ снискал к себе всеобщее уважение, а с его бескомпромиссной борьбой было солидарно все прогрессивное человечество. Золотыми буквами в историю наших дней будут вписаны самые добрые слова о славных делах советского народа по отношению к народу Вьетнама, его пролетарском интернационализме.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин недавно встречался с дипломатами ДРВ и РЮВ. На этой встрече было подчеркнуто, что Советский Союз, верный ленинским принципам внешней политики, поддерживает усилия, направленные на быстрейшее прекращение войны, развязанной США против вьетнамского народа. Была выражена надежда, что переговоры по урегулированию во Вьетнаме будут продолжены и приведут к скорому подписанию соглашения о прекращении войны, что отвечало бы интересам не только вьетнамского и американского народов, но и интересам дела мира во всем мире.

Мир явился свидетелем и другого важного события, которое, несомненно, окажет благотворное влияние как на дальнейшее развитие советско-американских отношений в духе утверждения принципов мирного сосуществования, так и на весь ход современных международных отношений. Недавно в Вашингтоне между СССР и США были подписаны экономические соглашения, предусматривающие развитие торговли между двумя странами, мореплавания и морских перевозок, а также расчеты по ленд-лизу. В соответствии с соглашениями наша страна будет пользоваться в США общепринятым в мировой торговле режимом наиболее благоприятствуемой нации.

В годы «холодной войны» определенные круги в США вводили жестокие ограничения на торговлю и экономические отношения с Советским Союзом. Это, в свою очередь, накладывало неприятный отпечаток и на политические отношения между двумя странами. Сейчас этот барьер преодолен. И на этот раз скептики, вещавшие из Международного пресс-центра во время московской встречи в верхах, что развитие торговли между СССР и США невозможно, снова просчитались. «Эти соглашения, которые, как ожидается, приведут к увеличению в три раза объема торговли между двумя странами в течение ближайших трех лет,— отмечает газета «Вашингтон пост»,— являются прямым результатом встречи в верхах, состоявшейся в Москве». Государственный секретарь США У. Роджерс приветствовал экономические соглашения как «очень важные шаги в политических отношениях между двумя странами». По его словам, они создадут «более благоприятную возможность для мира во всем мире».

Таким образом, находит свое дальнейшее претворение в жизнь советская Программа мира и международного сотрудничества, прокладывающая путь к утверждению ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

В дни 55-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и кануна 50-летия образования СССР прогрессивные люди всей нашей планеты воздают должное КПСС и Советскому государству. Они высоко чтят внутреннюю и внешнюю политику СССР — источник оптимизма и уверенности в том, что завтрашний день человечества будет действительно мирным днем.

На испытательном кольце

Последние испытания закончены. Сто двадцать раз паровоз с разгона бросал этот цельнометаллический багажный вагон на старую платформу, тяжело груженную бутовым камнем. От сильных ударов платформа разлалась в бортах, а на раме и кузове вагона незаметно ни малейшего повреждения.

— Отличный вагон создали наши конструкторы,— говорит руководитель испытаний инженер Чирков.— Мы сжимали его мощными домкратами. Для контроля в разных частях вагона было размещено около 500 точнейших приборов — тензометров. Они показали исключительную прочность конструкции.

Динамические испытания цельнометаллического багажного вагона недавно закончены. Они производились на экспериментальном кольце Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (ЦНИИ).

Экспериментальное кольцо — фундаментальная научная база по испытанию подвижного состава транспорта. Свое название она получила от рельсового пути в виде замкнутого круга протяженностью 6 километров. На этой миниатюрной железной дороге определяется сила тяги новых локомотивов, их экономичность, маневренность, плавность хода и т. д. За последнее время здесь же стали испытываться и вагоны. Экспериментальное кольцо имеет свои механические мастерские, депо, электротяговую подстанцию, товарный состав.

Ни один тип нового магистрального локомотива, созданный советскими машиностроителями, не может миновать эту своеобразную лабораторию. Серийный выпуск такого паровоза не начнут до тех пор, пока инженеры-испытатели не скажут свое слово. За восемнадцать лет на экспериментальном кольце побывали десятки паровозов и вагонов всех типов. Здесь опробовались первые локомотивы серий «ФД» и «ИС». Тут изучались тяговые и теплотехнические данные первенца послевоенного отечественного локомотивостроения — паровоза серии «Л». Здесь получили путевку в жизнь новые советские тепловозы, электровозы и цельнометаллические вагоны.

Испытание паровоза — сложный и длительный процесс. Чувствительные аппараты автоматически записывают силу тяги и скорость локомотива, специальные установки фиксируют температуру перегретого пара и уходящих газов, серия других приборов дает возможность судить о воздействии паровоза на путь, о прочности отдельных деталей и т. д. Лишь при определении силы тяги опытной машины приходится делать 1500—2000 различных записей, а полный отчет о результатах испытаний составляет объемистый том в 150—200 страниц печатного текста.

Труд паровозников-испытателей имеет много общего с работой летчика-испытателя. Машинист, так же, как и пилот, должен в совершенстве знать паровозы всех типов, виртуозно владеть искусством вождения.

Сейчас на экспериментальном кольце находятся два опытных локомотива, построенные улан-удэнским и коломенским заводами.

Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта М. Мейтин (слева) и Н. Корнев на испытании паровоза.

Фото С. Тартановского

Е. МАРТЫНОВ

На 135 тысяч километров протянулись в нашей стране стальные пути, из них 35 тысяч электрифицировано.

5 600 километров новых трасс появится на карте СССР к концу пятилетки.

10 миллионов пассажиров перевозят поезда каждые сутки.

17 тысяч поездов отправляются ежедневно в рейс.

2 тысячи новых магистральных электровозов и 6 тысяч тепловозов выйдут на стальные пути к концу пятилетки.

15,4 миллиарда рублей — таковы капиталовложения в железнодорожный транспорт в 9-й пятилетке.

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото Д. Ухтомского,
специальные корреспонденты
«Огонька»

1950 ГОД. В «Огоньке» № 43 опубликована заметка «На испытательном кольце». Когда я показал эту заметку заведующему отделением комплексных испытаний Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта профессору М. Ф. Вериго, он сказал:

— Да, подмосковное испытательное кольцо было, есть и будет важной научной лабораторией. Когда-то здесь получили путевку в жизнь первые советские паровозы «ФД», «Л» и другие. Но жизнь выдвинула новые требования. Паровозы становятся достоянием истории, уступив место скоростным электровозам и тепловозам. Проводятся опыты и по применению реактивной тяги.

Испытывать эту технику на кольце практически невозможно. Поэтому на станции Белореченская мы построили экспериментальный скоростной полигон.

Как только дали зеленый, Евгений Александрович Антонов передвинул рукоятку контроллера влево, и наш поезд двинулся в сторону Майкопа. Впрочем, поездом его можно назвать с большой натяжкой: два вагона электрички и третий, опутанный проводами, битком набитый приборами с надписью «Лаборатория ЦНИИ». Да и ехали мы как-то странно — задом наперед.

— Испытательный пробег начнем от Майкопа,— объяснил начальник экспериментального скоростного полигона Ф. Г. Куютин.— Вообще-то, это не дело, холостых рейсов у нас обычно не бывает, но во время вчерашних «гонок» заклинило колесную пару второй моторовагонной секции...

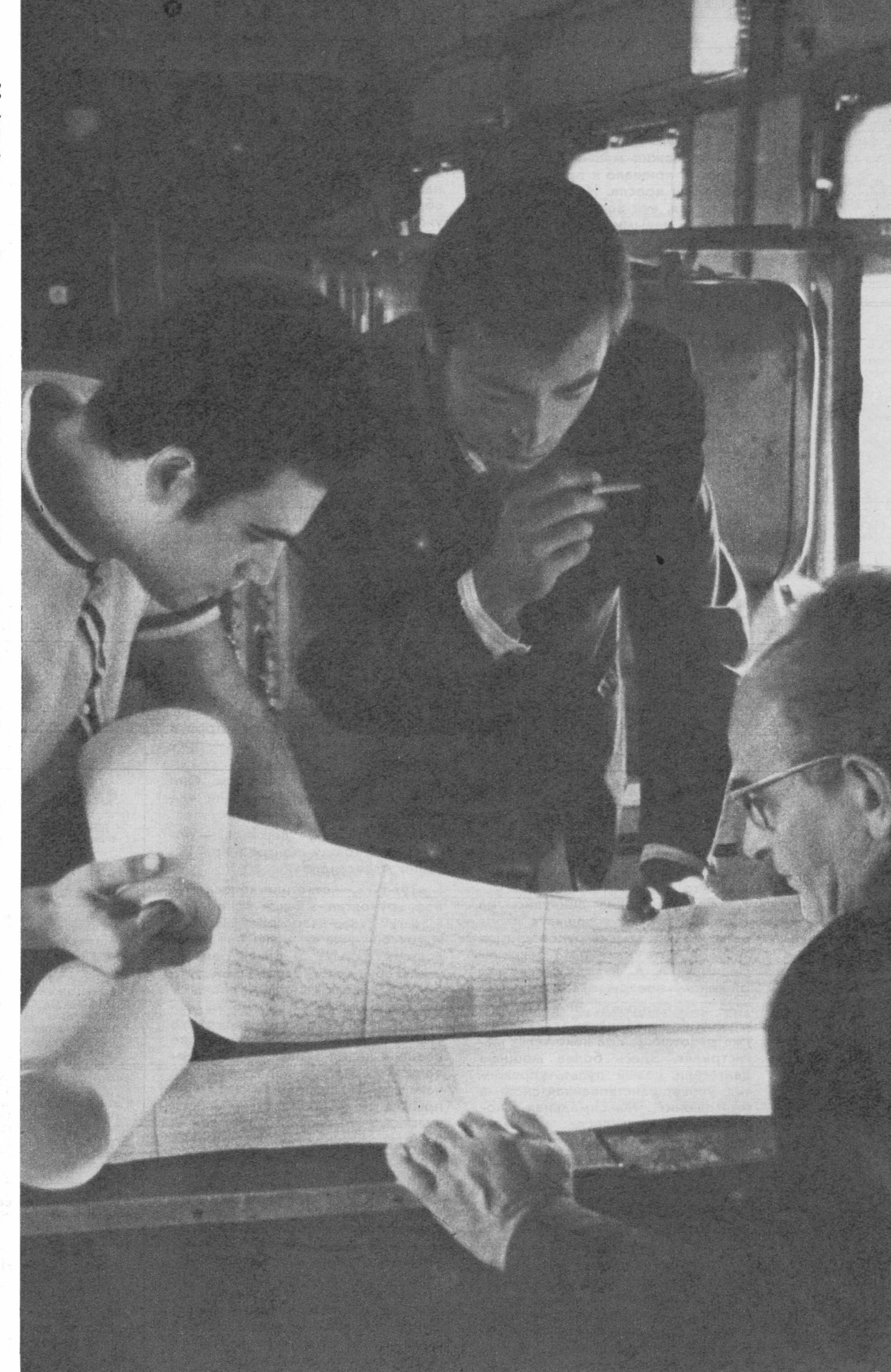
— А если заклинит и сегодня?

— Все может случиться. Испытания для того и проводятся, чтобы выяснить, на что способна новая техника и какие может преподнести сюрпризы...

Поезд быстро набрал ход. На двадцатипятикилометровом пути собрано все, что можно встретить на железных дорогах страны: крутые виражи и пологие кривые, прямые участки и неровности, сложные переплетения стрелок и переезды. И всюду установлены приборы, фиксирующие скорость, нагрузку на рельсы и другие показатели. Так что от машиниста зависит очень многое — он должен смело провести поезд через все препятствия и в то же время с предельной точностью выдержать скоростной режим.

— Кривая—350 метров,—сказал в микрофон Евгений Александрович.— Скорость — сто.

Резко бросило влево. Поезд вписался в поворот и с воем выр-

Эксперимент закончен. Кандидат технических наук А. А. Львов с молодыми помощниками А. Бржезовским и А. Захаровым изучают результаты испытаний.

РОВОЗ, ВПЕРЕД ЛЕТИ...

вался на прямую. Со столбов ошалело сорвались ястребы и свечкой ушли в небо.

— Кривая — пятьсот. Скорость — сто,— доложил машинист.

Теперь прижало к правому подлокотнику кресла. Не успел я выпрямиться, как вагон подпрыгнул. Сначала левыми колесами, потом — правыми. Еще секунда — и он оттолкнулся сразу всеми колесами, завис в воздухе, обрушился на рельсы и тут же мотнулся в сторону!

— Это и есть опасный участок,— выпуская из кулака взмокшую бороду, объяснил Феликс Григорьевич.— Внимание, высокая платформа!

Затрепыхались на платформе разноцветные ленточки, замельтешили стрелки, что-то с грохотом упало.

— Изучаем потоки воздуха,— продолжал Феликс Григорьевич.— На большой скорости образуется такая мощная воздушная волна, что может свалить с ног человека или засосать его под колеса; чтобы этого не случилось, мы должны точно знать, с какой скоростью идти мимо станции.

— Ханская! — объявил машинист.— Разгоняю до предела.

Сильнее завыли моторы. Чаще замелькали столбы. Стрелка показала сто тридцать километров в час... Проскочили переезд, и Евгений Александрович потихоньку сдвинул рукоятку крана тормоза, на которой до сих пор вроде бы без дела напряженно лежала правая рука. Остановились. Выскочили из вагонов, чтобы осмотреть состав. Евгений Александрович и его напарник Петр Васильев недовольно крякали и подкручивали какие-то гайки.

Когда не спеша двинулись на исходный рубеж, я пошел в лабораторию и попросил руководителя эксперимента кандидата технических наук А. А. Львова рассказать о новом поезде.

— Электропоезд ЭР-22М — это улучшенный вариант электрички, уже работающей на некоторых магистралях. Здесь более мощные двигатели, новый пульт управления, усовершенствованная система торможения. Максимальная скорость — сто пятьдесят километров в час. Сегодня ее не наберем: лабораторный вагон весит семьдесят тонн, а ездим на одном моторе — вторая моторовагонная секция в ремонте.

— Выходит, эта электричка не так уж и совершенна?

— Ну что вы! Просто мы испытываем ее в таких суровых условиях, в каких потом едва ли придется ей работать: предельные скорости, максимальные нагрузки, неровности пути, опасные участки, губительно действующие на поезда... Принцип нашей работы такой: завод делает опытный образец, мы его испытываем, даем замечания; завод выпускает новый образец с учетом наших рекомендаций, мы его снова ставим на испытание и только после этого разрешаем серийное производство. Иначе говоря, наш институт — своеобразный отдел технического контроля всего железнодорожного транспорта.

— А вы не помните, какой электровоз или тепловоз первым получил путевку в жизнь на этом полигоне? — спросил я у Ф. Г. Куютина.

— Ну как же! — улыбнулся он.— Все помню. Начали мы с чехословацкого электровоза ЧС-4. Его расчетная скорость сто шестьдесят километров в час, но мы ограничили ее до ста тридцати — у него была недостаточно совершенная ходовая часть. Завод, учтя наши замечания, прислал новый образец, которому мы разрешили уже расчетную скорость... Побывали здесь и другие чехословацкие электровозы: ЧС-2 и ЧС-2Т... Потом испытывали электровозы ВЛ-60 и ВЛ-80 — их делают в Новочеркасске; гоняли и ворошиловградский тепловоз ТЭП-60, развивающий скорость до ста шестидесяти километров в час... Рижский вагоностроительный завод присылал на испытания все свои электропоезда, в том числе и знаменитый ЭР-22 на пневматической подвеске. На его основе сейчас строится ЭР-200, который будет давать до двухсот километров. У нас же получили путевку в жизнь венгерский дизель-поезд и ворошиловградский скоростной тепловоз ФАУ-300, который выпускается специально для ГДР... А сколько здесь побывало вагонов и цистерн, сколько испытано тормозов, пантографов, изоляторов и всевозможных приборов!

— Вышли на исходный рубеж,— донесся из динамика голос машиниста.

— Можно начинать,— сказал А. А. Львов.— Кривое и опасное место — сто десять километров в час. От Ханской и дальше — предельная.

Я побежал к машинистам. Они в последний раз проверили все агрегаты и сели по местам.

— Ну, милая, держись! — похлопал рукоятку контроллера Евгений Александрович.

«Тут-тук»,— ответили колеса. Левее рукоятка — выше скорость. «Тук-тук-тук»,— тараторят колеса. И вот они уже не успевают передохнуть от стыка до стыка рельсов и захлебываются барабанной дробью! В поворот вошли, угрожающе накренившись, словно на велотреке. Взвизгнули колеса, охнул расступившийся воздух. И тут же вошли в левый вираж. Только вырвались из S-образной кривой, началась сумасшедшая тряска, прыжки на неровностях опасного участка... Пронесло! Впереди — прямая. Евгений Александрович закусил губу и до отказа сдвинул рукоятку.

Поезд будто подтолкнули! Машинист подался вперед. Мы покрепче ухватились за подлокотники. Гляжу на стрелку — 145 километров! В густой частокол превратились телеграфные столбы. Сплошной стеной стоит по обочинам лес, еще минуту назад казавшийся реденькой рощей. Даже свист ветра доносится откуда-то сзади. А громадные ястребы, парившие на почтительном отдалении, вдруг беспорядочно закувыркались, подхваченные волной.

А Евгений Александрович во весь голос распевал:

— Наш парово-о-з, вперед лети-и...

Заметив мое удивление, запел еще громче:

— Так вот и живем: ездим на электровозах, а поем о паровозах! Уж очень подходящая для этих скоростей песня!

Мелькнул переезд. Машинист легонько сдвинул кран тормоза и довольно улыбнулся:

— Ну, что? Хорош рысак?.. Хоро-о-ш! А если еще немного потренировать, побежит резвее...

ЧИСТЫЕ

Юсеф ЭС-СИБАИ,
Генеральный секретарь
Организации солидарности
народов Азии и Африки

Прочная и тесная дружба, основанная на солидарности и взаимопонимании, связывает два наших народа — египетский и советский.

На протяжении длительного периода новейшей истории складывалось и зрело чувство взаимной симпатии между обоими народами, в особенности после эпохального события — Великой Октябрьской революции.

Эта дружба была окончательно выкована и закалена после того, как в нашей стране совершилась революция 23 июля под руководством великого вождя египетского народа Гамаль Абдель Насера.

Революция высвободила нашу национальную волю, заложила фундамент социальных преобразований, ликвидировала феодальные пережитки, открыв путь для аграрной реформы. Она положила начало процессу индустриализации нашей страны. Наконец она привела к тому, что Египет стал проводить независимую внешнюю политику. Эти революционные, исторического значения шаги были предприняты Гамаль Абдель Насером при поддержке египетского народа. С этого времени — с 1952 года — началась новая эра в дружественных отношениях народов Египта и Советского Союза.

Дружба эта порождена антиимпериалистическими принципами, лежащими в основе общности интересов наших двух народов. Оба они непреклонно противостоят политике порабощения, эксплуатации и агрессии, которую проводят силы империализма. Оба народа оказывают бескорыстную поддержку национально-освободительным движениям во всем мире. И тот и другой народ сражаются в рядах великого международного антиимпериалистического фронта, против империализма, сионизма и расизма.

ОТБЛЕСК ЛЕТ ОГНЕВЫХ

«Журналистская работа писателя — это, как правило, разведка главных направлений времени и географические маршруты его жизненной биографии». Глубокий смысл этого высказывания Вадима Кожевникова становится ясным, когда знакомишься с однотомником его публицистики, куда вошли статьи, очерки и размышления с начала 30-х годов до наших дней.

Очерки 30-х годов, вошедшие в книгу, печатались в журналах и газетах, каждый материал был злободневен и, естественно, не рассчитывался на грядущее. Но, читая их через сорок лет, можно поразиться зоркости молодого писателя. В, казалось бы, будничных делах того времени он сумел увидеть ростки сегодняшней социалистической нови, запечатлеть рождение «советского характера», который с особой силой проявился в годы Великой Отечественной войны.

С первых ее дней Вадим Кожевников начинает работать во фронтовой газете «Красноармейская правда», а с 1943 года — корреспондентом «Правды». С Советской Армией он прошел по военным дорогам до Берлина, своими глазами видел беспримерное мужество и отвагу советских патриотов, вставших на защиту Отечества.

Рожденная в горниле суровых военных испытаний, военная публицистика писателя донесла до наших дней могучий заряд патриотического воодушевления, отличавший советских людей в те грозные годы. В военных очерках Вадима Кожевникова сотни героев — летчиков и связистов, танкистов и санитаров, моряков и политработников, людей разных возрастов, характеров и национальностей. Но писатель показывает, что всех их роднит беззаветная преданность партии Ленина, готовность отдать все свои силы, а если надо, и жизнь во имя свободы и счастья социалистической Родины.

В очерке «Самый счастливый человек» рассказывается о встрече с одним из бойцов на подмосковном рубеже в трудные декабрьские дни 1941 года. Готовясь к атаке, он сказал: «Я сейчас самый счастливый человек... потому что знаю: мы победим!» Эта идейная убежденность в справедливости и правоте нашего дела, умение быть мастером и в огне сражений и на трудовом фронте присущи героям всех произведений писателя.

Всегда находящийся на главном направлении и литературы и жизни, Вадим Кожевников в послевоенные годы часто бывает на заводах и стройках Москвы и Ленинграда, Поволжья и Урала, Сибири и Средней Азии. Здесь он встречает интересных людей, энтузиастов своего дела, которые становятся не только прототипами персонажей его романов, повестей, рассказов, но и героями документально точных и психологически глубоких очерков.

Мастер фабрики «Парижская коммуна» Лидия Корабельникова, разметчик с «Красного выборжца» Григорий Дубинин, токарь завода «Красный экскаватор» Виталий Семинский, экскаваторщик Михаил Евец, наладчик завода «Красная Этна» Юрий Веткин, электросварщик завода «Красный котельщик» Михаил Жаворонков — все они люди, чей творческий подвиг в созидательном труде равен ратному подвигу на поле брани. Оставаясь верным генеральной теме своего творчества — теме героического в людях, Вадим Кожевников с любовью рисует характер советского рабочего, творца технического прогресса, подлинного хозяина нашей жизни.

В последний раздел книги включены очерки о зарубежных поездках. И здесь, как и во всей книге, отчетливо видна особенность таланта Кожевникова: в пестрой мозаике фактов и событий разноязыкого и противоречивого мира находить ведущие тенденции времени. С братской заинтересованностью писатель-интернационалист знакомится с делами тружеников Болгарии, Венгрии, Югославии и других социалистических стран, рассказывает о социальных переменах в Индии и Египте, о простых людях капиталистических государств, с надеждой смотрящих на Страну Советов как на бастион мира и дружбы между народами.

Книга Вадима Кожевникова «Годы огневые» — еще одно подтверждение могучей силы художественной публицистики, призванной правдиво и ярко запечатлеть неумолимую поступь эпохи.

А. МИХАЙЛОВ

Вадим Кожевников. Годы огневые. Издательство «Советская Россия», М. 1972.

ИСТОЧНИКИ ДРУЖБЫ

Наши народы объединяют идеи социализма, защиты мира, отстаивания таких человеческих ценностей, как прогресс, справедливость и равенство. Ими одинаково руководит желание, чтобы подлинная дружба, взаимное доверие и равноправное сотрудничество стали основой взаимных отношений между всеми народами мира. Именно в борьбе против сил агрессии и угнетения, за счастливое и мирное будущее для всех крепнет дружба, которая объединяет народы Советского Союза и Египта.

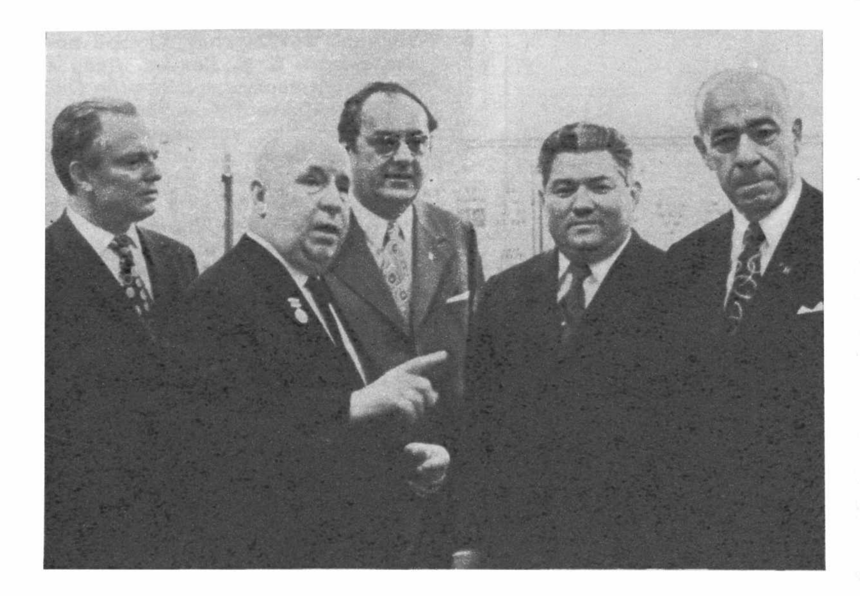
Советский народ оказывал и продолжает оказывать ценную помощь в нашей борьбе за независимость и строительство новой жизни. Это дало возможность революционному Египту ликвидировать монополию империалистов на поставки оружия, столь необходимого для обороны страны. Ныне наша армия снабжена современным оружием, необходимым для защиты национальных и социальных завоеваний египетского народа. Мы сумели также благодаря помощи Советского Союза, его партии и правительства приступить к осуществлению одного из самых великих свершений в истории Египта: строительству Асуанской высотной плотины. Асуан стал величественным символом дружбы между двумя нашими народами, образцом бескорыстного сотрудничества между великой социалистической державой и борющейся за свою независимость развивающейся страной. Продолжающаяся советская помощь в строительстве других промышленных объектов подтверждает всю плодотворность для нашей страны этого неоценимого сотрудничества.

В области международной политики советский и египетский народы стоят плечом к плечу в борьбе против всех форм империалистической агрессии и вмешательства во внутренние дела других народов. Египет решительно осуждает все империалистические пакты и союзы и прочно стоит на позиции всемерной поддержки национально-освободительных движений в Африке и Азии, прогрессивных сил всех стран.

Советский Союз оказал нам решительную поддержку во время тройственной агрессии в 1956 году. Он неизменно был на стороне Египта в годы его дальнейшей борьбы против враждебных происков империализма и сионизма. Особенно большую роль сыграла поддержка Советского Союза во время и после агрессии Израиля в июне 1967 года против арабских стран. Советский Союз на деле показал себя подлинным, надежным другом арабских народов. Он последовательно и непоколебимо отстаивает их справедливое требование о возвращении захваченных Израилем арабских территорий, об устранении всех последствий израильской агрессии, о восстановлении законных прав палестинского народа.

Египетский народ высоко ценит благородные принципы, лежащие в основе внешней политики Советского Союза. С каждым днем укрепляется дружба и сотрудничество Египта и Страны Советов, быстро развиваются культурные связи между нашими народами, нашим студентам предоставляются прекрасные возможности обучения в Советской стране, все шире знакомится наш народ с жизнью Советского Союза, его культурой, наукой, с его литературой и искусством.

Враждебные империалистические силы не раз пытались и пытаются отравить чистые источники египетско-советской дружбы. Но все эти попытки кончаются неизбежным позорным провалом. Эта дружба становится все прочнее, закаляется, как сталь, являясь важным положительным фактором нашей современности. Я убежден, что она будет крепнуть и развиваться со все возрастающим размахом и силой, помогая борьбе народов против империализма, работая на пользу дела мира, справедливости и равенства на всей планете.

ВЕРНИСАЖ ПОЧТОВЫХ МИНИАТЮР

50-летию образования СССР посвящена юбилейная Всесоюзная филателистическая выставка. Она открылась на днях в Москве, в залах Политехнического музея, и сразу же привлекла внимание филателистов — москвичей и гостей столицы.

Коллекции почтовых миниатюр, представленных советскими и зарубежными коллекционерами, рассказывают об истории рождения многонационального социалистического государства, о величайших заслугах в создании СССР В. И. Ленина.

Среди участников выставки, организованной совместно Министерством связи СССР и Всесоюзным обществом филателистов,— коллекционеры из Болгарии, Венгрии, ГДР, КНДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии.

На снимке: в день открытия выставки. Слева направо — заместитель председателя Всесоюзного общества филателистов СССР А. И. Качинский, председатель ВОФ А. Н. Яр-Кравченко, член делегации филателистов СФРЮ В. Вуесевич, заместитель министра связи СССР Д. И. Мангельдин и член делегации филателистов СФРЮ Б. Новакович.

Фото А. ГОСТЕВА.

С ПОБЕДОЙ, «ЗАРЯ»!

За три тура до конца XXXIV чемпионата СССР, в то время, как еще не были известны обладатели серебряных и бронзовых медалей, определилась команда-победительница. Золотые медали завоевали футболисты ворошиловградской «Зари».

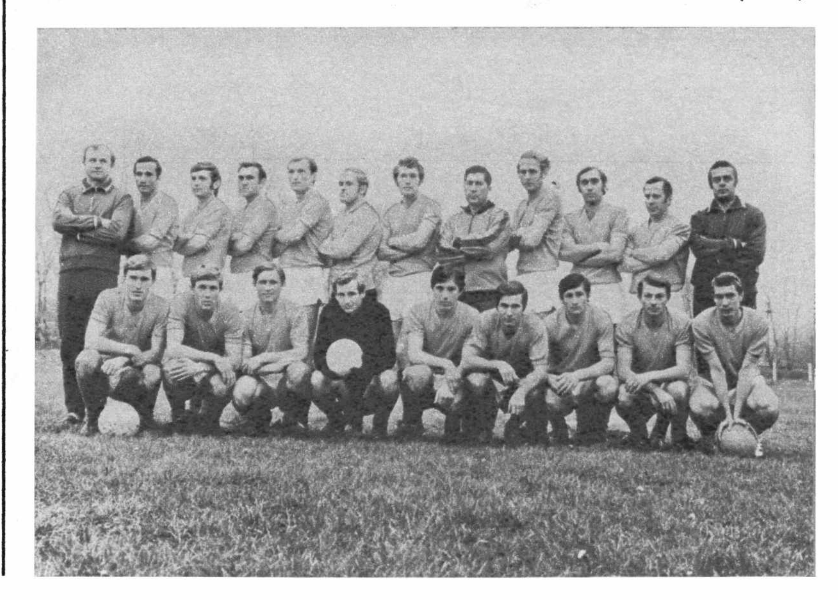
Только команды трех городов — Москвы, Киева и Тбилиси — за всю многолетнюю историю футбольных чемпионатов добивались успеха, и вот теперь в этом почетном ряду появился еще один город — Ворошиловград. Что же это, случайность? Нет, конечно. Какая же случайность в успехе команды завода имени Октябрьской революции, если она шесть лет выступает в высшей лиге, дважды входила в первую пятерку, а в нынешнем году уже за три тура до конца чемпионата, набрав 38 очков, оторвалась от ближайших соперников — армейцев на пять очков.

Итоги выступления «Зари» поистине блистательны. Из 27 игр новые чемпионы страны выиграли пятнадцать, вничью сыграли 8 и проиграли всего 4, меньше, чем кто-либо. Футболисты «Зари» забили больше всех мячей — 48.

С победой, «Заря»!

На снимке: команда «Заря» — чемпион СССР 1972 года. Сидят (слева направо)— Юрий Елисеев, Владимир Старков, Виктор Кузнецов, Александр Ткаченко, Анатолий Куксов, Владимир Малыгин, Сергей Кузнецов, Владимир Абрамов и Владимир Онищенко; стоят — врач Александр Олейник, Вячеслав Семенов, Владимир Белоусов, Анатолий Шульженко, Александр Журавлев, Михаил Форкаш, Валерий Копий, старший тренер Герман Зонин, Вячеслав Извеков, Николай Пинчук, Юрий Васенин, тренер команды Владислав Глухарев.

Фото В. Ун Да-сина (ТАСС).

ПОИСКИ И НАХОДКИ

И. КРАСНОВ,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории АН СССР

ДАНЬ ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ

Третьего апреля этого года в Нью-Йорке мне удалось посетить выставку картин американского прогрессивного художника Антона Рефрежье. Выставка проходила в клубе имени Мартина Лютера Кинга — рабочем центре одного из местных профсоюзов города. Автор картин — большой художник, гуманист, борец против грязной войны Соединенных Штатов во Вьетнаме, за мир и дружбу между народами.

На выставку Антона Рефрежье пришло немало посетителей, почитателей прогрессивного искусства. Среди них были старейший член Компартии США Дэвид Гордон со своей женой Лотти. С ними меня познакомил сам хозяин выставки— художник Рефрежье. В ходе обмена мнениями речь зашла о том, как воссоздается Лениниана в мировом изобразительном искусстве. Дэвид Гордон сказал мне, что в его личной библиотеке имеется ряд печатных изданий, на страницах которых запечатлен американскими художниками образ Ленина, и что, кроме того, он располагает небольшой коллекцией — медалью и значками с изображением Ленина и Крупской.

Это крайне заинтересовало меня. Я давно мечтал разыскать в США памятные медали, медальоны и значки, выпущенные в свое время американскими коммунистическими и рабочими организациями. Мне также очень хотелось найти первую бронзовую медаль с изображением «Николая Ленина», выпущенную газетой «Дейли Уоркер» в 1924 году, вскоре после смерти В. И. Ленина. Дело в том, что в первые годы после Октябрьской революции в печати США прочно утвердилось имя «Николай Ленин», а не «Владимир Ленин». В. И. Ленин иногда публиковал свои статьи под псевдонимом «Н. Ленин». Бронзовая медаль с изображением В. И. Ленина и серпа и молота — небольшая, всего 25 миллиметров в диаметре. Она была выпущена в память о великом человеке, и ее носили на груди в те годы американские коммунисты. Но мне не удалось ее найти во время первой моей научной командировки в США. Я обратился с просьбой к Дэвиду Гордону показать мне свою коллекцию, на что он сразу же согласился.

И вот передо мной рисунки американских прогрессивных художников и цветные значки с изображением В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Бронзовой медали 1924 года, правда, не было. Но на меня очень сильное впечатление произвела большая медаль, на которой запечатлен образ В. И. Ленина. Как сказал Гордон, пока не удалось установить, кто автор этой памятной медали, но одно ясно: это работа талантливого художника. На обратной стороне медали есть надпись по-английски: «Дейли Уоркер», Нью-Йорк Сити». Однако даты выпуска нет. По всей вероятности, медаль была выпущена вскоре после смерти Владимира Ильича.

Я сообщил Гордону, что давно занимаюсь поиском медалей и значков, посвященных В. И. Ленину. И то, что входит в его небольшую коллекцию, к сожалению, отсутствует даже в фондах Центрального партийного архива ИМЛ и Центрального музея В. И. Ленина.

Выслушав меня с большим вниманием, Дэвид Гордон поднялся с

И. Бродский. 1884—1939.
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Г. Гаев (Свердловск). ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

Художественная выставка «Урал, Сибирь, Дальний Восток».

ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА

Мара **ГРИЕЗАНЕ**

Осенний ветрило свищет
над Зимним и над Невою:
разгонится и с налету,
как иглами ледяными,
играючи, прошибает
добротный бушлат матроса —
детины с бунтарским чубом;
шинелишку пехотинца,
с лицом деревенским, робким,
и кожанку заводского,
очкастого и сухого,—
они у костра втроем.

Вокруг — ни души, как будто
весь мир в эту полночь вымер.
Лишь выстрел шальной бабахнет
да гулко отряд патрульный,
оружьем бряцая веще,
пройдет в отдаленьи где-то.
А в небе, как отраженье
костра, в черно-бурых тучах
то вспыхнет, то вдруг потухнет
мятежной луны багрянец.
С Невы наплывают клубы
соленой приморской мглы.

— Скорей бы,— матрос промолвил,—
спустить с кровопийцев шкуры!..
И грозно сверкнул зрачками
на смирного пехотинца.
Солдат кашлянул да крякнул:
— В деревне, поди, убрались...
Управились, слышь, в деревне...
Поди, и моя Анюта
лепешки печет дочуркам...
Путиловский старый мастер
усами прикрыл улыбку:
— Морозит сегодня лихо.
К хорошей погоде? А?..

Моряк над костром склонился.
Нахохлился, точно ястреб.
И тесную бескозырку
на лоб нахлобучил гневно.
Он думает: «Ах ты, лапоть!
Тебе бы домой, к Анюте...
Забыл ты, теленок, что ли,
как чертов буржуй брюхатый
тебя да твою Анюту
гонял, как скотину, в поле,
а сам целый день чесался,
чаи да варенья жрал?!.»

Вздохнул ветеран окопный.
Подбросил в костер дровишек.
И мыслит спокойно, мирно,
несуетно, по-крестьянски:
«Горяч ты, браток-матросик.
Хороший, видать, парнище.
Да зря осерчал: хотя и
не боек я на язык-то,
да их благородье, ротный,
корячился, словно баба,
когда я вечор в казарме
на штык принимал его...»

А питерский пролетарий
на камень облокотился.
Прищурил глаза устало.
Очки отогрел дыханьем.
Задумался: «Вот сидим мы.
Все разные. Кто откуда.
А коли поглубже вникнуть,
ведь мы-то и есть Россия —
хозяева в отчем доме!»
И сразу от этой думы
взбодрился и встрепенулся:
— Закурим, ребята! Ну!..

Россия, Страна, Держава
махрой затянулась крепкой.
И ждал обреченно штурма
притихший во мгле дворец.

кресла и сел за пишущую машинку. Вскоре он положил передо мною лист со следующими строками:

«Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза, Москва, СССР.

Дорогой товарищ Соловьев!

Мне приятно передать в качестве дара Институту через И. М. Краснова памятную ленинскую медаль, выпущенную газетой «Дейли Уоркер» много лет назад.

Моя жена Лотти и я надеемся, что наш дар в какой-то степени пополнит огромную коллекцию о Ленине, которую, как мы полагаем, Вы имеете в вашем Институте, и мы надеемся, что Вы примете наш дар.

С товарищеским приветом
Дэвид и Лотти Гордон.
Апрель 4, 1972, Нью-Йорк».

Моя последняя встреча с товарищем Гордоном состоялась в первой половине сентября. На этот раз им были подарены Институту марксизма-ленинизма четыре памятных ленинских значка и один значок Крупской.

По правде сказать, не сразу товарищ Гордон расстался с ними. И мы можем понять, что коммунисту, которому пришлось за идеи марксизма-ленинизма сидеть в тюремном каземате «демократической» Америки, пройти концентрационный лагерь во Франции в 1938—1939 годах за участие в гражданской войне в Испании, эти значки очень дороги. Он хранил их многие годы. И вот теперь принял твердое решение, подсказанное сердцем и совестью коммуниста, передать их на вечное хранение на родину Ильича.

Итак, дорогой читатель, всмотрись внимательно в образ В. И. Ленина, запечатленный на памятной медали, выбитой в Соединенных Штатах.

Медаль из черного металла диаметром в 125 миллиметров — замечательное произведение революционного искусства.

Значки с изображением В. И. Ленина и Н. К. Крупской, выпущенные американскими профсоюзами,— яркое свидетельство того, что Октябрьская революция в России, идеи Ленина близки и понятны тем, кто борется в США за социальную справедливость, против эксплуатации и гнета монополий.

Вот перед нами значок, условно назовем его № 1. Мы видим Ленина в костюме и кепке, стоящего на фоне заводских труб; на переднем плане — вооруженные солдаты на броневике (красный цвет). Значок из жести, раскрашенный в три цвета: красный, белый и черный. Белой эмалью на черном фоне указаны даты: «1870—1924». На овале значка есть надпись, но она сохранилась не полностью. Хорошо видно, что значок был выпущен в Чикаго. По всей вероятности, его выпустил Объединенный профсоюз литографов Америки. Размер значка 20 миллиметров.

Второй значок — самый маленький — 16 миллиметров в диаметре. Кто выпустил его, не указано.

Третий значок тоже из жести и в трех цветах: красный, белый, черный. 20 миллиметров в диаметре. А по черному окаймлению значка белыми буквами написано: «Победим империалистическую войну», «Защитим Советский Союз».

На обратной стороне этого значка, имеющего № 1215675, есть надпись: «Объединенный профсоюз литографов Америки. Местный профсоюз № 4, Чикаго»,— а также напечатана эмблема профсоюза.

Четвертый памятный ленинский значок самый большой. Его диаметр — 25 миллиметров. Он также из жести и трехцветный — красный, белый и черный. И на этом значке (на оборотной стороне его) указано, что он выпущен также Объединенным профсоюзом литографов Америки в Чикаго. А ниже помещены лозунги: «Вступайте в коммунистическую партию» (белыми буквами на красном фоне) и «Фашизм — это голод и война» (белыми буквами на черном фоне). По кругу на красном фоне белыми буквами написано: «Социализм — это мир и процветание».

Один из памятных значков посвящен Н. К. Крупской. Значок из жести, в диаметре 18 миллиметров, четыре цвета: белый, серый и темно-серый. По кругу значка на белом фоне надпись красными буквами: «Международный женский день. Боритесь против голода». В нижней части значка, на овале, указан типографский знак: «Совет профсоюза Объединенных печатников. Балтимор». Внутрь значка с оборотной стороны вложена отпечатанная на маленьком, круглом кусочке бумаги надпись: «Спаудлин компани, 285, 5-я авеню, Нью-Йорк Сити» — и эмблема профсоюза: «Ассоциация американских литографов. Профсоюз № 1».

Памятная медаль В. И. Ленина и юбилейные значки, посвященные Ленину и Крупской, свидетельствуют о том, что передовая, наиболее сознательная, революционная часть американского рабочего класса видела в В. И. Ленине своего учителя и отдавала ему дань глубокого уважения. Она несла в массы американского народа правду о первом в мире государстве рабочих и крестьян и призывала бороться против угрозы империалистической войны, в защиту Страны Советов.

Эти находки — лишь начало; и поиски, обогащающие Лениниану, несомненно, будут продолжены.

УЛЫБКА ГАГАРИНА

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

От автора.

Последние годы я работаю над маленькими рассказами о Юрии Гагарине. Материал для этих рассказов дают личные воспоминания, встречи с родными и друзьями первого космонавта, поездки — «чаянные» и нечаянные — в места, хранящие память о нем.

БУЯНКА

...— Ну, тут уж нам много легче стало,— сказала Анна Тимофеевна и вздохнула глубоко, как усталый пловец, наконец-то достигший берега, или путник — земли обетованной.— И, можно сказать, дорастила я своих меньших без особых затруднений, да и Алексея Иваныча на ноги поставила.

Разговор наш, часто нарушавшийся заходящими в дом людьми — по делу и просто по соседскому расположению,— не отличался порядком, стройностью, и я вдруг обнаружил, что потерял нить рассказа о военной страде семьи Гагариных.

После изгнания немцев Анна Тимофеевна оказалась с остатком семьи на пустоши разгромленного и расхищенного неприятелями хозяйства. Алексей Иваныч ушел в армию, старшего сына и дочь угнали в немецкую неволю, и при матери сохранились только десятилетний Юра и малыш Боря. Вокруг погорелье, разоренье. А жить надо. Выдали колхозу потерявших молоко коров в качестве тягла. «Корова два шага сделает, взбрыкнет, вскинется, хлоп на землю и лежит. Поди-кось подыми ее!» Но подымали, и пахали, и сеяли, и убирали скудный урожай. И примешивали лебеду к муке. И жили. Когда же Алексей Иваныч из госпиталя пришел, стали и свой приусадебный участок возделывать. Он сколотил сошку, пахали всей семьей: сам за коренника, Юрка с Борькой на пристежке, мать пахарем. А кончилась война, решили в Гжатск перебраться. Думали, легче там будет с работой у Алексея Иваныча. Но вышло неладно. Алексей Иваныч вконец расхворался: замучили желудок и костная болезнь. Пришлось Анне Тимофеевне одной семью тянуть. Работала на подсобном хозяйстве, а собственное хозяйство: дом, больного мужа, малых ребят — вовсе забросила. И вот тут-то пришло к ней великое облегчение, позволившее оставить работу, взяться за лечение мужа, за всю домашность и воспитание ребят.

— Так с чего же вам легче стало, Анна Тимофеевна?

— Вот те раз!.. А корова? Говорю ж, подсобили нам телушку купить, как тяжело нуждавшимся, стало быть...

Да, городской человек не сразу берет в толк, что значит корова для сельских жителей!

Телушку эту назвали Буянкой, дабы заклясть судьбу,— уж больно дохлой, нежизнегодной выглядела тощая скотина. Может, впрямь помогло лихое прозвище: выпоенная, выхоженная Анной Тимофеевной, Буянка стала доброй молочной коровой с редким пищевым трудолюбием. «Правда, тугосися,— добросовестно сообщила Анна Тимофеевна.— Я об нее руки обломала, пока раздоила. Ну, а уж потом вернулось мне за все труды сторицей».

Соседки удивлялись, как на скудных выпасах, уделенных частному скоту по обочинам и канавам, опушкам лесов и просекам, топким закрайкам болот, да на пустом сене, а то и соломе с крыши набирала тихая Буянка столько жирного молока. На редкость умна и трудолюбива была рыжая коровка: идет с пастьбы, всякий раз клевера, вики или люцерны с общественных лугов прихватит, на сельской улице пыльного спорыша — таптун-травы — пощиплет, а после горячее пойло до капли подберет. И куда ее ни приведи, всегда сытую и полезную траву отыщет. Где другие коровы морду воротят — кругом ядовитая купальница или столь же вредный для нутра чистотел, Буянка непременно найдет пырей-козлобородник, борщевик и, знай, хрумкает! И то ж на болотах: среди пустых, непитательных осотов отыщет осоку мелкую или водяную и насыщается будь здоров! Похоже из дали лет, что Буянка ведала о своем высоком предназначении: вспоить и вскормить первого космонавта мира.

Но Буянка не только кормила будущего космонавта и его братишку, но и одевала. Махотки с коричневато-розовым топленым молоком, творог в марлевом узелке, густую белую сметану в горшочке носила Анна Тимофеевна на базар, а выручку обращала в ботинки, калоши, штаны, курточки и пальтишки для своих молодцов. И карандаши, и вставочки, и тетрадки в клеточку и линейку, и книжки с картинками — все добывалось из тяжелого Буянкиного вымени.

Пас корову Юра. Он не всегда следовал наставлениям матери, где можно пасти, а где нельзя. Случались среди запретных мест лесные лужки и вырубки с пышным разнотравьем, сухие болота с сочнейшей косчей травой, куда не пробраться с косилками и без выгоды посылать малочисленных колхозных косцов. Так что же — задаром пропадать богатым кормам? И Юра гнал туда Буянку. Он был на редкость и на радость послушный мальчик, но только до тех пор, пока видел разумность тех или иных запретов. Буянка платила привязанностью своему отважному пастуху. Когда их заставал на пастбище ливень, Юра забирался под брюхо Буянке, громадные вздутия боков надежно защищали от секущих, холодных капель. Случалось, он засыпал под хлест дождя, раскаты грома и вспышки паучиц-молний, и Буянка стояла не шелохнувшись, чтоб не повредить спящего под ее чревом мальчика.

ВОРОТА В НЕБО

Вот и взята первая высота, имя которой — Саратовский индустриальный техникум. Быть может, это чересчур пышно сказано — высота. Техникум дает всего лишь среднее техническое образование. Ну, скажем, не высота, ступень. Что же дальше? Можно пойти работать, можно продолжать учебу, теперь уже в институте. Большинство товарищей точно знало свой путь: кто уезжал на Магнитку, кто в Донбасс, кто на Дальний Восток, а кто присмотрел себе место на заводах, где проходили производственную практику: на московском имени Войкова или ленинградском «Вулкане».

Юра Гагарин защитил диплом с отличием, перед ним были открыты все дороги, но, когда товарищи спрашивали: «А ты куда?» — он отмалчивался. И не потому, что, подобно былинному витязю на распутье, не знал, куда повернуть коня... Выходило теперь, что выбрал этот юный металлург не горячий цех, не институт, а Оренбургское летное училище.

Юра знал, что ему не станут чинить препятствий, военлет — профессия благородная, и все же до дня торжественного вручения дипломов об окончании техникума он не подозревал, что человеку может быть так скверно на душе. Его поздравляли, ему аплодировали, жали руку, желали славного трудового будущего, а он едва удерживал крик в горле: «Остановитесь! Вы ошиблись во мне! Я всех обманул!..»

Да, он всерьез считал себя обманщиком, чуть ли не предателем. Его столько лет учили, кормили, одевали, обеспечивали теплым жильем и карманными деньгами, столько сил, терпения, душевной заботы потратили учителя и цеховые мастера, чтобы сделать из него квалифицированного литейщика, и все впустую!.. Как доверчиво и озабоченно спросил директор техникума, подписывая ему на четвертом курсе рекомендацию в аэроклуб: «А учебе это не помешает?» «Конечно, нет!» — заверил Гагарин, знавший, что с плохой успеваемостью в клубе держать не станут. Да, аэроклуб помешал не учебе, а куда большему — жизни в приобретенной профессии.

И тут, как удар под вздох, известие: в Саратов приехал старый Мастер. Так величали своего наставника, мастера литейного цеха и великого друга учащиеся Люберецкого ремесленного училища. Это он при-

вел их впервые в горячий цех, ожегший робкие души деревенских пареньков испуганным восторгом.

Что привело Мастера в Саратов и как раз в дни выпуска? Среди окончивших было трое его учеников: Чугунов, Петушков, Гагарин. Может, он рассчитывал выбрать среди них наследника, ведь нужно передать кому-то все, что узнал за долгую жизнь о литье — древнейшем занятии людей. И когда Гагарин услышал, что Мастер требует его к себе, то не выдержал и открылся товарищам.

Одни сказали:

— Плюнь, не ходи!

Эти не знали Мастера и не слышали о нем.

Другие сказали:

— Пойди. Чем ты рискуешь?

Эти кое-что слышали о Мастере.

А Петушков отрезал жестко:

— Дело совести!

И Чугунов согласно кивнул головой.

Так считал и сам Гагарин. Но, видать, хочется иной раз человеку опереться о чужую совесть. А этого делать не следует: совесть не берут ни взаймы, ни напрокат.

Впоследствии Гагарин говорил, что никогда так не волновался, как перед встречей с Мастером. Впрочем, он вообще волновался редко, иначе не стал бы Космонавтом-1. Гагарин не хотел, чтобы первый же его самостоятельный шаг пришелся на старое сердце человека, который был по-отцовски добр к нему. Пусть Мастер сам решает, как ему поступить. Тот, не перебивая, выслушал сбивчивое признание.

— Видать, ты мне очень доверяешь...— сказал он задумчиво.

Гагарин наклонил голову.

— И все-таки думай сам. Еще недавно ты без литья не мог, а сейчас — без полетов. Уж больно ты переменчив.

— Если не летать, то ладно...

— Обижаешь, Юрий! Что значит «ладно»? Для меня моя профессия — вечный праздник, а ты словно о похоронах... Человек должен только свое дело делать, единственное. Как говорится, «рожденный лётать, не может ползать».

— Чье это?— вскинулся Юра.— Что-то знакомое!

— Стих. Максима Горького. Про Буревестника.

Ворота в небо открылись. Хотя Мастер слегка перепутал ключи.

В ГОРОДСКОМ САДУ

По субботам и воскресеньям в Оренбургском городском саду действовала открытая танцевальная площадка. Мощные, с ржавой хрипотцой звуки вальсов, фокстротов и танго валили из черных громкоговорителей, а музыкальной рубкой служила фанерная будочка на задах вечно пустующей, печальной раковины духового оркестра. Пластинки были старые и заигранные: «Дождь идет», «Цыган», «Риорита», «Японские фонарики», утесовские «Сердце» и марш из «Веселых ребят», «Уходит вечер», «Дунайские волны», а из новых — одна «Голубка», да и то знатоки утверждали, будто и она старая, только носила другое название — «Палома». Но местные девушки охотно ходили на танцплощадку, ибо тон здесь задавали офицеры и курсанты летного училища, народ подтянутый, строгий и знающий обхождение. Пьяницы и хулиганы боялись нос сюда сунуть. Летчики, не прибегая к услугам робкой администрации и осторожно-ленивых милиционеров, расправлялись с ними по-военному четко, быстро и основательно. Да и вообще порядки на танцплощадке царили строгие. Во время танца запрещалось курить, толкаться, произносить нецензурные слова; полагалось уступать дамам место на скамейке и приглашать к танцам не свистом или пощелком пальцев, а по всем правилам вежливости. Возле площадки продавались мороженое, морс, ситро, а крепкие напитки были оттеснены к детскому городку. И штатские кавалеры поневоле смирились со строгим этикетом и даже стали находить в нем вкус.

В тот субботний вечер на площадке преобладали пиджаки и кепки, а Вооруженные Силы были представлены дородным старшиной-пехотинцем и застенчивым артиллерийским лейтенантом. Голубых погон, а равно и золотых с голубой окантовкой что-то не попадалось. Потанцевав раз-другой с какими-то не очень ловкими партнерами, Валя Горячева и ее подруга собрались уходить. Пусть в нашем рассказе сопровождавшая Валю девушка, рослая, крупной кости, с пухлым, ленивым ртом и почти добела обесцвеченными волосами, так и останется Подругой. Хотя по жизни, тихая, неброская, охотно уходящая в тень, Валя Горячева куда чаще играла роль бессловесной подруги при своей видной, самоуверенной спутнице.

Итак, девушки уже собрались домой, когда возле площадки появились два летных курсанта с сержантскими лычками — высокий и низенький. Девушки сразу заметили курсантов и напустили на себя равнодушно-рассеянный вид. Курсанты, в свою очередь, заметили девушек, и низенький взволнованно сказал:

— Вот она!

— Которая из двух?— обеспокоился высокий.— Большая блондинка?

— Нет, другая.

— Ну, слава богу! А я уже испугался... До чего же ты все-таки удачливый парень!— сказал он почти с завистью.

— Это чем же?

— На друзей тебе везет. Эх, мне бы такого покровителя!— Голос прозвучал мечтательно.

— Ты, видать, давно не получал?

— Ладно, везун. Сейчас я тебя познакомлю.

Он широко шагнул, преградив дорогу девушкам.

— Здравия желаю!— ловко козырнул, улыбнулся, поймал длинной рукой плечо своего приятеля и вытолкнул вперед.— Прошу любить и жаловать — отличник боевой и политической подготовки, сержант Юрий Гагарин.

Гагарин коснулся пальцами околыша фуражки, пожал вялую руку высокой, не разобрав ее имени, а потом — сухую, крепкую руку девушки, назвавшей себя Валей.

— Ого, какая сильная рука!

— У медработников должны быть сильные руки.

— Вы врач?

— Нет. Учусь в медицинском училище.

— Хорошо!— послышался возмущенный голос высокого курсанта.— Сам познакомился, а своего друга и благодетеля не подумал представить.

Гагарин понял, что в очередной раз стал жертвой приятельского розыгрыша, но на этот раз не мог сердиться.

— Познакомьтесь, Юрий Дергунов, отличник по всем статьям, только очень застенчивый.

— Оно и видно!— благосклонно уронила Подруга.

А потом все было как полагается: танцы без устали, мороженое, ситро. Подруге приглянулся высокий, ловкий, веселый партнер. К тому же она любила, когда «красиво» ухаживают. Под этим она подразумевала беспрекословное исполнение разных мелких прихотей: еще палочку «эскимо», еще стакан газировки с сиропом, сигарету, хотя не умела курить. Естественно, она отдавала предпочтение погонам, хотя бы с одной маленькой звездочкой, на сержантские доходы не разгуляешься, но Дергунов был, по всей видимости, переодетым принцем: он безропотно курсировал между площадкой и ларьком.

Валя поначалу тоже была довольна своим сдержанным кавалером. Человек прямой и строгий, она равно не терпела лукавых околичностей и бесцеремонностей. Она, конечно, сразу почувствовала, что нравится курсанту, и была благодарна за почтительное поведение. В отличие от большинства сынов воздуха он не обнаруживал склонности к высоким скоростям и молниеносному маневру.

Ей было покойно и надежно с молчаливым курсантом, но бес, который со времен прародительницы Евы толкает женщин к опасным поступкам, заставил ее полюбопытствовать:

— А что вы делаете на улице Чичерина? Я вас там часто вижу.

— Отвечать обязательно?— улыбнулся Гагарин.

— Там ваша милая живет?— с ноткой пробуждающейся ревности спросила Валя.

— Да,— глядя ей прямо в глаза, ответил Гагарин.— Там живет моя милая.

— В каком доме?— упавшим голосом спросила Валя.— Я там всех знаю.

Гагарин назвал.

— Неправда! Вот и неправда! Я сама живу в этом доме!..— И тут до нее дошло признание Гагарина. Так вот почему она встречала его на своей улице!

Смутная радость этого открытия погасла почти мгновенно. Пусть он сказал правду, пусть она сама вызвала его на откровенность, все равно это отдавало ненавистной похвальбой... Смотри ж ты, а на вид скромняга... Она ощущала какую-то несправедливость в своих мыслях, но ничего не могла поделать с собой.

Почувствовав, что Валя скисла, Подруга предложила переменить декорации.

— Мы обе помешаны на кино!— сообщила она.

Курсанты переглянулись, и Дергунов сказал с веселым сожалением:

— Рады бы, да капиталы не позволяют!

— Эх вы, а еще сержанты.

— Живем широко, с настоящим гусарским размахом. По два наследства проели. Судите сами: ежедневно пачка сигарет. Юра, правда, не курит, но не знает удержу по части мороженого. Чуть не каждое воскресенье — кино, газировка опять же поглощает уйму средств...

— Хватит травить-то!— поскучнела Подруга.

— У меня есть деньги,— тихо сказала Валя.

— Брать деньги у женщин! — ужаснулся Дергунов. — Так низко мы еще не пали.

— Нам надо пораньше вернуться в часть, — вмешался Гагарин. — У нас завтра соревнования.

— Какие?

— По баскетболу.

— И вы, конечно, тоже участвуете? — усмехнулась Подруга.

— А как же, он наш капитан! — гордо сказал Дергунов.

— Хватит трепаться!..

Не утруждая себя прощанием, Подруга властно схватила Валю под руку и повлекла прочь.

— Приходите на стадион! — крикнул Гагарин.

Ему не отозвались...

— Кажется, переборщил ты по части юмора, — заметил Гагарин другу.

— Но ведь у нас правда нет денег.

— Можно было как-то иначе сказать... без обиды.

— Тогда возникла бы другая идея. Прогуляться по набережной или посидеть на скамейке в парке. Мое дружеское самопожертвование не заходит так далеко.

— Она тебе не понравилась?

— Большая блондинка? Она слишком хороша для меня. И не делай мне больно, не говори о ней...

...На другое утро Валя Горячева пораньше выбежала из дому. Непроспавшаяся и не совершившая утреннего «намаза», Подруга встретила ее в штыки:

— На стадион?.. Ну, можно быть такой наивной дурой? Неужели ты поверила этим трепачам?

— А зачем им было трепаться?

— Чтобы в кино не вести.

— Так они же сразу сказали, что не при деньгах...

— Ладно... Ты видела когда-нибудь баскетбол? Там одни жердилы упражняются. Твоему недомерку — самое место!..

Валя никак не думала, что ей может быть так тяжело. Казалось бы, что тут такого? Малознакомый человек сказал чепуховую неправду. Может, похвастаться хотел, может, скрыть возникшую неловкость. Или просто пошутил, ведь каждому видно, что баскетбол не для него. И стоит ли думать об этом? Кто они друг другу? Встретились — разошлись... Но ведь он приходил на их улицу, она не раз видела его. Вот это нужно было спасти. Растерянная, не понимающая самой себя, Валя почти бежала по пустынным воскресным улицам к стадиону.

Там действительно происходили соревнования по баскетболу между курсантами летного училища и артиллеристами. Большая толпа военных окружала площадку. Летчики проигрывали, Валя поняла это по крикам болельщиков. Затем она услышала имя Гагарина. И тут же увидела его в высоком прыжке у корзины противников.

— Мне стало очень стыдно и очень радостно, — говорит Валентина Ивановна. — Я сразу поверила всему, что он говорил мне, и верила всю жизнь, до последнего дня.

— А он правда хорошо играл? — спросил я. — И рост не был ему помехой?

— Его выручал прыжок. Он потому и увлекся баскетболом, что у него не было данных для этой игры. Гагарину всегда нужно было что-то преодолевать... Кстати, летчики тогда выиграли. За несколько секунд до конца при ничейном счете они владели мячом. И тут у артиллеристов нарушение. Штрафной. Курсанты-болельщики ревмя ревели: «Откажитесь!» Но Юра, капитан, решил бросать. Вы что-нибудь в баскетболе понимаете?

— Летчикам лучше было держать мяч. Бросок на последних секундах — это слишком ответственно. Тут и у мастеров сдают нервы.

— Но не у будущих космонавтов. Юра примерился, спокойно уложил мяч в корзину, и тут же прозвучал свисток. Кто-то из тех, кто болел за артиллеристов, не выдержал, сказал тогда: «Вот чертово везение!» А Юрин начальник поправил его: «Нет, это характер!»

В комнату, дыша мартовским холодом и следя на чистый паркет, ворвались два прекрасных маленьких существа в одинаковых цигейковых шубках и вязаных шапочках — гагаринские дочки.

— Мама, сегодня кино про Виниту!..

Обе похожи на отца, но у старшей это сходство выходит за грань привычного и щемит сердце. Она дарит окружающим не копию, а подлинник отцовской улыбки. Я глядел на Валентину Ивановну, склонившуюся к дочерям, и меня вдруг поразило, что все, о чем я только что услышал, произошло не в давние времена, а всего лишь тринадцать лет назад. Как недолог был срок, в который уместилась вся лучшая жизнь Юрия Гагарина: любовь, женитьба, рождение дочек, служба на Севере, испытания космической учебы, подвиг, всесветная слава, знакомство с миром, широко открывшим объятия гжатскому парню.

Урна с горсткой праха Гагарина замурована в Кремлевской стене. И пусть для миллионов людей Гагарин продолжает жить, его нет, и лучше всех это знает невысокая, стройная женщина с красивым, нежным и строгим лицом. Судьба была к ней бесконечно щедра и столь же безжалостна. За краткий срок молодости она увидела и небо в алмазах и бездну небытия, поглотившую самое дорогое.

Она живет. Ест хлеб, гуляет в праздники. Растит дочек, встречается с людьми, отвечает на письма, ей пишут со всего света. В Звездном городке она окружена дружбой, вниманием, заботой. Но с каким восторгом отдала бы она все это чужое тепло за одно прикосновение того, кто ушел! Особенно трудно бывает иной раз вечерами, когда над Звездным городком распахнуто огромное черное небо в ярких, ограненных звездах. Вспоминается так много... Но надо жить. И она живет...

На дальнем Севере, под мерзлым курганчиком, в который врос, как впаялся, самолетный пропеллер, лежат кости смелого пилота и веселого, верного друга — Юрия Дергунова.

Вот так распорядилась жизнь с молодыми людьми, встретившимися одним субботним вечером в Оренбургском городском саду, где играла музыка.

ТОСТ

Свадьбу играли в доме Горячевых. Звучит громко, а состоял этот «дом» из одной-единственной, правда, большой комнаты, где обитала вся Валина семья. Раздвинули обеденный стол, другой у соседей одолжили да еще кухонный приставили, а все равно не хватает мест по числу ожидаемых гостей: многочисленной родни, невестиных подруг, друзей жениха, молодых военлетов. Сняли с петель дверь и положили на козлы, накрыли белой крахмальной скатертью — чем не стол? Только у Дергунова все рюмка падала, его место как раз против дверной ручки пришлось. А может, он нарочно заставлял рюмку падать — для веселья? Было много хороших слов, и тостов, и криков «Горько!», а вершиной праздника явились, конечно, беляши, приготовленные искусными руками Валиного отца, шеф-повара. Но в общем застолье получилось нешумное, серьезное, словно бы задумчивое. Это объяснялось и строгим достоинством невесты, и тем, что новоиспеченные лейтенанты еще не привыкли к своим необмявшимся офицерским кителям с золотыми синеокантованными погонами, и предстоящей им скорой разлукой — в разные концы земли разлетались старые товарищи, — и только что переданным по радио сообщением о полете второго спутника с собакой Лайкой на борту.

Перед беляшами у летчиков произошел даже не совсем уместный на свадьбе спор, кто первым из людей полетит в космос. Большинство сходилось на том, что пошлют какого-нибудь выдающегося ученого, академика.

— Академики все старики, а там нужен молодой, здоровый, — возражал румяный лейтенант Ильин.

— Бывают и академики молодые!..

— Редко, и все равно дохляки. Пошлют врача, чтобы проверить, как космос на организм влияет.

— Пошлют подводника! — выпалил Дергунов.

Все засмеялись. Думали, Дергунов по обыкновению «травит». Но он был серьезен.

— У подводников самый приспособленный к перегрузкам организм.

— Пошлют летчика-испытателя! — убежденно сказал Гагарин.

— С чего ты взял?..

— Думает, его пошлют!..

— При чем тут я?.. Поймите, человека не пошлют в космос пассажиром, как собачку Лайку. От космонавта потребуется умение водить космический корабль, а это под силу только летчику.

— Твоими бы устами мед пить!..

— Все равно мы устареем к тому времени...

Тут подоспели беляши, и спор прекратился. Отгорела, погасла скромная свадьба и снова вспыхнула уже на гжатской земле, в доме Гагариных. Так было решено с самого начала — играть свадьбу дважды. Неуемный во дни былые странник, Алексей Иванович стал неподъемен для больших путешествий, да и не было таких капиталов, чтоб всем кланом катить в далекий Оренбург.

Сердечно приняла Валю новая семья.

— Чтоб у вас радость и горе — все пополам! — сказала Анна Тимофеевна и обняла невестку. — Звездочка ты моя!..

А за праздничным столом разговор опять свернул на космонавтику, хоть присутствовал тут народ сугубо и крепко заземленный.

— Юра, что у вас говорят насчет космоса? — крикнул через стол старший брат Валентин. — Скоро ли человека пошлют?

— Разное говорят. По-моему, скоро.

— О чем вы там? — поинтересовался хозяин стола Алексей Иванович.

— Юрка говорит, скоро человека в космос пошлют.

— Куда? — строго переспросил Алексей Иванович, слово еще не было на слуху, как сейчас, и потребовал: — Уточни!

— Ну, в мировое пространство... Ближе к звездам...

— Так бы и говорил! — Он серьезно сдвинул лохматые брови. — Очень даже свободно... И главное — найдется такой дурак...

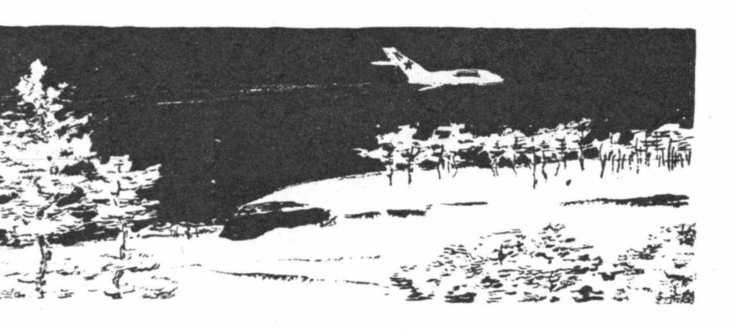
Застолье грохнуло, как духовой оркестр по знаку капельмейстера. Старик Гагарин недоуменно оглядел смеющиеся лица и, чего-то вдруг смутившись, поправился:

— Чудак, говорю, такой найдется...

Но все продолжали смеяться, и громче, веселее всех — Юрий.

Как вдруг именно он сказал:

— Хватит ржать, — и сказал он это так тихо и таким странным голосом, что все разом оборвали смех. — Нам легко тут языки чесать... А каково будет этому... который к звездам?.. Один... Нам с ним, конечно, хлеб-соль не водить, но давайте выпьем за его здоровье...

ГИБЕЛЬ ДЕРГУНОВА

Они трудно и хорошо служили у северной нашей границы, где низкие сопки, поросшие соснами-кривулинами, и гладкие валуны, где полгода длится ночь и полгода — день. Небо над этой суровой землей помнило Курзенкова, Хлобыстова, Бориса Сафонова — бесстрашных героев минувших битв. Впрочем, небо — великая пустота — ничего не помнило, а вот молодые летчики крепко помнили, на чье место пришли.

Они учились летать во тьме полярной ночи, в туманах занимающегося бледного полярного дня, а когда простор налился блеском неподвижного солнца, у них прорезался свой летный почерк.

Впервые об этом сказал вслух скупой на похвалы Вдовин, заместитель командира эскадрильи. Юра Дергунов вел тогда тренировочный бой с кем-то из старших летчиков, проявляя прямо-таки возмутительную непочтительность к опыту и авторитету маститого «противника».

— Неужели это правда, Дергунов? — усомнился Алексей Ильин.

— Не узнаете почерк своего друга? — через плечо спросил Вдовин.

— Ого! У Юрки, оказывается, есть почерк?

— И весьма броский! Смотрите, как вцепился в хвост!..— Вдовин повернулся к молодым летчикам.— У каждого из вас уже есть свой почерк, может быть, не всегда четкий, уверенный, но есть...

Вот так оно и было. А потом Дергунов приземлился, с довольным хохотком выслушал от товарищей лестные слова Вдовина, пообедал в столовой, со вкусом выкурил сигарету и завел мотоцикл. Ему нужно было в поселок на почту. Алеша Ильин попросил взять его с собой.

Ильин забрался в коляску, Дергунов крутнул рукоятку газа, и, окутавшись синим дымом, мотоцикл вынесся на шоссе.

У Дергунова уже определился броский, элегантный летный почерк, ему не занимать было мужества, находчивости, самообладания, но все его качества пилота и все обаяние веселого, легкого, открытого характера не пригодились в тот миг, когда вылетевший из-за поворота грузовик ударил его в лоб.

Ильину повезло: его выбросило за край шоссе, в мох. Дергунов был убит на месте.

Его похоронили на поселковом кладбище. Мучителен был хрип неловких речей, странны заплаканные мужские лица. Гагарин молчал и не плакал. Он молчал двое суток, не спал и не ходил на работу. В третью ночь он вдруг заговорил, стоя лицом к черной занавеске на окне и глядя в нее, словно в ночную тьму.

— Это страшно... Он ничего не успел сделать... Ни-че-го! Мы все ничего не успели сделать... Нам сейчас нельзя погибать. После нас ничего не останется... Только слабеющая память в самых близких... Так нельзя... Я не могу думать об этом... Дай хоть что-то сделать, хоть самую малость, а тогда бей!

«Это он — смерти!» — догадалась Валя и вспомнила наконец, что она как-никак медицинский работник.

Гагарин бережно взял стакан с успокоительным лекарством, не спеша опорожнил его в раковину и лег спать. Утром он сделал зарядку и пошел на работу...

Вспомнил ли Гагарин о своих словах черным мартовским днем, когда подмосковный лес стремительно придвинулся к потерявшему управление самолету островершками елей? Да, он-то сделал и не какую-то малость, но было ли ему легче оставлять жизнь, чем безвестному Дергунову? Этого мы никогда не узнаем.

О ЧЕМ ДУМАЛ ГЕРОЙ

После своего исторического полета Юрий Гагарин стал нарасхват. Его хотели видеть все страны и все народы, короли и президенты, люди военных и штатских профессий, самые прославленные и самые безвестные в человечестве. И Гагарин охотно встречался со всеми. Но охотнее всего шел он к курсантам летных училищ, как бы возвращался в собственную юность, в ее лучшую, золотую пору.

Как-то раз, когда официальная встреча уже закончилась и дружеский разговор перекочевал из торжественного зала в чахлый садик на задах летной шкблы, один из курсантов спросил спотыкающимся от волнения голосом:

— Товарищ майор... этого... о чем вы думали... тогда?..

— Когда «тогда»? — переспросил с улыбкой Гагарин и по тому, как дружно грохнули окружающие, понял, что задавшему вопрос курсанту в привычку вызывать смех.

Когда-то так же смеялись каждому слову Юры Дергунова — в ожидании шутки, остроумной выходки, розыгрыша, но тут было иное: смех относился к сути курсанта. Гагарин пригляделся к нему внимательней: большое, незагорелое лицо, вислый нос, напряженные и какие-то беспомощные глаза, толстые ноги иксом. Да, не Аполлон. И не Цицерон к тому же — вон никак не соберет слова в фразу, чтобы пояснить вопрос. Мгновенно охватив все это, Гагарин принял курсанта под свою руку.

— Ну, в общем... я чего хотел спросить... когда вы по дорожке шли?..

Курсанты снова грохнули, но Гагарин остался подчеркнуто серьезен, и смех сразу погас.

— Вы имеете в виду Внуковский аэродром? Рапорт правительству?

— Во... во!..— обрадовался курсант, достал из кармана мятый носовой платочек с девичьей каемкой и вытер вспотевший лоб.

Теперь уже все были серьезны, и не по добровольному принуждению, а потому, что наивный вопрос курсанта затронул что-то важное в молодых душах. Проход через аэродром на глазах всего мира был для них кульминацией жизни Героя, сказочным триумфом, так редко, увы, выпадающим на долю смертного. О чем же думал Герой в это высшее мгновение своей жизни?..

И Гагарин с обычной чуткостью уловил настроение окружающих, значительность их притихшего ожидания. Конечно же, ребята мечтают о подвигах, о невероятных полетах, о славе и ждут сейчас чего-то высокого и одухотворенного. Герой должен был думать о планетарном, вселенском, вечном. Ну что ж, друзья, вы получите сейчас и Небо, и Звезды, и Человечество, и Эпоху, и все Высшие ценности...

...В тот раз в одиночке сурдокамеры держали не так уж долго, но он чувствовал себя на редкость паршиво: болела и кружилась голова, мутило, тело казалось чужим, а ноги ватными. Может, что-то там испортилось, нарушилась подача воздуха?.. Но Королев спрашивает испытуемых о самочувствии, и все, как один, молодцевато отвечают: «Отлично!» «К выполнению задания готовы?» «Так точно!» Неужели одному ему так не повезло? «Как самочувствие, товарищ Гагарин?» «Отличное...— Нет, он не может врать Королеву и без запинки добавляет: — Хотя и не очень». «К выполнению задания готовы?» «Сделаю, что могу, но лучше бы в другой раз». И в результате высшая оценка. То было, оказывается, испытание на честность. Им специально создали тяжелые условия в камерах. Но ведь нельзя считать, что ты сдал испытания на честность раз и навсегда. Всю жизнь человек сдает эти испытания и в большом и в малом. Да и есть ли что малое в державе нравственности?

— Видишь ли, дружок,— сказал Гагарин носатому курсанту,— у меня тогда развязался шнурок на ботинке. И я об одном думал, как бы на него не наступить. Не то, представляешь, какой позор — в космос слетал, а тут на ровном месте растянулся...

...Ночью курсант никак не мог уснуть. Он ворочался на своей койке, вздыхал, крякал, что-то бормотал.

— Да угомонишься ты, черт носатый! — не выдержал сосед.

— Слушай,— без обиды сказал курсант и сел на койке.— А ведь я тоже мог бы, как Гагарин...

— Что-о?.. Ты... как Гагарин?..

— А вот и мог бы... думать о шнурке...

Сосед уткнулся носом в подушку, и в темноте казалось, будто он плачет. Но и тут курсант не обиделся, понимая, что по обыкновению не сумел выразить свою справедливую мысль. Он тысячи раз повторял в воображении подвиг Гагарина и твердо знал: если его пошлют в космос, он не оплошает. Не дрогнет. Разве что побледнеет. И даже песню споет в космосе, если надо, хотя ему медведь на ухо наступил. Но когда он пытался представить себя в средоточии мирового внимания, душа в нем сворачивалась, как прокисшее молоко. Он видел себя на космодроме, видел в космическом корабле, но не видел на красной тропочке славы, по которой легко, уверенно, сосредоточенно и радостно прошагал Гагарин. Ведь, чтобы идти так на глазах всего света, надо что-то большое нести в себе. А он, курсант, постоянно думал о всякой чепухе: о девушках, футболе, кинофильмах, мелких происшествиях окружающей жизни, несданных зачетах, и где бы стрельнуть сигарету, и сапожной ваксой разжиться, и как славно было бы отпустить усы... Такому пустому, нулевому человеку нечего делать в скрещений мировых лучей. И, следуя обратным ходом, он начал сомневаться в своих возможностях совершить подвиг. А если не будет подвига, то зачем тогда жить?..

Гагарин вернул ему веру в себя. Впервые за много дней курсант засыпал счастливым.

ДЕНЬ С ГЕРМАНОМ ТИТОВЫМ

Герман Степанович Титов — один из самых ярких людей, с какими сводила меня щедрая жизнь. Бывают же такие счастливо одаренные натуры! Блестящий летчик и спортсмен, он пишет стихи и прозу, выразительно декламирует, прекрасно разбирается в музыке, сам поет и заразительно, лихо пляшет. При этом он всегда заряжен на размышление, на умственный обмен, и просто удивительно, как легко переходит из одного состояния в другое: от безудержного веселья к серьезности принципиального спора, от крепкой шутки к грусти воспоминаний. В книге Ю. Гагарина и В. Лебедева «Психология и космос» сказано, что Титов — холерик. Насколько я понимаю, высокая душевная подвижность и способность мгновенно воспламеняться лежат в сущест-

ве этого темперамента. Кстати, сам Гагарин — типичный сангвиник.

Я провел с Титовым какой-то непомерный день. Время — величина непостоянная, может растягиваться и сжиматься в зависимости от наполнения. Я не заметил тогда, как промелькнул хмурый мартовский денек в Звездном городке, а сейчас мне не верится, что все бывшее там и впрямь уместилось в одном дне. Да, ей-богу же, я прожил долгую жизнь в нарядной, красивой, какой-то стерильной — уровень опрятности — квартире Германа Степановича, где друзья-космонавты, щадя труд его чистюли-жены Тамары Васильевны, оставляют ботинки и сапоги в прихожей и ступают в шерстяных вязаных носках на светлый, натертый до зеркального блеска дубовый паркет.

Попал я к Титову в связи с предполагавшейся постановкой большого художественного фильма о Юрии Гагарине. Эту дерзкую мысль вынашивала киностудия имени Горького, а мне предстояло писать сценарий.

— Что вас интересует? — спросил Титов.

— Все,— ответил я.

— Ну, если все, так слушайте.— И неожиданно включил магнитофон.

Вначале было лишь смутное бурление сильных мужских голосов, затем шум примолк, и кто-то звонко, рублено произнес тост расставания с хозяином дома.

— Это мне проводы вчера устроили,— пояснил Герман Степанович.— Николаев получил назначение на место Гагарина, а я на место Андрияна.— Он коротко усмехнулся.— Продвигаемся по службе помаленьку... Мы весь наш мальчишник на пленку записали. Под старость будет что вспомнить.

Я с огромным интересом прослушал эту запись сдержанного мужского веселья с хорошими песнями и каблучной дробью, с добрыми шутками и розыгрышами, с тем подчеркнутым молодечеством, что должно прикрыть грусть, неизбежную, когда нарушаются привычные связи... Как я понял, забегал на огонек Алексей Леонов, самый веселый из звездных братьев, остальные же гости принадлежали к числу «нелетавших космонавтов». И сквозь шум застолья, музыку и песни, шутки и подначки порой прорывалась чья-то тоска о полете в неведомое: когда же придет долгожданный день?..

— Мой корабль уже строится!..

— Сказал тоже! Хорошо, если в проекте. Вот мой скоро стартует!..

Но это особая тема, за которую я не решаюсь браться...

А потом Титов читал мне выдержки из своих записных книжек. Большинство записей касалось, естественно, космонавтики, но были и сжатые, острые характеристики разных людей и событий, оценки прочитанных книг, увиденных фильмов и спектаклей, отзывы на явления международной жизни. Особенно интересны записи, посвященные Гагарину. Едва ли где найдешь такую широкую и многогранную характеристику Космонавта-1, как у Германа Титова. Он открыл мне глаза на громадную общественную деятельность Гагарина. Каюсь, я воспринимал его бесчисленные поездки по белу свету как затянувшееся праздничное турне. Всем хотелось взглянуть на человека, первым вырвавшегося в мировое пространство, и Юрий Гагарин с присущим ему добродушием давал полюбоваться на себя. Какая чепуха! Ему не путешествовать, а летать хотелось, осваивать новую технику, двигаться дальше в своей трудной профессии, не терпящей остановки, застоя. Но он знал, как веско сейчас его слово, как верят ему люди, а в мире столько жгучих проблем, столько больных вопросов, розни, жестких противоречий, и надо делать все возможное для человеческого объединения.

Как хорошо пишет Титов о погибшем товарище! Ни тени панибратства, той дружеской развязности, на которую он, казалось бы, имел право. Он даже называет его по имени-отчеству, и это в интимных, не предназначенных для публикации записях. Необыкновенное достоинство, высота тона, глубокое уважение, сквозь которое едва уловимо, как запах осени в августовский разгар лета, проникает печаль вечной разлуки.

В утро полета они проснулись бок о бок в общем номере гостиницы космонавтов. Минута в минуту открыли глаза, приподнялись, повернулись и столкнулись взглядами. Уловив марионеточную синхронность их движений, Титов со смехом сказал:

— Мы с тобой, как чечеточники братья Гусаковы.

Эта синхронность оборвалась лишь на космодроме «Байконур», куда они прибыли в полном облачении космонавта. Гагарин летел, а Титов оставался.

— Тебя берегут для большего,— сказал Гагарин, прощаясь с другом.— Второй полет будет куда сложнее.

Это было сказано от доброго сердца. Гагарин не знал, насколько точно угодил в цель. Титов стал Космонавтом-2, но оказался первым, ощутившим на своей плоти и психике воздействие космоса. За один виток Гагарин не мог его почувствовать. Он был первым. Титов был вторым. Американские кинематографисты как-то сказали мне о том, что в этой теме «первого» и «второго» скрыто многое.

— Старо, старо,— спокойно сказал Титов.— Конечно, каждому хочется быть первым. Это в природе человека. Но у меня действительно не было ни зависти, ни ревности к Гагарину, ни обиды на судьбу, ничего похожего. Уж больно серьезное дело затевалось, тут не до игры самолюбия и мелочных счетов... Да, он был первым. И я могу только повторить вслед за Королевым: в решительные минуты жизнь находит наилучшего исполнителя своих замыслов...

Все же финал нашей встречи оказался обескураживающим для меня как сценариста. Я спросил, будет ли Герман Степанович поддерживать нашу картину.

— Вам откуда-то известна фраза Королева об улыбке Гагарина: мол, слетал бы не хуже и другой космонавт, но поди улыбнись так миру и людям, как это сделал Гагарин. Шутка? Нет, это очень серьезно. Не надо понимать слова Королева буквально, хотя никто не может поспорить в улыбке с Гагариным. Разве только Джоконда. Но Монна Лиза улыбается таинственно, из мглы женской души, а он открыто, весело, нежно — нельзя не откликнуться. И весь мир — от мала до велика — улыбался в ответ Гагарину. Вы не хуже моего знаете, как искажает наш облик буржуазная пропаганда. И вот на обозрение всему свету вышел молодой советский человек из самой гущи народной, выращенный и сформированный нашим строем, нашей идеологией, и оказалось, что он прекрасен. И не нужно было никаких доказательств, все решила улыбка. В ней открылась миру наша душа, и мир был покорен. А когда улыбка Гагарина погасла, то плакали все: и бедные и богатые, и верующие и неверующие, и белые и черные. Вы хотите сделать художественный фильм о Гагарине. Честь и хвала вашей отваге. Но понимаете ли вы, что люди слишком хорошо помнят Гагарина, несут его в себе, и если актер, предназначенный на его роль, уступит ему в обаянии, не сможет улыбнуться по-гагарински, то ваш фильм и полушки не стоит! Потому что принесет не выигрыш, а ущерб. И уж лучше сделать большой, обстоятельный документальный фильм, где Гагарина будет «играть» он сам. Поймите, я вам друг, но только при одном условии: если найдут улыбку Гагарина. Иначе не только я, но и все мои товарищи космонавты будут против.

Художественный фильм о Юрии Гагарине так и не запущен в производство. У нас много талантливых и обаятельных актеров, но нет гагаринской улыбки.

Ираклий АБАШИДЗЕ

ДЖУГААНИ

Н. С. Тихонову.

Вся жизнь перед глазами Джугаани.
Осенний день. Покой и листопад.
Балкон просторный, и вино в стакане,
И вьющийся по стенам виноград.

Всю жизнь перед глазами Джугаани.
Сбор урожая. Груш не сосчитать.
Маджари запах в глиняном марани,
Хоть молодом, но дедовским под стать.

Всю жизнь перед глазами Джугаани.
О эти переливы янтаря,
И синевы, и солнца, ранней ранью
Встающего, как требует заря!

А вечер наступает, подступает
И гасит луч под яблоней в саду,
Луну на легком облаке качает
И зажигает за звездой звезду.

Спиною задремавшего фазана
Застыла золотистая гора,
Долина спит в объятиях тумана,
И умолкает речка до утра.

Я вижу над усталою землею
Седых вершин недремлющую рать.
Какое сочетание покоя
И красоты!
Какая благодать!..

Заснули Чиаури, Джугаани,
Заснули заповедные леса.
Сентябрь. Тишь. И только, как в дурмане,
Кружит, жужжит, безумствует оса.

Перевел с грузинского
А. Глезер.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

...Степные дороги —
летописные строки,
я умею читать и понять
эти тропы.
Караваны тянулись.
Траву приминали таборы,
миновали кочевья,
оставив на глинах
метафоры.
Извиваясь, уходит к увалам
хроникальная лента —
по асфальту гудят самосвалы,
внося свою лепту
в исторический шум,
суету чертежа Мангышлака.
А увалы чернеют, как горы
безрудного шлака...

Абдураим МУТАЛЛИП

СТАЛЕВАРЫ

Огнедышащий цех.
Я сегодня здесь гость,
Искры, искры —
Огромная красная гроздь!
Льется сталь из печей —
Нет потоку конца...
Сталевары, у вас
Золотые сердца!
Подаю вам, ребята,
С волненьем ладонь —
И в душе загорается
Тотчас огонь.
Жить хочу, как и вы,
Быть похожим на вас,
Чтоб огонь вдохновения
В сердце не гас.

Перевел с уйгурского
В. Смирнов.

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Люди последней трети XX века... Герои семидесятых годов, те, кто вершит историю сегодня. Рабочий и ученый, комбайнер и архитектор... Они сидели рядом за нашим «круглым столом», пятнадцать сыновей и дочерей пятнадцати союзных республик, спаянных Великим Октябрем в монолит нерушимого братства.

Каждый из них рассказывал о своем вкладе в девятую пятилетку. И явственно виделись огни факелов, зажженных героями первых пятилеток, рубежи, пройденные страной от трудных двадцатых и тридцатых годов индустриализации и коллективизации к научно-технической революции, к решению задачи поистине грандиозной — достичь полного удовлетворения материальных и культурных запросов современного человека. В преемственности трудовых традиций — прекрасная черта советской действительности. Новое поколение рабочего класса, тружеников сельского хозяйства, интеллигенции органически воспринимает все то, чем прославились поколения их отцов и дедов.

Каждый говорил о своем народе, о товарищах и учителях, о том, как дружба, не знающая границ, помогает им жить и творить. А получился единый рассказ, утверждающий торжество ленинской национальной политики, потому что, как сказал Л. И. Брежнев, «все мы, в какой бы республике мы ни жили,— советские патриоты, дети одной социалистической Родины».

РСФСР
Виктор ЕРМИЛОВ

Он был во многих странах — Италии, Франции, ГДР, Швеции, Чехословакии, Англии... По его возвращении из очередной поездки один старый рабочий, знающий Виктора Васильевича много лет, спросил: «Ты вот говоришь о встречах с рабочими, инженерами, промышленниками... Скажи, трудно это — разговаривать, слова находить?» «Как тебе сказать,— задумался он.— Если разговор об истории, политике, литературе, то хорошие знания обо всем этом, конечно, необходимы. Но самое главное — выручает сознание того, что принадлежу к рабочему классу. Когда такую силищу за плечами чувствуешь, то с кем угодно на равных разговаривать будешь!»

Краткий этот диалог Виктор Васильевич Ермилов привел впоследствии в автобиографической книге «Счастье трудных дорог».

Товарищи! Мы собрались в знаменательные дни, накануне большого праздника советского народа — 50-летия образования СССР. Время говорить о наших достижениях за полвека. Только что я вернулся из Таджикистана. Мы с восхищением осматривали строительство Нурекской ГЭС, а когда попали в колхоз «Москва», то никак не могли осознать, что усадьба его находится не в городе,— так там удобно и современно.

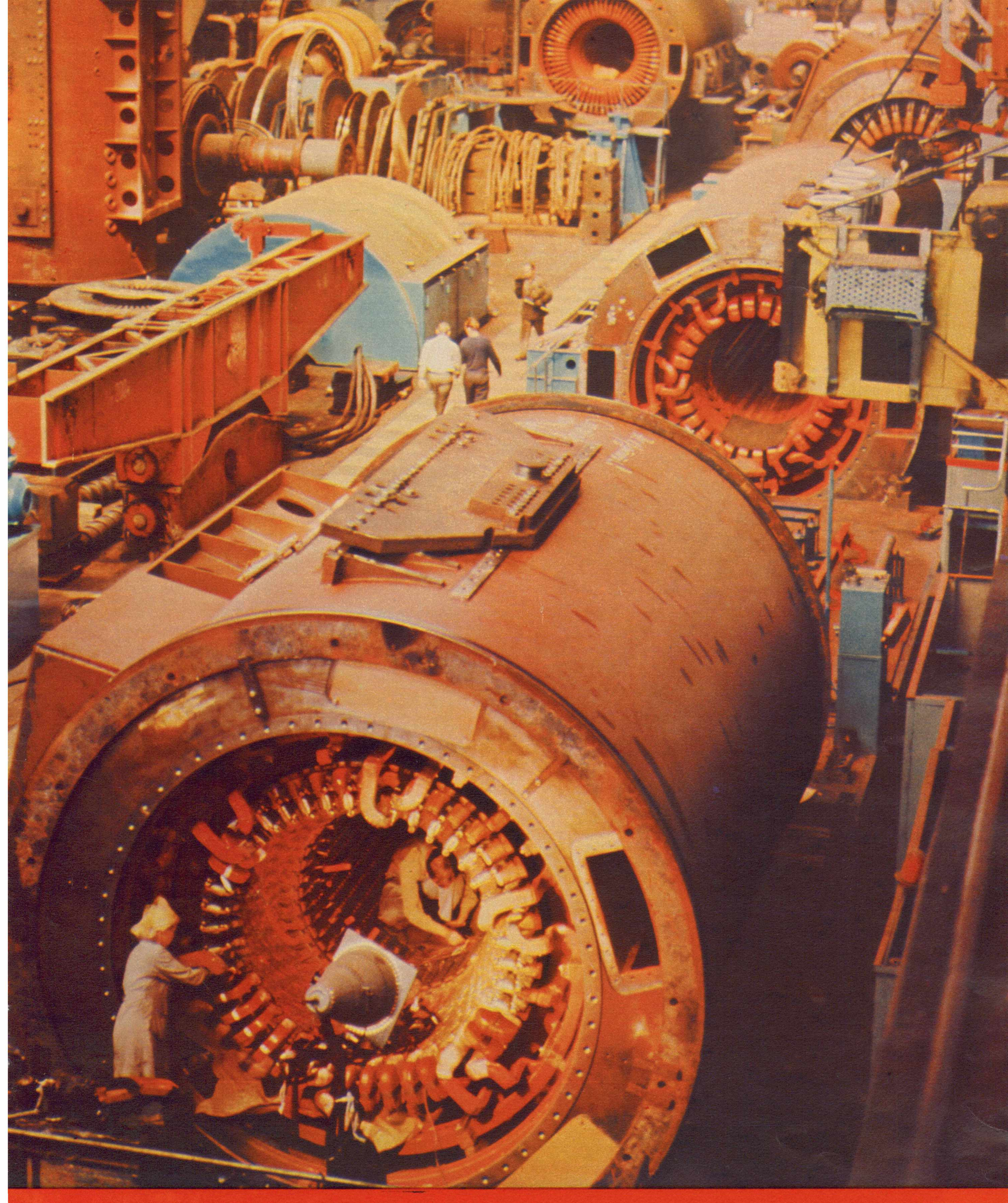
Особенно примечателен рост науки в этой республике. Буквально сорок лет назад там открылся первый научно-исследовательский институт, а сейчас свои академики и доктора наук... О чем это говорит? О том, что вместе с экономическим преобразованием меняется в республике и сам человек. Это ощущается на каждом шагу.

Меняется человек... Что можно сказать о себе? Как всегда, когда я выступаю, начну с завода, потому что невозможно себя от него отделить.

В 1918 году на одном из заседаний Моссовета Владимир Ильич Ленин сказал, что московские рабочие всегда были и будут образцом для всех трудящихся страны. Я сорок два года московский рабочий, краснопролетарец, закаленная, так сказать, гвардия. На примере

На развороте вкладки: Анатолий Степанович Кремень, Герой Социалистического Труда, механик Новополоцкого треста № 16 (БССР); Владимир Сергеевич Метревели, кавалер ордена Октябрьской Революции, делегат XXIV съезда КПСС, почетный металлург, сталевар Руставского металлургического завода (Грузинская ССР); Юхан Эдуардович Клайс, депутат Верховного Совета СССР, капитан сейнера колхоза «Сааре Калур» (Эстонская ССР); Назира Юлдашевна Юлдашева, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Ленина (Узбекская ССР); Виктор Васильевич Ермилов, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, слесарь московского завода «Красный пролетарий» (РСФСР); Милда Аугустовна Аугуле, заслуженный зоотехник республики, зоотехник колхоза «Дзиркстале» (Латвийская ССР); Николай Иосифович Швайко, Герой Социалистического Труда, бригадир шахты «Украина» комбината «Красноармейскуголь» (УССР); Ата Овезович Ташлиев, директор Института зоологии Туркменской Академии наук (Туркменская ССР); Мирзо Абдулович Мастангулов, летчик гражданской авиации (Таджикская ССР); Афанасий Никодимович Таукчи, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, бригадир тракторно-виноградарской бригады колхоза «Ленинский путь» (Молдавская ССР); Гарегин Тоноян, Герой Социалистического Труда, мастер-инструктор Ленинаканского текстильного комбината (Армянская ССР); Алдаберген Аманбаев, Герой Социалистического Труда, старший чабан колхоза «Россия» (Киргизская ССР); Ага Дадаш Кербалай оглы, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР, буровой мастер Сангачальского морского управления буровых работ (Азербайджанская ССР); Сертай Бектурганов, Герой Социалистического Труда, комбайнер совхоза «Раздольный» (Казахская ССР); Витаутас Альгирдович Чеканаускас, лауреат премии Совета Министров СССР, главный архитектор проектов Института проектирования городского строительства (Литовская ССР).

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. НАГРАЛЬЯНА.

СРЕДИ МНОГИХ ТЫСЯЧ ПРЕДПРИЯТИЙ советской индустрии ленинградский завод «Электросила» имени С. М. Кирова — один из прославленнейших. Отсюда выходят гиганты электроэнергетики с гордой маркой «Сделано в СССР».

Фото Б. Манушкина (АПН).

ТАК ЖИВУТ СЕГОДНЯ ТРУЖЕНИКИ сельского хозяйства. Эти светлые и удобные дома построены в колхозе «Дружба народов», Крымской области.

Фото А. Гивенталя и Ю. Чернышова (АПН).

нашего завода видно, как мы, рабочие, свято стремились выполнить завет вождя. Вряд ли кто-либо не знает, что такое «ДИП». Это короткое слово было лозунгом первой пятилетки: «Догнать и перегнать в промышленном отношении наиболее развитые капиталистические страны». Для нас оно приобрело конкретный смысл и означало освоить производство нового токарного станка параллельно с реконструкцией старых цехов, доставшихся от капиталистов братьев Бромлей. Мы свое слово тогда сдержали: не через пять лет, а через три года и семь месяцев поток «ДИПов» двинулся на заводы и фабрики Украины, Урала, Сибири. Тысячи «ДИПов» помогали стать на ноги разным отраслям промышленности, особенно автотракторной.

Еще до войны наш коллектив был награжден орденом Ленина. И сегодняшние успехи покоятся на достижениях первых пятилеток. Именно тогда формировался творческий состав инженеров, конструкторов и рабочих, способных создавать новые типы станков и прогрессивную технологию. От «ДИПов» мы пришли к современному токарно-винторезному станку 16К20, вертикальным полуавтоматам, к станкам с программным управлением, к прецизионным станкам. Наш Тихоныч — так мы зовем между собой ведущего конструктора Валентина Тихоновича Левшунова — неистощим на выдумки. Он наша рабочая интеллигенция, начинал на «Красном пролетарии» свой путь с рядового токаря.

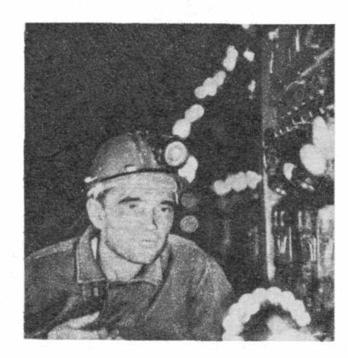
Не надо, однако, думать, что легко достаются победы. Я никогда не забуду, как в три дня вместе с моими помощниками — четырнадцатилетними, пятнадцатилетними мальчишками и девчонками — мы собрали и испытали двадцать пять станков новой модели, нужных для фронтовой продукции. Шел голодный и холодный сорок третий год. В цехах, обметанных инеем, стыли руки. Спали на ходу. Но станки были сделаны в срок. По тем временам это был настоящий рекорд, хотя и некому было стоять возле нас с хронометрами. Кстати, о рекордах. Иногда можно слышать: почему, дескать, не поднимают ныне новаторов? Что, мол, перевелись Николаи Российские и Павлы Быковы, не рождаются вроде больше Стахановы и Бусыгины? Объяснение тому одно: герои одиночного подвига все чаще уступают место концентрированным усилиям рабочих и специалистов, ученых и практиков. Техника достигла такого уровня, что успех дела, особенно у нас в машиностроении, решают не отдельные личности, а высшие достижения коллективов: бригад, участков, цехов, целых отраслей. Научно-технический прогресс меняет характер труда и требует от человека все больше знаний.

Меня часто спрашивают: «Чем отличается передовой рабочий первых пятилеток от передовика наших дней?» Отвечаю кратко: образованностью. Молодежь приходит к нам после десятилетки, училища, техникума. Главное условие получения наивысших достижений на производстве сохранилось: овладение новой техникой. И для Стаханова отбойный молоток сорок лет назад был новой техникой. Но техника сейчас иная, подчинена законам радиоэлектроники, высшей математики. Рабочему 70-х годов нужна высокая грамотность, можно сказать, инженерная грамотность. Мне, например, всю жизнь помогала хорошая теоретическая подкованность, которую я непрерывно углублял. Поэтому, когда мы говорим о людях, то имеем в виду прежде всего качественные изменения. И в этом самое главное.

УССР
Николай ШВАЙКО

Это, конечно, совпадение, но довольно символическое: родился шахтер Николай Швайко в сентябре 1935 года — как раз в ту пору, когда вся страна узнала о рекорде Алексея Стаханова, нарубившего за смену 102 тонны угля...

Сам я из Кадиевки, что в Хмельницкой области. После семилетки поехал в Донбасс: интересно было, что это за край героев-богатырей. В горнопромышленном училище выбрал было специальность машиниста электровоза, но вскоре передумал: захотелось в забой, в лаву, чтоб самому уголь добывать! Шахта наша была небольшая, давала всего 800—900 тонн угля в сутки, особенно не развернешься. А тут вдруг известие: вступает в строй шахта-великан «Украина» с проектной мощностью 6 тысяч тонн!.. Попросился туда. Сначала устанавливал оборудование на бремсбергах и в

лавах, а затем, разумеется, снова на комбайн. А потом нам поручили внедрять новый комплекс механизированной крепи «КМ-87 Д». Нелегко приходилось: то ложная кровля поломает все расчеты, то вдруг целое подземное озеро обрушится... Добыча — всего 300—400 тонн в сутки. Кое-кто запаниковал: не годится эта «КМ-87 Д»!.. Но те, кто выстоял во время памятного всем нам «потопа» в мае 68-го года, совершили перелом. Добыча на участке поднялась в два, а потом и в пять раз!

Накануне 100-летия со дня рождения Владимира Ильича нас перекинули на новую лаву. Без современных механизмов в ней просто-напросто невозможно было бы брать уголь. Нам удалось достичь здесь рекордной производительности труда. При этом мы взялись и за экономию материалов: леса, смазочных масел, зубков комбайна... Наш почин под девизом «Больше угля с меньшими затратами» поддержал Донецкий обком партии, на нашей шахте открыли школу передового опыта. Недавно мы заключили договор на соревнование с шахтерами из Российской Федерации — приняли вызов бригады Героя Социалистического Труда Виктора Ильича Ткаченко с шахты 3—2 «бис» Степановского шахтоуправления комбината «Ростовуголь».

Хочется мне рассказать об Алексее Григорьевиче Стаханове. Мы с ним часто встречаемся в Донецке на совещаниях. А в Москве, когда я был делегатом XV съезда профсоюзов, мы жили в одной гостинице — рядом номера. Подружились. Вместе ездили в Останкино, принимали участие в телепередаче. Приятно с ним разговаривать. Радуется он за нас, молодых, что нам намного легче стало работать под землей. Наш комплекс, например, сейчас высокомеханизирован, процентов на девяносто. Чтоб лучше овладеть машинами, многие ребята учатся. Только в нашей бригаде 14 «вечерников». Учусь и я — на втором курсе техникума.

БССР
Анатолий КРЕМЕНЬ

Каждый год он приходит с друзьями-строителями к этой плите. Плита-памятник. Она установлена на том месте, где строители Новополоцка раскинули первую палатку. С нее, с той палатки, началась новая страница его жизни.

Я полюбил свою профессию сразу. Скорее всего потому, что, приехав в 1946 году учиться в ФЗО в Минск, застал город почти до основания разбитым и сожженным. Я счастлив, что оказался тогда с теми, кто вышел строить, и остался в их рядах на всю жизнь. Днем мы выводили стены будущих домов, а вечерами расчищали завалы из обгоревшего кирпича и металла. Помню, как радовались, когда находили в развалинах искореженные кровати. Потом в мастерских их распрямляли, выравнивали, чтоб мало-мальски устроить свой быт.

С 1947 года я экскаваторщик, прошел много строек — Минск, Могилев, Витебск... А в 1958 году узнал, что под Полоцком начинается сооружение крупного нефтеперерабатывающего завода,— попросился туда. Мы ставили заводские корпуса, жилые дома, школы, магазины, ателье. И как-то незаметно вырос город — красивый, нарядный, бурлящий молодой жизнью. И люди выросли тоже. Они росли, пожалуй, даже быстрее, потому что никогда, наверное, жизнь не предъявляла таких высоких требований к советским специалистам, в том числе и к рабочим. Больше всего эту требовательность я ощущал на себе. И отвечал одним — учебой. Тут товарищи уже говорили, что современного рабочего отличает хорошая подготовка. Верно. Сужу по себе. В Новополоцке закончил курсы крановщиков, потом восемь классов вечерней школы, потом заочно монтажный техникум в Москве, а сейчас занимаюсь заочно на четвертом курсе Высшей партийной школы.

И еще привык, научившись чему-либо, тут

же передать то, что постиг, ребятам из своего экипажа — Евгению Павленку, Дмитрию Козлову, Валентину Галебному. Они и теперь — я-то уже механиком работаю,—чуть что — спешат ко мне советоваться, планами делятся. Мы давно уже договорились не нарушать замечательную традицию героев первых наших пятилеток — искать, не уставать в новаторских поисках. Такими были ударники Магнитостроя и Днепрогэсстроя, такими были Стаханов и первые стахановцы. Такими стремимся быть и мы.

Узбекская ССР
Назира ЮЛДАШЕВА

С огненной звездой у сердца
Девушка с Дарьи,
Расскажи мне про успехи,
Про дела твои.
Ты скромна, твой подвиг светел,
Девушка с Дарьи,
Твои руки поцелую,
Девушка с Дарьи.
Пусть они слегка шершавы,
Все равно нежны,
Не найдется рук нежнее
Для родной страны.

Эта песня о ней, Назире. Написал ее узбекский поэт Акмал Пулат еще в 1947 году, когда Назира была звеньевой-кетменщицей.

Вы бывали когда-нибудь на берегах Сырдарьи?.. Теперь на этих землях бывшего Сыр-Новороссийского сельсовета, Мирзачульского района, повсюду сухо и зелено. А в 1930 году, когда организовывался первый колхоз, вместо нынешних полей мерцала болотная вода да шумели камыши... Тучами носились комары... Людей трясла малярия... Словом, была настоящая Голодная степь. Кетменем мы отвоевывали земли у болот, пока на помощь не пришли тракторы и другая техника. В войну работали день и ночь. Комсомольско-молодежное звено, которым я руководила, собирало небывалый урожай хлопка. Теперь пора степь переименовать. Только под хлопком в нашем колхозе имени Ленина, которым я руковожу, 1 750 гектаров земли да еще сотни гектаров под люцерной, кукурузой, овощами, бахчевыми. Но главное у нас — хлопок. Подумайте только: в 1944 году на первом республиканском съезде хлопкоробы обязались собрать миллион тонн белого золота. А нынче Узбекистан даст стране 4,5 миллиона! Разве это не замечательно?

Волоконца хлопка мягкие, как пух, а характер у этого растения — труднее и жестче не

придумаешь. Он-то и приучил нас быть готовыми ко всяким сложностям, и не раз бывало так: погода хуже — урожай больше! При этом и сам хлопок вдруг обнаруживает неведомую прежде урожайную силу... Конечно, это «вдруг» само не возникает, оно вроде премии за труд... Например, и в 1971 году и в нынешнем погодные условия нас, хлопкоробов, не баловали, а урожайность не снизилась, наоборот: вместо прошлогодних 29,6 центнера с гектара ныне возьмем по 33.

В чем секрет? Секрет тот же, что был у Мамлакат Нахангововой и Марии Демченко — работать от души, искать резервы повышения производительности труда. Мы этому секрету учились с детства, со школьной парты. Помню, как я гордилась, когда меня, школьницу, называли ударницей, а потом и стахановкой.

Летом нынешнего года мне посчастливилось представлять хлопкоробов Узбекистана на слете передовиков текстильной промышленности в городе Иванове... И там мы снова с благодарностью вспоминали наших учителей — зачинателей стахановского движения. Слет принял решение: учредить «Виноградовские премии» и ежегодно вручать их лучшим ткачихам. Не сомневаемся, что право на получение этих премий завоюют и ткачихи из нашей республики. Мы, узбечки, чувствовали себя в этом старинном русском городе сестрами среди сестер. Великое это счастье — жить большой и дружной семьей народов-побратимов!

Приезжайте в наш колхоз, и вы увидите: я, председатель, узбечка, секретарь парткома — таджик, главный инженер — кореец, главный зоотехник — русский, ветврач — мордвин, бригадир овощеводов — молдаванин, заведующие участками — узбеки, азербайджанцы, украинцы, агроном-энтомолог — татарин... А в правлении колхоза на самом почетном месте висит портрет двадцатипятитысячника, русского коммуниста Якова Филипповича Горностаева. Москвич, передовой рабочий организовывал здесь первые колхозы. Узбекские джигиты считают его жизненный путь примером для себя. Мы бережно храним членскую книжку, выданную почетному члену колхоза Я. Ф. Горностаеву 13 мая 1930 года, и его удостоверение.

В наш колхоз часто приезжают делегации из разных стран. Побывали у нас представители Чили, Сирии, Ганы, Англии, Дании. Гости непрерывно спрашивают про мою жизнь, про то, как я управляюсь с нашим большим колхозным хозяйством, есть ли у меня семья. Есть у меня семья, семеро детей.

Старшая дочка учится на третьем курсе политехнического института в Ташкенте. Вторая — в высшей комсомольской школе в Москве. Сын окончил десятый класс, хотел поступить в институт, но не прошел по конкурсу, работает в колхозе. Младшие сыновья учатся в школе. Самому маленькому — пять лет. Муж — бывший фронтовик, работает в нашем колхозе, бригадир. Разве могла когда-нибудь узбечка, укутанная в паранджу, мечтать о таких детях, о таких правах, какие дала нам, женщинам, Советская власть? Я была делегатом XXIII партийного съезда, на III Всесоюзном съезде колхозников выступала от имени тружеников Голодной степи. Два раза избиралась депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Второй раз избираюсь депутатом Верховного Совета СССР. Я считаю, что жизнь моя удалась.

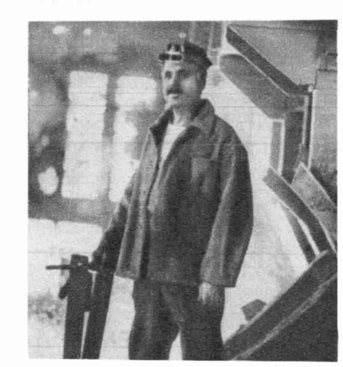
Казахская ССР
Сертай БЕКТУРГАНОВ

Знакомство с ним состоялось еще до приезда в редакцию «Огонька» на встречу героев девятой пятилетки: в 37-м номере журнала был опубликован его портрет. О нем в жаркие для целинников сентябрьские дни писала «Правда». Он не мог не быть среди тех, кто задавал тон в уборочной страде.

Думаю, что правильно сказать так: если человек к хлебу умно, заботливо относится — это сильный человек, и дела у него всегда будут хорошо идти. Когда в страдную пору к нам на целину приезжают трактористы, шоферы, комбайнеры из России, Украины, Молдавии и помогают нам убирать урожай, я говорю: сильная у нас страна, потому и победы такие большие.

Сложная нынче уборка в Казахстане. Погода подводила. Дожди шли, даже снег пробовал нам мешать. Но косовица хлебов ведется успешно, и мы вместе с посланцами других республик страны сделаем все, чтобы выполнить одно из самых ответственных заданий пятилетки. С таким же накалом трудились в свое время герои первых пятилеток Константин Борин, Мария Демченко, Паша Ангелина. Но мы должны сделать больше, потому что у нас лучшая техника.

Мощь нашего государства я чувствую и по тому, какие машины шлет на целинные земли страна. Недавно я получил новый комбайн «Сибиряк». Одно удовольствие на нем работать: он послушен, силен, прост в обслуживании. Владеешь такой машиной, и обязательства высокие брать не страшно. Вот и решил я в этом году определить для себя такие рубежи: скосить на свал 500 гектаров, подобрать валки на 800 гектарах и 10 тысяч центнеров зерна намолотить. Первую часть обязательства уже выполнил, выполню и вторую и третью. И совхоз наш тоже, не сомневаюсь, республику и страну не подведет [1].

Грузинская ССР
Владимир МЕТРЕВЕЛИ

В его роду все были поварами — отец, дед, братья отца. Он тоже варит, но только... сталь. Получается, видимо, это у него неплохо, потому что мартеновскую печь № 3, на которой он работает, называют в Рустави «академией».

Горячий привет, товарищи, из солнечной Грузии всем, кто собрался сегодня в этом зале. Рустави, как и нашему металлургическому заводу, всего двадцать лет. Город и завод, так сказать, молодые, и молодым бы работать на нем. А средний возраст на нашем заводе — за сорок. На других металлургических предприятиях не меньше. Мы часто задумываемся: кто будет после нас? Боятся ли парни печей или еще что им мешает? Но не идут. Это берет за сердце. Почему? Мы выходим с завода уставшие, но гордые, полные сознания того, что совершили в этот день что-то очень важное, нужное народу, стране. Вот сейчас мы, участники этой встречи, приехав в Москву, остановились в замечательной гостеприимной гостинице «Россия». Когда идешь по коридорам и холлам, хочется колонны пощупать — думаешь: наверное, и мой металл тут! Разве это не счастье?

Расскажу о себе, как я стал сталеваром. История моя — поучительный урок молодым. О металлургии, до того как попал на завод, представления не имел никакого. Родился в горах. Образование было совсем другое — одиннадцать классов, четыре курса топографического техникума, офицерское училище. Вернулся с действительной и читаю в газетах, что Вано, моего двоюродного брата, избрали депутатом Верховного Совета СССР. Большое дело! Он был первым депутатом от Рустави. Ай, решил я, надо поехать, поздравить Вано! Брат обрадовался мне, но бездельничать не позволил. Наутро повел завод показывать. Вот тут-то я, как это говорят, втюрился. Захотелось узнать, что и как там, в печах, происходит. А какие у печей стоят мужчины — сильные, дружные! Я и про свои планы насчет института забыл. Понес начальнику цеха заявление, чтобы в машинисты разливочного крана взял, а он окинул меня с ног до головы взглядом — рост у меня подходящий — да как рассердится: «Ты что, с ума сошел? Из такого парня, как ты, мы хорошего сталевара сделаем». Не ошибся он — и сталеваром я стал, и нет для меня на свете работы дороже, и в Рустави остался, и жену тут себе нашел. Она у меня тогда еще институт кончала, помогал к диплому чертежи ей чертить.

Приезжали к нам как-то корреспонденты из-за границы, спрашивали: «Какими бы вы хотели видеть своих сыновей?» «Хорошими людьми,— ответил я им.— Какая у них будет профессия — неважно». Главное — найти себя, свое дело, в котором ты будешь чувствовать себя профессором, академиком, чтобы мог докапываться до самых корней. Когда я пришел на завод, наша печь давала всего восемьдесят тонн стали. Теперь двести. Я горжусь этим!

Азербайджанская ССР
Ага Дадаш КЕРБАЛАЙ оглы

В 1964 году в Советском Союзе была пробурена самая глубокая в мире семитысячеметровая скважина. Уникальное оборудование для такого смелого эксперимента изготовил «Уралмаш». Операцию бурения скважины успешно осуществила бригада бакинского нефтяника Аги Дадаша Кербалай оглы.

Правильно сказал Ладо Метревели: главное — найти себя, быть академиком в своем деле. Было время — еще до меня,— когда нефть добывали ведрами, ручными качалками, насосами. Сейчас у нас даже в самом трудном морском бурении такая техника, такая автоматизация, что не знаешь тяжелой работы. Ручного труда нет совсем. А к технике подход нужен. Неподготовленным людям у нас и делать нечего. Лично у меня десятилетка и техникум.

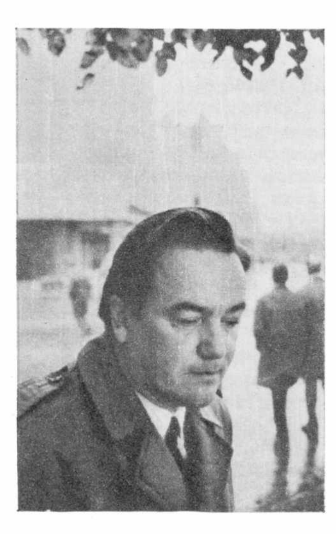
Я с 1944 года нефтяник. С того дня, как мы, юнцы, сели в теплушку воинского эшелона. Сказали нам, что едем на фронт, а привезли на ближайший нефтепромысел и объявили: «Здесь ваш фронт! Стране нужна нефть, чтобы моторы танков и самолетов работали на победу!» Так я стал нефтяником, а заодно и моряком, потому что щедрым нефтью оказалось и дно Каспия. Поначалу был рабочим, затем верховым, помощником бурильщика,

[1] В середине октября земледельцы Казахстана, как известно, с честью выполнили план и высокие обязательства по продаже зерна государству. В закрома Родины засыпано более миллиарда пудов хлеба.

бурильщиком и, наконец, буровым мастером. Научились «глядеть сквозь землю», классными специалистами стали и все члены нашей бригады. А как жить мы стали! Раньше ездили к вышкам на катерах, ходили пешком по эстакаде, а сейчас у каждого бурильщика своя машина. Поработал — надел белую сорочку и поехал.

Однако трудовая слава нефтяника не лежит сверху, ждет она его глубоко в недрах. Чем скорее туда доберешься и откроешь дорогу нефти, тем больше чести, и награды наши там... Если вытянуть в одну линию все скважины, которые мы пробурили бригадой, наберется километров триста!.. Много это или мало? У нашего Сангачальского морского управления буровых работ план проходки на девятую пятилетку — свыше 500 километров. Я вот звонил вчера из гостиницы в Сангачалы — мои ребята начали бурить новую скважину с эстакады, вклинившейся в море. Здесь-то мы и наберем недостающие нам три тысячи метров к годовому плану. Сделаем это к празднику Великого Октября. И к золотому юбилею образования СССР будет подарок. Опыт наш — для всех, пожалуйста! Раньше приезжали к нам коллеги из Татарии и Башкирии, теперь вот из Сибири... Ай, какие там месторождения! Какие возможности!.. И вся эта гигантская нефтяная река вольется во всесоюзную общую цистерну, вес которой к концу пятилетки достигнет 500 миллионов тонн.

Литовская ССР
Витаутас ЧЕКАНАУСКАС

С него начинается рождение нового дома, квартала, района, и от него зависит, насколько людям будет удобно жить в этом доме и на этой улице. Словом, он архитектор и, выражаясь энциклопедически, формирует пространственную среду в соответствии с законами красоты.

Прежде всего хочу поблагодарить редакцию «Огонька» за то, что она предоставила возможность познакомиться с замечательнейшими людьми, приехавшими из всех наших республик. Воочию вижу, для кого мы проектируем, для кого стараемся. Большая лежит на нас, архитекторах, ответственность. Жилище человека такого героического труда должно отвечать самым высоким требованиям.

Видимо, как архитектора меня не случайно пригласили. Литовские зодчие накопили за последние годы немалый опыт градостроительства. Может быть, не все удается сразу, может быть, есть ошибки, но творческий поиск идет. Сейчас я продемонстрирую вам цветные диапозитивы, и вы сами увидите наши новостройки, о которых так много писали газеты. Перед вами Жирмунай — наш первый новый район. Он был за городом, и люди вначале не хотели туда ехать, а теперь желающих очень много. Видите, как много зелени и цветов возле каждого нового дома? Что это за здание? Нет, это не театр, а всего лишь бытовой комбинат. За белыми кружевными решетками, протянувшимися по высоте всего дома, спрятаны помещения, предназначенные для сушки белья. Нравится? Очень приятно, что вам нравится наш Жирмунай. В 1969 году авторы его проекта получили Государственную премию.

А вот Лаздинай — второй новый район в окружении лесов на берегу реки Нерис. Нам удалось сохранить рельеф местности и использовать его. Вы видите здания-ступени. Да, сосны прямо под окнами. Чтоб они хорошо себя чувствовали и не засохли, для них специально сооружены котлованы. Детский сад с внутренним бассейном для малышей. Магазин. В Лаздинае оригинально, принципиально поновому решена планировка улиц по радиальной системе. Четыре микрорайона соединены между собой кольцевой улицей, а с центром района — живописными пешеходными аллеями. Главная транспортная магистраль — проспект Космонавтов — с потоком транзитных машин проходит далеко от жилых домов.

О себе. Моя биография очень скромна. Воспитанник советской высшей школы; с 1955 года работаю в Институте проектирования городского строительства Литовской ССР. Прошел все ступени от проектировщика до главного архитектора проектов. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, Ленинской юбилейной медалью. Мои работы: проект района Лаздиная осуществлен под моим руководством, Дворец выставок в Вильнюсе. Дворец был удостоен второй премии Союза архитекторов. Первую премию, как известно, получили авторы проекта здания СЭВ в Москве. Сейчас в работе реконструкция квартала возле площади Черняховского в Вильнюсе.

Молдавская ССР
Афанасий ТАУКЧИ

Он родился и рос в селе отцов, среди зеленых холмов и виноградников. Но только через много лет познал радость свободного труда и сладость янтарных плодов. Страна высоко оценила его достижения: он Герой Социалистического Труда. Народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР.

Прошу извинить меня, товарищи, за краткость. Через час я должен быть на заседании Комиссии Верховного Совета СССР по охране природы. С нее, природы, и начну рассказ о нашей Кирютне. Есть такое село в Чадыр-Лунгском районе; в его судьбе как бы отразилась вся история нашего народа. Природа красивая у нас — сады, плантации, но была в таком запущенном, одичавшем состоянии, что, казалось, не поправить. Про Молдову говорили, что лежит она на перекрестке бед и несчастий. Вот до чего довела ее королевская Румыния! И подымать разрушенные хозяйства нечем было. На всю Кирютню осталось лишь несколько пар коней. Если бы не советские республики, подавшие нам руку дружбы!.. Нам слали все: грузовики и тракторы, ботинки и тетради, гвозди и чайники. Посмотрели бы вы, как теперь мы живем! В Кирютне да и в селах вокруг не осталось ни одной старой развалюхи под соломенной крышей. Все дома новенькие, один красивее другого, с электрическим освещением, водопроводом, ваннами. Газ пока к нам не пришел, но привозят газовые баллоны. А уж о радиотехнике и говорить не приходится, ее никто не считает. В каждом селе школы, магазины, дома культуры. Молдаване — веселый народ. В нашем колхозе свой духовой оркестр, ему присвоили звание Народного, а самодеятельность наша выезжала за границу.

Жизнь пошла у нас городская, есть свои агрономы, инженеры, зоотехники. Взять хотя бы нашу семью. Один мой брат — тракторист, второй брат — инженер по механизации трудоемких работ в животноводстве, сестра работает на комбинате бытового обслуживания. Без образования, верно тут товарищи говорили, двигаться вперед нельзя. И я в свои 39 лет пошел в техникум. Поздновато, конечно, но учиться надо: я же бригадир большой тракторно-виноградарской бригады. В нашем распоряжении одних виноградников 790 гектаров. Они главное наше богатство. Да еще сады и пашни. Я уже говорил, какие прежде были у нас «лошадиные силы». Теперь в колхозе 60 тракторов, 32 автомашины и много другой сельскохозяйственной техники. Прибавьте сюда передовые методы агрономической науки и вы поймете, почему лучшие

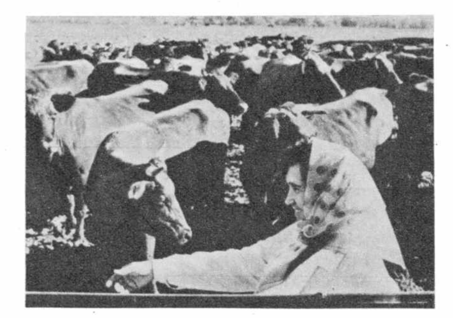

бригады снимают невиданные урожаи — до 150—170 центнеров винограда с гектара. Площади под виноградниками в Молдавии за 20 лет выросли во много раз. И мы намерены еще их увеличить. Пусть все советские люди едят на здоровье наш виноград, абрикосы, сливы, яблоки. Пусть пьют наше вино — в добрый час! Молдаване — благодарный народ.

Латвийская ССР
Милда АУГУЛЕ

Разговор с зоотехником Милдой Аугуле был очень недолгий.
— Нужен зоотехник в колхоз «Дзиркстале», пойдете?
— С удовольствием. Очень хочу попробовать свои силы в колхозе.
— Но колхоз сложный. Там будет намного труднее, чем здесь, на опытной станции.
— Пусть. Я согласна.
Разговор состоялся в 1961 году.

В год, когда мы собираемся отпраздновать 50-летие образования СССР, сам собой часто завязывается разговор о дружбе советских народов. И всякий раз, когда он заходит, я снова и снова убеждаюсь, что дружба эта стала обычным и в то же время радостным и щедрым проявлением самых добрых чувств к хорошим, близким людям. Лет шесть назад приехала к нам в колхоз русская женщина Тамара Конакова. Попросилась в доярки. Мы взяли ее. Она ничего не умела, потому что работала раньше на железной дороге. И мы все на ферме, будто сговорившись, принялись ее учить. Все, что знали, рассказывали, показывали, что и как делать. Сейчас Тамара занимает первое место среди доярок колхоза, с начала года она надоила уже в среднем по

3 115 килограммов молока от каждой из коров своей группы. И теперь сама охотно и старательно учит других, менее опытных.

У нас тесная дружба с подмосковными колхозниками сельхозартели «Ленинский луч», с эстонскими хлеборобами и животноводами. Мы обмениваемся опытом, перенимаем лучшее друг у друга. Это сказывается и на наших результатах. За десять лет в нашем колхозе «Дзиркстале», что значит «Искра», почти вдвое выросла продуктивность артельных коров; в шестьдесят втором году чистопородного скота у нас было только девять процентов, в семьдесят втором — девяносто, а молодняк весь чистопородный. Молока и мяса продаем государству тоже гораздо больше, чем раньше. Значит, правильно «Искра» наша светит. И шагаем мы правильно!

Можно долго рассказывать о том, какой труд стоит за всем этим. Рассказывать, как выполняется в колхозе пятилетка по строительству животноводческих помещений, по улучшению кормовой базы, по совершенствованию породных качеств скота. Но я скажу о другом. Меня очень радует, что в этой пятилетке мы много и серьезно заботимся о тех, чьим трудом держится и богатеет страна, в частности о колхозниках. Для них в нашем хозяйстве построены и строятся красивые, добротные и удобные дома с горячей водой и газом. Заработки на фермах от 180 до 250 рублей. Растет культура бытового обслуживания. В этом — верный залог успехов.

Киргизская ССР
Алдаберген АМАНБАЕВ

Трое суток добирался он с гор Алатау. Тридцать часов скакал на лошади, шесть часов ехал автобусом, восемь часов летел самолетом, сначала от Джамбула до Фрунзе, потом от Фрунзе до Москвы. Долог путь чабана с летних пастбищ...

В Москве я уже третий раз. Был тут в позапрошлом году и в шестьдесят седьмом — приглашали меня на День работника сельского хозяйства. На ВДНХ золотые медали вручали. Когда кочуешь с отарой, думаешь: ой, далеко Москва, не добраться до нее. Но вот включаю «ВЭФ-12» и слушаю голос столицы, разговаривает она со мной, и поет, и играет мне. Близко от меня Москва! Думает, заботится о нас, чабанах. Жизнь у нас какая: восемь месяцев кочуем, четыре — дома. Дома — это значит в селе. Имя у него русское — «Грозное». И колхоз наш называется «Россия», потому что половина колхозников — русские. Есть даже и среди русских чабаны: полюбилась им эта профессия. Дом у меня хороший, каменный, пять комнат. При доме сад и огород. Подрастет Толебек, старший сын, «Волгу» купим. Деньги найдутся. В прошлом году заработали с семьей три тысячи шестьсот рублей. Но главный мой дом все же в горах. Бóльшая часть жизни проходит там. Вот я и сравниваю: когда мальчишкой начинал чабанить — рано пришлось, отец на фронте погиб,— знали мы только юрту. Откинешь кошму, ползком влезешь, сядешь на шкуру, очаг разведешь, греешь красные руки над угольками. Так и зимой и летом. Теперь на зимних пастбищах стоят крепкие, теплые дома, с обыкновенными печами и радиосвязью, для отар сараи построены. Подскочит мой друг Николай Кардиенко на грузовике, привезет соли, концентратов, сена, свежие газеты, а детишкам конфет не забудет лично от себя. Сядем мы с ним, покурим, он о новостях расскажет. Летом продукты и корм сбрасывают с вертолетов. Живем в больших палатках, как пионеры в своих лагерях.

Ну, а урожай мы снимаем, когда спускаемся с гор — в апреле окот начинается. У нас говорят: чабан спит — ягнят не будет. Золотые слова! Мы с Салимой — это жена моя — спим тогда в сутки по два часа, по очереди. Стоим на вахте возле появляющихся на свет ягнят. Глаз с них не спускаем. То биомицин ложечкой, то уколы. Как за своим ребенком ходим. Сказал я про ребенка и вспомнил своего сына Назарбека. Было это в августе на перевале. Ночь стояла такая темная, хоть глаз выколи. И случилось же так, что в ту ночь жена моя стала рожать. Мой младший брат поскакал к соседу, что километрах в двух от нашей отары, привез жену его, Хадичу, на помощь. Вдруг собаки тревожно залаяли, овцы разбегаться стали, и кто-то тяжелый засопел, засвистел. Неужели медведь? Мы схватились за оружие. Стреляя, я бросился к овцам, запнулся о камень. С тех пор у меня шрам на лбу. Медведя прогнали. А когда вошел в палатку, Хадича уже держала сына, второго нашего, Назарбеком его назвали.

Однако я разговорился, торопиться мне надо. На джайлоо Салима одна осталась с отарой, Толебек не в счет — еще мал...

Таджикская ССР
Мирзо МАСТАНГУЛОВ

В 1929 году, когда русский летчик Николай Баранов своим перелетом по маршруту Ташкент — Душанбе — Гарм — Хорог — Душанбе проложил воздушный путь на Памир, Мастангулова еще и на свете не существовало. Родился он десятью годами позже — среди наших гостей он моложе всех,— стал летать на Памире сравнительно недавно, когда, казалось бы, тут все уже было освоено...

Товарищ Ермилов говорил сегодня о своей поездке в Таджикистан. Мне очень приятно было слышать, что ему понравилось у нас. Постараюсь дополнить представление о моей республике. Когда-то эти края называли страной классического бездорожья: труднодоступные хребты, крутые скалы, сыпучие берега рек. Горно-Бадахшанская автономная область вообще лежит среди заснеженных пиков и сверкающих ледников Памира. Сухопутное сообщение по горным тропам было опасным и ненадежным. Вот почему самолет в Хороге появился на четыре года раньше автомобиля. Время, которое затрачивалось раньше на то, чтобы попасть из Душанбе в Хорог, сократилось в двести раз,— до революции добирались около сорока суток. Сегодня интенсивность авиаперевозок в Таджикистане выше, чем во многих центральных районах Советского Союза и в среднем по стране. Авиация, таким образом, у нас активно работает на коммунизм! И люди стали жить по-новому.

Вот я сам. Родился в горном селе, на Западном Памире. Отец был председателем колхоза, коммунистом. К воздухоплаванию никакого отношения не имел... В школе нам преподавал историю Илья Галеев, по национальности татарин. Он в юности мечтал об авиации, но помешал нелепый случай — сломал ногу. И учитель свою мечту вручил мне. «Иди в летчики»,— сказал. Вместе с ним строили авиамодели, читали книги, выписывали журналы, словом, заронил он мне в душу искру. После окончания десятилетки я поступил в Краснокутское летное училище под Саратовом. Тут моим авиационным отцом стал белорус Парфенчик. Помню, как весной впервые оторвался от земли и как в тот момент остро захотелось вернуться на землю. Так продолжалось мгновение, потом пришло радостное ощущение свободы и власти над пространством.

Памир суров и жесток. Воздушные трассы здесь не попадают ни под какие законы авиации. Аэропорт в Мургабе — крохотный пятачок на высоте 3 600 метров над уровнем моря — поднебесный аэродром. Трасса к нему, так же как и в другие районы Горного Бадахшана, идет ущельями. Представьте себе узкие, шириной иногда всего в 150 метров, скалистые коридоры. Подняться над ними нельзя: потолок АН-2 — 4 800 метров, а высота гор — 6 000 метров. Вот и петляешь среди скал. В шестьдесят девятом я летал с кинооператорами на ледник Федченко. Они должны были отснять документальный фильм для выставки «ЭКСПО-70» в Японии. Работа была тяжелая, пришлось лететь на предельной для АН-2 высоте. Из каждого ущелья рвались ветры, и наш легкий самолет швыряло из стороны в сторону, будто мотылька, попавшего под струю вентилятора...

Один полет на Памире не похож на другой, сколько бы тут ни летал, каждый полет — испытание. Несмотря на это, сейчас в Таджикистане нет населенного пункта, который бы не обслуживала авиация. Подразделение, командиром которого я был, доставляло в кишлаки врачей и почту, обслуживало геологов, помогало бороться с сельскохозяйственными вредителями и подкармливало удобрениями посевы хлопчатника. Сейчас, правда, на памирских высокогорных трассах работать стало легче. Поступил новый комфортабельный самолет ЯК-40, и он может летать не в ущельях, а над ними. Ну, а я сам поступил в летную академию гражданского флота на заочное отделение. Летаю теперь на ИЛ-18 в Москву, Киев, на Кавказ, в Сибирь и Урал. К друзьям ведут воздушные дороги моего народа.

Армянская ССР
Гарегин ТОНОЯН

Под Ворошиловградом им пришлось отступать. Двигались то к Новороссийску, к Малой Земле, то снова шли вперед. Заняли какую-то деревеньку. Она была пуста — ни души. А правее от нее на безымянной высоте укрепился враг. Разведка донесла, что он держит большие склады оружия и продуктов. Командир минометной роты Тоноян решил взять эту высоту. Бой длился сутки. К утру операция была завершена.

Текстильщик я с тридцатого года, если не считать службы в армии. Еще на Хасане воевал. До войны работал помощником мастера на ткацкой фабрике. Вскоре после возвращения с фронта меня назначили начальником цеха. Положение там было тяжелое. Оборудование за войну поизносилось, часто выходило из строя, простаивало. Поммастера валились с ног, их не хватало. Сердце у меня разрывалось при виде всего этого. Не выдержал я, пошел к начальнику ткацкой фабрики, сказал: «Ищите себе другого начальника цеха, а я в поммастера». Ашот Костонян стал отговаривать: «Трудно будет, не советую». «Ничего, что трудно,— возразил я.— Я свою работу знаю. На фронте было труднее».

Участок взял самый отстающий — семьдесят два разбитых довоенных станка. Поговорил со сменщиками, они сначала не верили мне, что можно поднять такой комплект. Разработали мы график ремонта, разбили станки на группы. Вскоре наш комплект выровнялся и обогнал другие. Бюро горкома партии заслушало мой отчет. Появились у нас последователи.

С тех пор на фабрике два раза меняли обо-

рудование, новое привезли совсем недавно. Я еще ездил на климовский завод, изучал эту технику. Я и в Иванове, на меланжевом комбинате бываю, и на фабрике имени Фрунзе в Москве. И к нам приезжают текстильщики из других республик. Недавно были ткачихи из Кутаиси и Кировабада, договор с ними заключили. Но самая тесная связь у нас с Вичугой — с двадцать второго года, когда в Ленинакане, бывшем Александрополе, по указанию Ленина начала создаваться текстильная промышленность. Товарищи из Вичуги прислали нам тогда шестнадцать тысяч веретен и тридцать два станка. «Дорогие братья армяне,— писали ткачи из Вичуги,— примите наш скромный подарок и начинайте развивать свою текстильную промышленность». Потом они же учили нас работать на этих станках. Многие с тех пор так и остались в Ленинакане. Разве не замечательно, что вичужанка Валентина Катумцева стала заслуженным рационализатором Армянской ССР! С тех пор с Вичугой у нас горячая дружба. Далеко до нашего Ленинакана, но интересы у нас одни.

Туркменская ССР
Ата ТАШЛИЕВ

Когда он учился в институте, жилось ему трудно. Стипендии студентам тогда не платили, никто ему не помогал, приходилось подрабатывать грузчиком. Профессор Михаил Константинович Лаптев обратил внимание на бледного, с усталым лицом юношу. Летом пригласил с собой в экспедицию, а осенью предложил: «Иди ко мне в лабораторию, будешь работать препаратором».

Потом они встретились после войны. Лаптев снова взял над ним шефство: Ата стал его аспирантом.

Так начинал свой путь в науке бывший пастушонок, ныне директор Института зоологии АН Туркмении.

Сосед мой — туркмены и таджики живут рядом — только что говорил о стальных крыльях своей республики. Я хочу рассказать о науке Туркмении, о развитии ее национальных кадров. В тридцатых годах открылся у нас педагогический институт, потом сельскохозяйственный, медицинский, позже к ним присоединился университет, и вот уже двадцать лет у нас своя Академия наук. Подумать только, это в республике, которая была краем почти сплошной неграмотности! Я помню еще то время, когда люди ходили из аула в аул в поисках человека, который мог бы прочитать письмо. Безграмотным был до Советской власти и мой отец. Только после того, как разгромили басмачей, бывший красногвардеец научился читать. Первыми нашими учителями были русские ученые. С их помощью мы овладевали знаниями, под их руководством защищали свои первые диссертации. В институте зоологии, который я возглавляю, было четыре кандидата наук, сейчас — пятьдесят семь.

Зоология... Неосведомленный человек может подумать: ну что она может дать народному хозяйству республики? Однако в нашей республике и вообще в Средней Азии зоология имеет огромное значение. Не случайно великие, всемирно известные ученые академик Павловский и академик Скрябин много лет работали тут. Неизмеримо много сделали они для ликвидации малярии, язвы и других природно-очаговых болезней.

Чем же занимается наш институт? Остановлюсь только на двух проблемах, теснейшим образом связанных с производством. Первая возникла, как ни странно, с сооружением Каракумского канала. Велико было ликование туркменского народа, получившего воду. Но вскоре радость омрачило непредвиденное обстоятельство: канал стал катастрофически зарастать водорослями, и пропускная его способность уменьшилась. Что делать? Механическая чистка — крайне трудоемкое, дорогое занятие. Ученые задумались: нельзя ли найти биологический способ очистки дна? Отыскать так называемых пожирателей растений? Подходящими для этой цели оказались дальневосточные рыбы белый амур и толстолобик. Задача была в том, чтобы акклиматизировать их в республике. В молочных флягах (полиэтиленовых мешочков тогда еще не было) возили сюда личинки и воспитывали их в прудах. Над нами смеялись: «Смотрите, ученые с ума посходили — кормят рыб яичным порошком». Когда личинки превращались в рыбок, приученных нами к своему главному «блюду» — водорослям, и набирали в весе 100—120 граммов, их выпускали в канал. Теперь оставалось самое трудное: получить от них потомство в новой среде. Над этой проблемой давно и безрезультатно бились ученые зарубежных стран. Надо сказать, что и нам мало кто верил. Считали наши поиски заранее обреченными на провал. В такой обстановке трудно было продолжать работу. Кто бы, вы думаете, поддержал нас и вдохновил? Академик Павловский и член-корреспондент Академии наук СССР Никольский. Они надеялись на нас, туркменских зоологов!

В 1961 году было получено первое жизнеспособное потомство этих рыб. Судьба Каракумского канала решена, он полностью очищен, а вместе с тем решена судьба и многих других каналов и водоемов страны. Сегодня мы отправляем самолетами жизнеспособные личинки и сотни живых рыб во многие республики — на Украину, в Латвию, Белоруссию, Армению, Молдавию. Амуры уже появились на прилавках магазинов Ашхабада. Начался их промышленный отлов.

Вторая проблема, которую успешно решил институт, касается термитов. Этот желтый всеядный муравей в странах тропического, жаркого климата наносит огромный ущерб. Он прогрызает даже не поддающийся никаким зубам синтетические материалы и пластики, способен разрушать оболочку кабеля. Сотрудники нашего института нашли управу и на муравья. Пятнадцать заводов Советского Союза, и в их числе «Москабель», «Азовкабель» и «Ташкенткабель», работают по технологии и рецептам, предложенным нами. Эти два примера показывают, что наш институт, один из многих в республике, дружит, можно сказать, со всей страной. А если взять все наши институты? Вывод напрашивается один: братский союз народов — мощный стимулятор для развития науки.

Эстонская ССР
Юхан КЛАЙС

Жили-были в сухопутном городке Антсла трое мальчишек. Вместе ходили в школу, вместе слушали рассказы бывшего кронштадтского моряка с революционного эсминца, вместе зачитывались Жюлем Верном и мечтали о море. И вместе наперекор матерям собрались в один прекрасный день и поехали в Таллинское мореходное училище. Тот, который был сыном кочегара с эсминца, ныне капитан сейнера рыболовецкого колхоза, депутат Верховного Совета СССР.

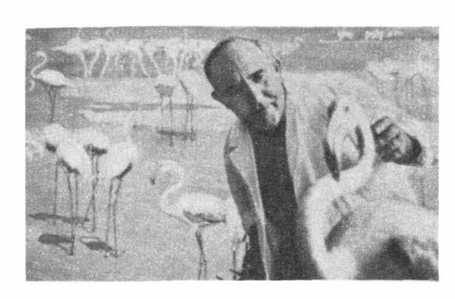

Туркмения — самая южная республика. Я привез в редакцию привет с запада, из Эстонии. Меня послали морские рыбаки Балтики. Сказал я «рыбак» и задумался. Может быть, кто-нибудь представляет себе рыбака в виде угрюмого человека, сидящего на берегу реки с удочкой в руках? Солнце уже за горизонтом, и по воде побежали последние золотые блики. Идиллическая картина, конечно, но ничего не имеет общего с той работой, которой занимаемся мы. Мы живем на острове Саарема. С острова уходим в море. Сейнер за сейнером, траулер за траулером. Надолго. В водах Балтики ловим кильку и салаку. В Атлантике — сельдь, сайду, скумбрию, пикшу, палтуса, морского окуня. Однажды мы возвращались с моря, когда стояла зима. Мороз был градусов двадцать, дул пронизывающий до костей ветер. При подходе к берегу нас затерло, и мы не могли войти в порт. Попробовали податься вправо, попробовали влево — ни с места. Заднего хода тоже не было: за кормой синел толстый лед. Так сидели больше суток, можно сказать, у порога теплого дома, пока не пошла зыбь. Тогда мы парусом подняли брезент, укрывающий трюм, и я скомандовал: «Полный вперед!» Вырвались! Другой раз — кстати, это случается часто — снимали судно, севшее на мель в Рижском заливе, брали на буксир рыбаков. Взаимная выручка — железный закон на море.

Второй наш закон — не возвращаться без улова и перевыполнять план. Государство идет нам тут навстречу. Наш колхоз «Сааре Калур» молодой — был создан двадцать три года назад, и первыми его судами были обыкновенные деревянные лодки. Фашисты вывезли с острова все, что на нем имелось. Пришлось начинать с нуля. Страна по-братски помогала нам. Первые стальные суда, построенные в ГДР, мы получили десять лет назад, теперь у нас солидный флот. Не так давно мы мечтали о том, чтобы колхоз добывал десять тысяч тонн рыбы в год. Сейчас мы ловим в среднем двенадцать тысяч тонн. Надеемся к декабрю выполнить свой план.

Как мы, островитяне, живем? Почти триста рыбацких семей построили себе хорошие, новые дома. Строим свой колхозный порт с доком, где можно будет ремонтировать корабли. Тогда не придется ходить на ремонт к соседям в Нарву или Таллин. В будущем году вступит в строй мощный ледокольный паром, связывающий нас с Большой землей. В общем, живем не хуже, чем люди на материке. Даже интереснее. Тут вдоволь романтики. Приезжайте к нам, будем рады!

Я услышал сегодня тут очень много интересного. А главное, мы познакомились друг с другом и подружились. Теперь я богат: у меня четырнадцать новых друзей.

Хорошо сказал Юхан Клайс! Все мы стали богаче, прикоснувшись к судьбам замечательных людей, творцов, подлинных героев нашего времени.

Разъезжаясь, наши гости фотографировались на память все вместе на Красной площади, обменивались адресами... «Бывайте здоровы, живите богато»,— сказал кто-то. Будьте здоровы!

В канун приближающегося праздника советских народов от всего сердца желаем вам, дорогие друзья, счастья в вашей жизни, исполнения ваших планов и замыслов, осуществления вашей мечты!

«Рот-Фронт!»

В последнее время чаще, чем обычно, «Огонек» вызывал по телефону Берлин, а оттуда, из журнала «Фрайе вельт», звонили в нашу редакцию. Конкурс «Мой друг», в котором участвовали читатели двух братских журналов, завершился. Пришло время победителям — трем советским гражданам и трем гражданам Германской Демократической Республики — отправиться в путешествие к своим друзьям. Вместе со своими коллегами, немецкими журналистами, мы обсудили предстоящие маршруты, и оказалось, что путь из Фрунзе в городок Иккермюнде на севере ГДР может длиться больше... четверти века! Ведь журналист из Фрунзе Махмуд Гафаров собирался во время этой поездки отпраздновать с немецкими друзьями свое пятидесятилетие, а впервые капитан Гафаров попал в Иккермюнде в сорок пятом, и в 23 года он стал первым комендантом этого освобожденного от фашистов города.

Почти столько же лет теперь победителю конкурса из ГДР, унтер-офицеру Национальной народной армии Герману Ханзену. Герман едет в СССР впервые, и для него расстояние от Берлина до Москвы — всего лишь два с половиной часа полета на самолете. А как измерить путь в нашу страну семидесятилетнего ветерана — антифашиста Эриха Хаазе из Лейпцига? Он начался еще в тридцать третьем году: молодой Эрих в подполье, рискуя жизнью, выполнял поручения Коммунистической партии Германии. В то время в семье колхозного бригадира Степана Давыдова еще не родилась девочка Зина, которая выросла, стала у себя в селе учительницей немецкого языка и теперь, волнуясь, собиралась в дорогу — в город Эйзенах к своей немецкой подруге Эрике Циклер.

Шофер из Калуги Сергей Павлючков, учительница русского языка Инга Деппе, ленинградка Мириам Сыркина, рабочий из Эйзенберга Герд Захсе, двадцатилетняя машинистка Таня Лукьянова и 73-летний врач из латвийского города Цесис. Какие разные, какие непохожие человеческие судьбы! Но они встретились, соединились на страницах двух братских журналов, и тогда произошло нечто не предвиденное картографами. Иккермюнде оказался совсем рядом с Фрунзе, Лейпциг неподалеку от Риги, Калуга вблизи Эйзенберга, а город Фюрстенвальде переместился из Саксонии под Ленинград.

О том, как это произошло, рассказывают очевидцы этих событий — СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» НОВЕЛЛА ЦВЕТКОВА И КОРРЕСПОНДЕНТ «ФРАЙЕ ВЕЛЬТ» ВОЛЬФГАНГ ШЕЕЛЬ.

РЕПОРТА

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ «ОГОНЕК»

Фото А. Бочинина, Н. Цветковой и Ханнеса Шрайбера.

Иккермюнде

Ранним утром шел не спеша человек по городу. Он внимательно всматривался в дома, лица прохожих и вдруг услышал ликующий возглас мальчишки:

— Смотри, Махмуд уже приехал!

Человек остановился и улыбнулся. Двое мальчуганов лет по восьми с ранцами за плечами во все глаза рассматривали его медали и ордена. Ну вот, теперь его узнают на улицах даже такие малыши! А когда он впервые после войны сюда приехал, его узнали только те, кто помнил его с сорок пятого года. Интересно, сколько же лет было тогда родителям этих двух мальчуганов? Может быть, именно их первый советский комендант Иккермюнде посадил за школьные парты в сентябре сорок пятого!

Шел человек по городу и вспоминал путь, который привел его сюда когда-то.

...Воскресенье 22 июня 1941 го-

На встрече с членом ЦК КПСС, Председателем Государственного комитета по телевидению и радиовещанию, председателем Общества дружбы СССР — ГДР С. Г. Лапиным.

Эрих Хаазе, Инга Деппе и Герман Ханзен на «Авроре».

Ж ДВУМЯ ПЕРЬЯМИ

да. Ему девятнадцать. Только-только окончены командирские курсы. В кармане новенькой гимнастерки лежит билет домой во Фрунзе. Уже куплены подарки матери, отцу, сестренке, и поезд уходит в четыре часа дня. А в час дня командир артиллерийского взвода Махмуд Гафаров уже дрался с врагами. Окружение, госпиталь, фронт. Бои за Москву. За Ленинград, Сталинград. А потом за Варшаву, Кенигсберг и за этот вот тихий немецкий городок у самого Балтийского моря. Мог ли он думать тогда, что судьба соединит его с ним навсегда и что придет день, когда он скажет: «Мой Иккермюнде!»

Многих из тех, с кем начинал он строить здесь новую жизнь, уже никогда не встретить на этих улицах. Но он помнит их и будет помнить всегда. Август Нитц. Коммунист, рабочий с литейного завода. Он был первым бургомистром освобожденного города и первым близким другом Махмуда на немецкой земле. В прошлый приезд они виделись в последний раз.

— Махмуд, сынок,— попросил его старый Август, который уже не подымался с постели,— когда будешь уходить, пройди не спеша под окнами, я хочу хорошенько запомнить тебя...

А вчера новый бургомистр, молодой, энергичный Курт Френц сказал ему так, как сказал бы старина Август:

— Ты ведь помнишь, Махмуд, как погибли советские герои, что лежат под скромными обелисками в центре нашего города? Так вот, мы решили, все, кто здесь живет, построить в память героев парк-музей и перенести туда с почестями их прах. Пусть внуки и правнуки наших детей помнят, с чего начиналась новая жизнь Иккермюнде!

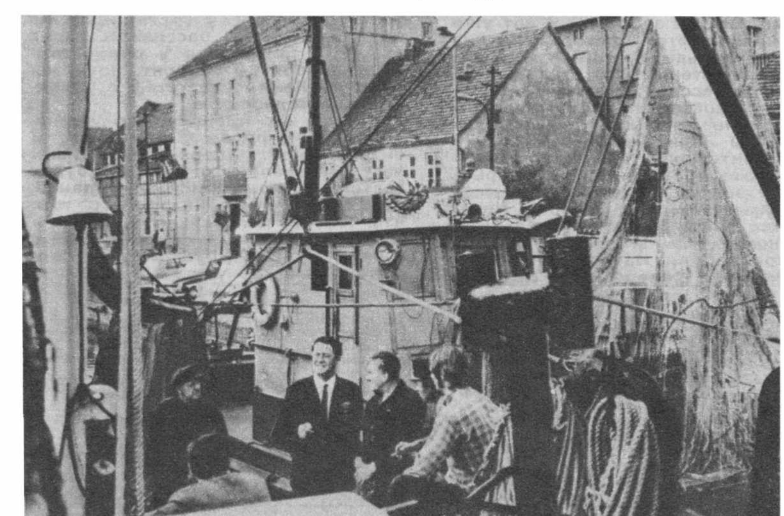
Старый друг Вернер Рихардт, секретарь отделения Общества германо-советской дружбы, показал ему целый альбом вырезок из местной газеты «Свободная земля». Все эти годы из месяца в месяц публиковались статьи о первом коменданте Гафарове, о его жизни сегодня, о родной Киргизии и городе Фрунзе. В последних номерах была перепечатана его собственная статья в «Огоньке», которую он прислал на конкурс «Мой друг». А потом читатели узнали: «Наш комендант победил! Махмуд скоро приедет в Иккермюнде».

И вот он здесь, за тысячи километров от дома, но снова дома. Ведь только дома может быть тепло и весело за праздничным столом в день рождения, который ему устроили друзья у Рудольфа Бенна. Сколько подарков, сколько писем от знакомых и незнакомых людей он получил в этот день! Франц Хайн, Эрих Шмок, Вальдемар Колоцей, Рудольф Бенн — да разве перечислишь всех, кого называет он своими друзьями, кого любит всем сердцем и с кем готов пополам поделить любую беду. Он так и сказал об этом вчера своей бригаде: «Телеграфируйте мне во Фрунзе, и я приеду, я буду делать вместе с вами любую самую трудную работу!» А они в ответ: «Нет, Махмуд, мы тоже проведем у себя в округе конкурс «Мой друг», и тот, кто победит, поедет к тебе во Фрунзе!»

Его бригада лучшая на заводе, в третий раз завоевала звание «Бригады социалистического труда». Вчера почетному члену бригады Махмуду Гафарову бригадир Вальтер Петри вручил памятный значок.

Их всего пятнадцать; самому старшему, Отто Парнишу,— 67, а младшему (он еще ходит в учениках), Гансу Мейеру, только исполнилось пятнадцать лет, и Махмуд готов спорить: нигде в ГДР не знают столько о его родной Киргизии, как здесь, в его бригаде, на заводе по изготовлению судовых сигнальных фонарей. «Махмуд, что слышно нового про археологические поиски на Иссык-Куле?», «А какой в этом году у вас уро-

«Ну, как живется, друзья!» — спрашивает первый комендант Иккермюнде.

С. Павлючков, З. Давыдова, М. Гафаров у дома-музея в Потсдаме.

жай?», «Расскажи, как республика празднует пятидесятилетие образования СССР», «А дома что нового, как дочки, как сын?»

Сколько часов они толковали обо всем при встрече, а все же времени не хватило. Расставаясь, он сказал им: «Я видел ваш город в сорок пятом, я приезжал потом сюда не раз, и вижу главное, и это наполняет сердце радостью и гордостью за мой Иккермюнде. Вырос и обновился не только город, главное — обновилась душа народа, которую фашизм изо всех сил старался испоганить. Это было самое трудное, но с этим мы справились. Потому что мы были все эти годы вместе, и мы будем вместе теперь всегда!»

Шел человек по городу, и люди, узнавая его, оборачивались ему вслед: «Наш Махмуд приехал!»

Эйзенах

— Да вы проходите, пожалуйста, я сейчас позову Зину, она пошла вместе с моим мужем и сыном к нашим друзьям. Они очень любят нашу Зину!

Я в гостях у Эрики Циклер, о которой Зинаида Давыдова рассказывала мне до полуночи в берлинской гостинице «Унтер ден Линден». И оттого, что Эрика оказалась именно такой, какой ее знала и любила Зина, я сразу же почувствовала себя в этой уютной, аккуратно прибранной квартире так, словно уже бывала здесь прежде. Когда же спустя несколько минут в сопровождении Вилли и тринадцатилетнего Дирка появилась наша молодая учительница, я поразилась перемене, которая с нею произошла за два дня, прожитые в Эйзенахе. Зина, которая в Берлине никак не решалась заговорить по-немецки, теперь вдруг «забыла» русский. И куда девалась ее обычная медлительность! Дирк, не сводивший с «тети Зины» преданного взгляда, едва поспевал за нею. Нет, она не была гостьей — она была в этом доме радостью. И Вилли, с истинно мужской снисходительностью понаблюдав суматоху этой встречи, усадил нас за стол, налил всем вина и предложил тост за счастье советской учительницы, которая стала в этом немецком доме родным человеком.

Их соединил случай. Пришло однажды из села Молоково письмо в этот дом. Учительница немецкого языка предложила переписываться учительнице русского языка. Много лет прошло с той поры, но в двух домах — русском и немецком — хранятся все письма до единого!

— Вот ведь как странно бывает: мы выросли в разных странах, в разных семьях, я старше Зины на целых десять лет, но это самый близкий мне человек, который во всем понимает меня до конца...

Эрика почти слово в слово повторила то, что я слышала от Зины Давыдовой, когда она рассказывала о том, как много значит для нее эта дружба.

За окном уже легла темень непроглядная, а мы все сидим, и я слушаю то Эрику, то Вилли, то Зину. А Дирк тем временем принес и разложил на столе семейные реликвии. Здесь почетные грамоты ЦК Социалистической единой партии Германии на имя Эрики и Вилли. Несмотря на свою молодость, они оба уже 25 лет в рядах партии. Золотая медаль в красной коробочке — самая высшая награда в ГДР для учителей русского языка. Ее получила Эрика Циклер «за отличные результаты в преподавании и большую работу по укреплению немецко-советской дружбы». Диплом о присвоении звания «доктора педагогики» выдан этим летом Вилли. Как и Эрика, он уже много лет преподает физику в Эйзенахском педучилище. Дирк показывает мне «альбом дружбы»: обычно он на работе у родителей, и сюда его принесли по случаю приезда тети Зины. Вот фото сельской школы, где она преподает, а это переменка в ее 10 «б», ну, а тут в шубе мама и ее девочки из педучилища. Их снимала на Красной площади ученица тети Зины.

Зина всматривается в фотографии и вспоминает: «Так это же было в тот раз, когда мы целый день встречали Эрику в Шереметьеве, а она улетала в Ленинград!»

Оказывается, есть такая традиция в Молоковской средней школе и Эйзенахском педучилище. Раз в год встречаются в Москве обе подруги и их воспитанники. Эрика покупает туристические путевки и привозит на неделю лучших своих студенток в Советский Союз, а Зина приезжает в Москву со своими школьницами. Сколько же за эти годы возникло новых дружеских союзов? Ответ на этот вопрос я услышала утром следующего дня в кабинете директора Эйзенахского педагогического училища доктора Ганса Путшера.

— У нас здесь учится триста шестьдесят будущих учителей, которые съехались со всей республики. И все они, все до единого,— члены Общества германо-советской дружбы! В этом прямая заслуга супругов Циклер и других наших педагогов — активистов общества. Насколько важна их деятельность, вы лучше поймете, если я напомню: мы живем всего в 15 километрах от границы с ФРГ!

Да, права, тысячу раз права была Эрика, которая сказала мне, что считает свою профессию политическим делом. Она это поняла еще в сорок шестом году. Окончив в Эйзенахе курсы русского языка, 18-летняя Эрика пришла в класс и увидела за партами своих ровесников, бывших солдат гитлеровской армии. И она сказала себе тогда: знать русский язык — это не только выучить спряжения и склонения, это значит прежде всего уметь мыслить по-марксистски.

В тот год дочь учителя гимназии Эрика Циклер стала коммунистом, а Зина Давыдова, дочка молоковского колхозника, пошла в первый класс.

Эйзенберг

Мы договорились заранее — по дороге из Эйзенаха в Берлин непременно заедем в Эйзенберг, где живет Герд Захсе, друг третьего победителя нашего конкурса. Честно говоря, мы немного волновались: как-то там прожил эти несколько дней калужский шофер Сергей Павлючков? Мы знали, что задолго до этой поездки он накупил кучу учебников немецкого языка и занимался в свободное время. Сергей уверял нас, что у них с Гердом нет проблемы с языком и они прекрасно понимают друг друга. Правда, в сочинском санатории, где они познакомились, переводчик сделал свое доброе дело. Потом, когда Герд с женой и дочкой приехали погостить в Калугу, пришлось Сергею научиться объясняться по-немецки, а Герду по-русски. С той встречи прошло уже несколько лет.

Машина мчится по шоссе, оставляя по бокам нарядные, типичные для Тюрингии домики — их серые каменные стены будто кто-то расшил крестом, взяв вместо пряжи темную древесину. А за спинами домов, вдалеке у горизонта, волнистые горы. В этих сказочных местах, прославленных поэтами,— город Эйзенберг. Улицу, где живет Герд, находим без труда — это новый рабочий район, просторно застроенный пятиэтажными домами. Сергей объяснял мне, что его друг живет в кооперативном доме, который он и другие рабочие строили в свободное от работы время. После того как они выплатят государству ссуду за свои квартиры, это будет собственность их семей.

До расспросов у жильцов дело не дошло. Нам навстречу выскочил Сергей в домашних шлепанцах, а за ним очень высокий светлоглазый человек.

— А мы вас уже давно ждали!

И вправду, вся семья в сборе. Гостеприимная Дорис тут же угостила своим особым тортом, а Сергей вместе с похожей на отца Зигги дружно кинулись на кухню за посудой.

И тогда мы задали хозяину дома вопрос, который нас волновал:

— Как же вы эти дни объяснялись с Сергеем?

— Я и сам вначале боялся,— признался он,— но понимаете, какая штука: мы как-то наловчились, приспособились, что ли, друг к другу и прекрасно беседуем на любые темы. Вчера ко мне пришел брат, он тоже, как и Сергей, шофер. Услышал он нашу речь и опешил, а потом с ходу включился в наш разговор. Тут в нескольких километрах живет в деревне моя старушка теща. Она попросила привезти ей нашего советского друга. И что же вы думаете? Они с Сергеем тоже каким-то образом столковались, и был у них очень длинный разговор, кажется, насчет пенсии...

«Я — рабочий и мой друг Герд — рабочий. У нас с ним много общего. А главное, мы, рабочие,— хозяева нашей жизни»,— написал Павлючков в своем письме на конкурс. И крановщик из Эйзенаха показал своему советскому другу не только свою квартиру и маленькое дачное «бунгало» на окраине города. Сначала он повел Сергея на деревообделочный комбинат в цеха, где работают жена и дочь. Потом вместе они обошли все городские новостройки, и Сергей узнал, что скоро будут построены два плавательных бассейна — один для взрослых, другой для детей. Заглянули они на «Стальверке», где много лет прежде работал Герд, и побывали на его новой работе. Павлючкова заинтересовал метод разгрузок железнодорожных вагонов крановщиками. Но больше всего его поразил недавно построенный детский сад. Герд объяснил воспитательнице, что пришел показать его своему советскому другу. Несмотря на то, что был «мертвый час», друзьям разрешили тихонько пройтись по комнатам. А воспитательница шла за необычными посетителями и удивлялась: приезжали делегации, приезжали туристы, а теперь просто двое друзей — русский и немец!

...И снова машина мчится по безупречной асфальтовой ленте автобана. Наш путь в Берлин, а оттуда — по домам.

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ «ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»

Ленинград

Чудесный день в городе на Неве. Первая прогулка по Ленинграду. Приветствие караула на «Авроре». В воде Невы пляшут солнечные лучи. А вечером мы долго ищем улицу — канал Грибоедова. Наконец, стоим перед нужной дверью. Учительница из Фюрстенвальде Инга Деппе нажимает кнопку звонка. Мириам Сыркина открывает дверь — и обе подруги бросаются в объятия друг другу. Стол празднично накрыт. Нас ожидали. Хозяйка позаботилась обо всем, хотя времени для этого почти не было. Еще сегодня утром она была со своими учениками — студентами сельскохозяйственного техникума в сотне километров от города и помогала убирать с полей картофель. Но сейчас и завтра она в распоряжении своей подруги, она взяла выходной ради такого дела. Как поживает семья, как дела в школе? Все ли здоровы? И вот уже рассматриваются фотографии из Фюрстенвальде и книги из домашней библиотеки. Но главная тема — профессиональная: о языковых трудностях и о том, как можно помочь друг другу. «Инга, а когда ты начитаешь новую ленту на магнитофон?», «Мириам, вышел ли за это время новый словарь?» 16 лет назад учительница немецкого языка Мириам Сыркина предложила Инге Деппе, учительнице русского языка, обмениваться опытом работы. Началась переписка, которая переросла в дружбу, и теперь в уютной, старинной ленинградской квартире мы сидим за столом, уставленным угощениями. Эта встреча — продолжение дружбы, которую можно понимать так, как об этом написала Инга Деппе в редакцию журнала «Фрайе вельт»: «В конце каждого письма мы с Мириам спрашиваем друг друга: «Чем я могу еще тебе помочь?»

Рига

70-летний Эрих Хаазе о слове «ветеран» не хотел и слышать. «Не говорите этого моему Вале,— предупреждал он нас незадолго перед поездкой в столицу Латвийской ССР.— Мы с ним еще не такие уж старики». И в доказательство этого показал последнее письмо от друга. «Если ты не боишься насморка,— писал Валентин Занке,— я с тобой совершу поездку на моем мотоцикле, чтобы ты узнал побольше о моей родине».

...Эрих вспоминает поездку на двухместном велосипеде Вали. Это было в начале 30-х годов в Лейпциге. Друзья развозили листовки Коммунистической партии Германии по территории, где были расположены казармы рейха.

Сколько же лет теперь его другу? 73 года! Но, несмотря на этот возраст, он еще работает врачом в одном из санаториев. Они знают друг друга с 1926 года, их дружба, по словам Эриха, родилась в классовой борьбе того времени, когда Валентин был студентом на медицинском факультете в Лейпциге. Он с таким трудом зарабатывал каждый пфенниг для оплаты своей учебы и всегда был готов выполнять партийное поручение. То он расклеивал листовки, то проводил агитацию по домам, то выступал в оркестре балалаек. До самого ареста нацистами в 1933 году друзья работали бок о бок нелегально.

Эрих 11 лет провел в заключении, семь из них в Бухенвальде. О том, что Валя жив, он узнал только в 1960 году. А спустя четыре года они встретились в Лейпциге. И вот новая встреча в Риге.

На перроне оба стоят на расстоянии одного метра и от волнения не видят друг друга. Потом на автобусе Валентин Юльевич Занке показывает нам город. Мы побывали на Выставке достижений народного хозяйства Латвийской республики, встретились в Доме дружбы с писателем Жаном Грива, участником обороны Ленинграда и председателем латвийского комитета мира.

А потом еще одна незабываемая встреча. Встреча с прошлым у мемориала Саласпилс, на месте бывшего концентрационного лагеря, где погибли сотни тысяч антифашистов со всей Европы. Друзья идут медленным шагом, сжаты кулаки поднятых рук: «Рот-Фронт!»

Москва

Самый молодой победитель нашего конкурса приехал в СССР опечаленным. Что случилось с Таней? Почему его подруга по переписке вдруг перестала писать? Национальная народная армия дала отпуск на одну неделю унтерофицеру Герману Хансену 1951 года рождения. И вот он с нетерпением ожидает встречи в Москве с Таней. Он впервые в Советском Союзе и потому переполнен впечатлениями. Первый день — первое в жизни путешествие в самолете будущего авиамеханика. Второй день — первое в жизни интервью ленинградскому телевидению. Третий день — впервые в советской опере — на «Пиковой даме» Чайковского. Герман сидит в бывшей царской ложе Ленинградского театра имени Кирова, а на следующий день он в президиуме торжественного собрания, посвященного 23-й годовщине ГДР. И вот мы в Москве, и он счастлив. Таня Лукьянова, та самая девочка, с которой он переписывался еще с пионерского возраста, ждет нас у гостиницы. Им надо так много рассказать друг другу! И двое, сидя у окна автобуса, говорят и говорят, пока мы едем на Ленинские горы, в Останкино на телебашню.

Настал час прощального ужина. Таня сидит рядом с Германом, и он подымает впервые в жизни тост. Он говорит о том, что будет достоин коммунистов-ветеранов, таких, как Эрих Хаазе, и о том, что теперь, когда Таня вышла замуж, он решил пригласить ее с мужем в гости. Дружба будет продолжаться!

Е. Лансере. 1875—1946. КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ ДАГЕСТАНА СПУСКАЮТСЯ С ГОР НА ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Центральная часть триптиха. 1931.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

К. Шаяхметов (Алма-Ата). ПОЮЩИЕ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ».

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

Леонид ЛЕНЧ

ГЛУБИНКА

К Людочке Парусовой, молодой, способной и — надо отдать ей должное — очень хорошенькой артистке областного театра, подошел утром в служебном гардеробе Юра Назаревич, социальный герой, сказал небрежно:

— Здорово, Людмилка! Новость знаешь?

Людочка, поправлявшая перед зеркалом сложную прическу, ответила ему с той же небрежностью:

— Нет! А ты, конечно, знаешь?

— Конечно, знаю! Я всегда все знаю, я кудесник, любимец богов! Ваш «Шельменко» в четверг в полном составе уезжает в глубинку.— На бледном лице социального героя появилась обычная для него ироническая усмешка.— Выездной спектакль! Для обслуживания сельского зрителя. С чем тебя и поздравляю, сестрица кролик!

Узнай Людочка о предстоящей поездке в другое время, эта новость не произвела бы на нее особого впечатления. Раз это театру надо — значит, надо! Но дело в том, что в пятницу приезжает капитан Сорокин, письмо от него Людочка получила утром, вот оно, здесь, в ее сумочке.

Людочка сказала дрогнувшим голосом:

— И это точно, братец кролик?

— Точно, сестрица!

Сказал и пошел наверх по лестнице, насвистывая марш тореадора. А Людочка побежала разыскивать главного режиссера Сергея Лукича. Он добрый, он пойдет навстречу!

Главрежа она настигла перед дверью в репетиционное фойе.

— Сергей Лукич, миленький, у меня к вам огромная... даже преогромная просьба.— Людочка трагически расширила простодушные карие глаза.— Я не могу ехать в четверг с «Шельменко». Никак не могу!

— Почему, Людочка? Вы нездоровы?

— У меня личные мотивы. Очень важные личные мотивы! Я бы не стала вас просить, не будь они такие... Очень важные, Сергей Лукич, миленький!

Добряк главреж отвел глаза в сторону.

— Театр не имеет права принимать во внимание личные мотивы в таких делах. У вас видная роль в спектакле — Евжени, вы ее хорошо, смешно играете...

— Меня может Катюша Кулакова заменить!

— Нет, Катюша не может вас заменить. И потом,— главреж улыбнулся и отечески погладил Людочку по плечу,— вы у нас самая красивая, самая молодая артистка в труппе. И вдруг именно вас мы не покажем в глубинке. Нам, знаете ли, пропишут недооценку интересов сельского зрителя. И будут правы!.. Извините, меня ждут артисты.

В тот же день Людочка побывала в поликлинике у знакомого пожилого врача — ларинголога Бурянцева, упорного холостяка, кокетничала с ним напропалую.

Ларинголог посмеивался, поглаживая Людочкину руку, морщил нос, томно щурился — вот-вот замурлычет, но, когда узнал, что от него требуется бюллетенчик, стал невыносимо печальным и сказал скорбно:

— Давайте посмотрим ваше горлышко. Нука, откройте, деточка, ротик пошире.

Людочка покорно открыла рот. Доктор Бурянцев заглянул в Людочкину гортань, больно прижав язык металлической ложечкой у самого его корня. Людочка пропищала свое «и-и-и»!

Ларинголог трагически развел руками.

— Ничем не могу вас порадовать, деточка. У вас связки, как канатики!

Последняя надежда как-то отвертеться от поездки в глубинку рухнула.

...В глубинное село, где должен был состояться первый спектакль «Шельменко-денщик», артисты приехали уже к вечеру, за полтора часа до начала представления.

Дорога была долгая, трудная. Все очень устали и сначала даже обрадовались, когда директор сельского Дома культуры, молодой белобровый застенчивый парень, старавшийся из-за своей застенчивости держаться с приезжими артистами поразвязней, объявил, что спектакль начнется «на часик попозже».

— А пока, товарищи творцы прекрасного,— сказал директор, широким жестом показав артистам на деревянные диваны и кресла, стоявшие в фойе зрительного зала,— «раскиньтесь на покой», как говорит Фамусов Скалозубу в бессмертной комедии Грибоедова «Горе от ума».

Он произнес свою пышную реплику и исчез — от греха подальше.

Чувствуя себя совершенно несчастной, Людочка села на стул у окна, стала безнадежно смотреть на пустынную улицу. Белые хатки с палисадниками вперемежку с новыми деревянными домами с резными верандами. На крышах многих хаток и домов торчат, вонзившись в небо, телевизионные антенны. Дородная хавронья со своим шаловливым потомством куда-то трусит мелкой рысцой, высокомерно похрюкивая. Ах, как нехорошо, как нескладно все получилось! Завтра явится капитан Сорокин в театр, а ему подадут записку от Людочки: «Я — в глубинке. Вернусь только через десять дней». А ведь он писал, что пробудет в городе всего лишь три дня.

Свинья под окном хрюкнула сердито, видимо, прикрикнула на свое слишком уж разыгравшееся розовое семейство. Людочка вздрогнула, поднялась со стула и пошла.

Село казалось вымершим. Даже высокомерная свинья куда-то запропастилась. Из соседнего с Домом культуры двора вышла на пустынную улицу бабка в белой хустке, подвязанной под подбородком, в темном, затрапезном платье, поглядела на тихое пасмурное небо, сокрушенно покачала головой.

— Почему у вас так тихо в селе, бабушка?— спросила ее Людочка.

— Уси на буряках!— сказала бабка певучим украинско-русским говорком и снова посмотрела на небо.— Три раза сегодня уже дождик срывался, наши мокрехонькими вернутся с поля.

— А когда же они вернутся?

— Кто их знает! У них на уме сейчас одно — буряк!

Бабка постояла, повздыхала и ушла.

Людочка вернулась в Дом культуры и подсела к Сергею Лукичу, героически боровшемуся с дремотой.

— Сергей Лукич, миленький,— горячим шепотом заговорила Людочка.— Ну зачем мы сюда приехали?! Кому мы здесь нужны?! У людей работы — по горло, они мокнут в поле под дождем, а мы пристаем к ним со своим «Шельменко». Получается какая-то новая попрыгунья-стрекоза и работящий муравей. Не знаю, как вам, Сергей Лукич, а мне стыдно. Честное слово, мне стыдно!..

Щеки у Людочки ярко пылали, на глазах выступили слезы. Сергей Лукич посмотрел на нее удивленно, хотел что-то сказать, но тут в фойе возник белобровый директор Дома культуры и направился прямо к главрежу.

— Придется еще с часик потерпеть, Сергей Лукич. Буряк держит!

— А может быть, отменим, уважаемый товарищ директор?— дипломатически прищурившись, сказал Сергей Лукич.— Автобус наш на ходу, мы уедем безо всяких обид. У нас завтра в другом селе спектакль, поедем прямо туда — ночевать.

Директора Дома культуры даже шатнуло.

— Да вы что?! Меня же наши убьют, когда узнают, что я вас отпустил! Засунут в мешок из-под буряка, привяжут каменюку на шею и утопят в пруду. Вы пока отдыхайте, а я налажу своего братишку на мотоцикле в поле, чтобы поторопить нашего зрителя.

Глубинные зрители вернулись в село с поля в половине десятого вечера. Да еще им нужно было заскочить домой — умыться, переодеться в сухое и чистое. Все принарядились, кто как мог. Спектакль начался в четверть одиннадцатого.

Много раз играла Людочка Парусова в «Шельменко», и всегда спектакль проходил с успехом. Но здесь был не просто успех, а нечто другое — высшее. Горячие, добрые токи текли на сцену из зрительного зала, артисты это почувствовали и стали играть старую бесхитростную комедию по-новому, легко, свободно, вдохновенно, с каким-то внутренним изяществом. Людочка порхала по сцене, нарядная, легкая, почти невесомая и, когда произносила — всякий раз по-разному — свою коронную реплику: «Ах, почему в нашем городе не стоят военные!»,— в зрительном зале раздавался хохот и дружные аплодисменты.

После спектакля, окончившегося глубокой ночью, Людочка разгримировалась, переоделась и тихо, никому ничего не сказав, пошла побродить по селу. Ей хотелось побыть наедине со своей взбудораженной успехом душой.

Ночная мгла быстро редела. Контуры деревьев и домов стали графически четкими.

В окнах горел свет, раздавались возбужденные голоса, смех — село не спало. Где-то совсем близко, на боковой улице, вдруг требовательно и зычно заквакал автомобильный сигнал, и чей-то хриплый бас весело выкрикнул:

— Оксана, Лиза, Катерина, бисовы девки, долго еще вы будете копаться?!

Людочка вернулась в Дом культуры. На его крыльце стоял главреж.

— Сергей Лукич, вы только посмотрите, что наделал наш «Шельменко». Они до сих пор спать не ложатся!— сказала ему Людочка.

Главреж усмехнулся:

— Не надо преувеличивать, Людочка. Конечно, мы дали им хорошую зарядку, но спать они не ложатся по другой причине. Дело в том, что они сейчас снова едут в поле — копать буряки. Мы были для них антрактом. Понимаете?.. Имейте в виду, завтра уезжаем очень рано. Спокойной ночи!..

Сергей Лукич ушел. Людочка осталась одна. Она долго стояла на крыльце, слушала, как постепенно стихают в селе голоса и сигналы машин, увозивших людей на работу, смотрела на быстро светлевшее небо и думала о разном. Пожалуй, самой главной и самой важной была мысль о том, что здесь, в этом селе, о существовании которого на белом свете вчера еще она не имела никакого представления, она пережила в общем-то редкие минуты полного творческого счастья, когда артист и зритель сливаются в одно целое. Повторятся ли еще такие счастливые минуты в ее актерской жизни? Кто знает!

Ричард ДЖЕССЕП

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ТЕМНОЕ ДЕЛО В ГЭЙТВЕЕ

Фэйн, опытный полицейский и не менее искушенный интриган, не мог не обратить внимания на три обстоятельства, связанные с нежеланием Уэстина признаться в преступлении на Бэккер-авеню: во-первых, поведение Вирлока, его чересчур громкие декларации о том, что «умывает руки»; во-вторых, тот факт, что Эллендер лично ведет следствие и лично допрашивает Уэстина, причем делает это с таким рвением, какого Фэйн никогда раньше за ним не замечал; в-третьих, встреча Эллендера, судьи Сэма, Энстроу и Кэйджена в ресторане «Вид на море»... Ход событий все чаще наталкивал Фэйна на неутешительный вывод: новым начальником управления внутренних дел будет не он, Фэйн, а Эллендер.

Что же следовало предпринять? Фэйн размышлял над этим со среды до четверга, когда Питер Энстроу потребовал от Большого жюри присяжных утвердить обвинительное заключение по делу Уэстина, несмотря на его отказ подписать признание.

Фэйн пытался понять, почему Эллендеру не удается сломить сопротивление Уэстина,— случай крайне редкий в практике этого мастера допросов. Уэстин либо тупоголовый болван, либо отпетый бандит, либо (к этой мысли все больше склонялся Фэйн) перепуганный, но ни в чем не повинный юнец, слепо уверовавший в глупую болтовню нянечек из детского сада, что справедливость-де в конце концов всегда восторжествует.

Были и другие факты, которые не мог не учитывать Фэйн, анализируя создавшуюся обстановку и разрабатывая план действий. Почему, например, судья Сэм назначил защитником Уэстина Кэйджена, а не Вульфа? Отчего такой интерес к делу проявляет Энстроу? Что побудило Эллендера запретить некоторые мероприятия, обычные при расследовании таких дел?.. Все это, вместе взятое, помогло Фэйну ответить на вопрос, что он м о ж е т сделать.

В свое время Фэйн получил теперешнюю должность в виде вознаграждения за определенные услуги, оказанные кое-кому в разгар межпартийной борьбы. Ныне он состоял в партийной организации штата, причисляя себя к группировке Макдаффа, исправно платил членские взносы, участвовал в обедах, на которых собирали «пожертвования» в партийную кассу, ловко сводил на нет все попытки возбудить дело против какого-нибудь деятеля своей партии, но и только; Фэйн не считал, что он слишком уж многим обязан Макдаффу, а тем более партийной организации, и без колебаний отказался бы от всякой партийной принадлежности, если бы возникла необходимость выбирать между ней и, скажем, повышением по службе.

Политическую машину штата представляли в основном три группировки. Одну возглавлял Макдафф, вторую сенатор Слипер и третью отъявленный демагог по фамилии Смэггенс. Уже несколько лет подряд Смэггенс контролировал столицу штата, в то время как Слипер и Макдафф хозяйничали в избирательных округах, посылавших в сенат США двух сенаторов. Некоторое время назад группировки поменялись ролями. Объединив свои силы, Макдафф и Слипер посадили в кресло губернатора некоего Перси Лайтуэлла, а Смэггенс сделал сенатором угодного ему человека. И вот недавно Лайтуэлл заключил с подставными лицами из банды Смэггенса закулисную сделку на продажу леса. Макдафф и Слипер расценивали поведение Лайтуэлла как предательство их интересов и пригрозили вышвырнуть его из губернаторской резиденции. Вот тут-то, по мнению Фэйна, Макдафф и Слипер допустили промах, не воспользоваться которым было бы просто грешно. Фэйн знал, что Лайтуэлл, этот краснобай, беспринципный политический ловчила, умеет завоевывать расположение избирателей. При поддержке Смэггенса он сможет добиться своего переизбрания на очередной четырехлетний срок, хотя ему придется туго, если группировка Макдаффа — Слипера выдвинет против него кандидатуру судьи Сэма.

Обдумав все это, Фэйн решил, что самое разумное в такой обстановке — предложить Лайтуэллу свою помощь. Обеспечив его переизбрание, он обеспечит себе нечто большее, чем место начальника управления внутренних дел. Как и Эллендер, Фэйн надеялся со временем стать членом верховного суда штата и на том закончить свой служебный путь, предварительно набив карманы за счет взяток с игорных домов и нелегального тотализатора.

Фэйн не исключал, что Элен Макдафф убил сам К. Т. Если бы ему удалось доказать это и передать соответствующие материалы Перси Лайтуэллу, он мог бы считать свою дальнейшую карьеру обеспеченной. Надо действовать немедленно и для начала прощупать самого Кайля Теодора Макдаффа.

В четверг вечером, переодевшись в штатское, Фэйн отправился в гостиницу «Крофт», через боковой вход поднялся на восьмой этаж и негромко постучал в номер Макдаффа. Не получив ответа, он толкнул дверь, оказавшуюся незапертой, и вошел в неосвещенный номер. На него пахнуло запахом виски и застоявшегося табачного дыма.

— Кто там? Какого черта!— послышался из темноты голос Макдаффа.

— Мистер Макдафф?— осведомился Фэйн.

— Ну и что? Я ничего не заказывал, убирайтесь к дьяволу!

Фэйн осторожно прикрыл дверь и повернул ключ.

— Я Фэйн, мистер Макдафф. Хочу переговорить с вами.

— Нам не о чем разговаривать. Зажгите свет.

Фэйн ощупью побродил по номеру, споткнулся о стул, но все же нашел выключатель. Раздетый, обросший седой щетиной Макдафф лежал на софе, прикрывая глаза от света рукой. Рядом на столике стояло несколько бутылок вина, миска с полурастаявшим льдом и поднос с нетронутой едой.

— Какой еще разговор может быть у вас со мной?— раздраженно спросил он.

На лбу Фэйна выступил пот.

— О вашей жене, Мак,— выдавил он.

— Как, как? Как вы меня назвали?— изумился Макдафф.— Это еще что за новость?— Он встал с софы и с недоумением всмотрелся в Фэйна. Не спуская с него глаз, он плеснул в стакан виски, добавил воды со льдом и, отпив половину, закурил.— Вы явно задумали какой-то трюк, иначе никогда бы не рискнули врываться ко мне да еще и чуть не похлопывать меня по плечу. Ну, так что там варится в вашей дурацкой башке?

Грубый презрительный тон Макдаффа нагнал на Фэйна еще больший страх, но отступать было поздно.

— Я полицейский офицер,— заговорил он,— и пришел допросить вас по делу об убийстве вашей жены... Вы оказались первым на месте происшествия, однако никто не осмелился спросить у вас, откуда вы появились, что делали до этого, почему бродили в темноте около дома... Может, это ваши шаги слышал Уэстин? В общем, вопросов возникает целая куча.

Макдафф тем временем поднялся с кушетки и не спеша оделся.

— Вы что, действительно хотите впутать меня в это дело?— мрачно поинтересовался он.

— Мне не надо вас впутывать — вы сами впутались по самые уши. Сейчас вопрос вот в чем: буду я расследовать вашу роль в этом происшествии или не буду.

Макдафф помолчал.

— Что вам нужно?— после паузы спросил он.

Фэйн перевел дыхание и торопливо заговорил:

— Лейси Эллендер, Питер Энстроу и судья Сэм из кожи вон лезут, стараясь пришить Уильяму Уэстину убийство вашей жены. Возможно, ради того, чтобы газеты не растрезвонили, с каким рвением миссис Макдафф наставляла вам рога,— это сделало бы вас посмешищем в глазах всего штата. Ясное дело, Эллендер, Энстроу и Сэм даром и пальцем не шевельнут, не такие они люди, каждый из них рассчитывает урвать свой кусок пирога. Эллендер жаждет стать начальником управления внутренних дел, Энстроу — судьей, а судья Сэм — при вашей и Слипера поддержке — губернатором вместо Лайтуэлла, ставленника Смэггенса. Надо полагать, они добьются своего, если им удастся замять скандал с амурными делами вашей супруги и добиться осуждения Уэстина.

— Вы, конечно, тоже хотите получить свою часть пирога?

— А как же!— охотно согласился Фэйн.— Чем я хуже других?

— Но чего именно вы хотите? Стать губернатором? А может, вы хотите заседать в сенате вместо Слипера? Должен вам сказать, вы поступили очень и очень неосторожно, явившись ко мне с таким предложением. Что мешает мне после вашего ухода позвонить начальнику управления внутренних дел Гомереху и потребовать вашего увольнения за попытку шантажа?

— Ничто не мешает, только... только если меня уволят, я волей-неволей должен буду публично объяснить, чем вызвано увольнение. Мне придется сказать, что меня уволили за отказ сфабриковать дело по обвинению Уильяма Уэстина в убийстве вашей жены и за настойчивые требования расследовать некоторые факты.

— Это какие же?— хмуро осведомился Макдафф.

— Ну, например, все, что касается вашей роли в этих комбинациях вокруг дела Уэстина...— В голосе Фэйна вдруг зазвучали просительные нотки.— Вы только подумайте, что получается... После того как осудят Уэстина, через несколько месяцев Гомерех уйдет в отставку или станет членом верховного суда штата, Эллендер займет его место. Ну, а я? А я останусь ни с чем! Как видите, Мак, мне терять нечего.

— Перестаньте называть меня Маком! И дайте мне подумать над вашим... ультиматумом.— Макдафф снова налил себе вина.— Я вижу, вы все продумали...

— Продумать-то продумал, но получилось, кажется, несколько грубовато,— извиняющимся тоном ответил Фэйн и тут же с прежней развязностью добавил:— Грубовато, зато в самую точку!

— Но я пока ничего не обещал вам, ничтожество вы этакое!— снова вскипел Макдафф.— Я еще раз спрашиваю: что вам нужно?

— Побыть хотя бы год начальником управления внутренних дел, а потом стать членом верховного суда штата.

— Но у вас же нет юридического образования!.. Впрочем, я подумаю, Фэйн.

Макдафф встал, давая понять, что беседа окончена. Фэйн продолжал сидеть.

— Мистер Мак, в прошлом мы мало встречались, но это не значит, что я не могу вам пригодиться. Я не хочу остаться на бобах. Я хочу, чтобы вы остановили свой выбор не на Эллендере, а на мне.

— Видите ли, Фэйн, я много выпил сегодня и сейчас не в состоянии принять какое-нибудь определенное решение.

— Я готов подождать до завтра. Надеюсь, мистер Мак, вам не придет в голову обмануть меня? Вы ничего не выгадаете, но много потеряете. Я могу причинить вам массу неприятностей, если предложу свои услуги группе Лайтуэлла — Смэггенса.

— Из тех же корыстных побуждений?

— Мои корыстные побуждения — сущий пустяк по сравнению с тем, что вы обрекаете на смерть мальчишку, обвинив его в убийстве вашей жены, хотя... хотя, возможно, вы сами отправили ее на тот свет.

— Что?! Так, по-вашему, это я убил Элен?

— Не знаю, мистер Мак, но уверен, что кто-то один из вас: либо вы, либо тот парень.

— Ну что ж... О моем решении вы узнаете в пятницу.

Макдафф повернулся и скрылся за дверью ванной комнаты. Фэйн остался один, усиленно размышляя, уходить ему или нет. Услыхав звуки наполнявшей ванну воды, он вскочил и, взбешенный, выбежал из номера.

Доктор Оттер понял, что с Джейн Морган вот-вот начнется истерика, и поспешил отправить ее домой. Она ушла, так и не сказав ему ничего. Слова Этты Саймонсон («...бедный юноша виновен в убийстве не больше, чем мы с вами...») окончательно укрепили Джейн в мысли, что в тот вечер в доме Макдаффов она видела совсем другого человека. Вторник и среду она опять провела дома, все так же мучаясь и переживая. Лишь в четверг Джейн выбралась в бакалейный магазин и снова торопливо вернулась домой.

События на Бэккер-авеню, разыгравшаяся там драма потрясли ее безмятежный, обособленный мирок, заставили усомниться в правильности того образа жизни, какую она вела после смерти мужа. Обладая практическим складом ума, Джейн пришла к выводу, что, обрекая себя на одиночество, она совершила серьезную ошибку. Вот наступил трудный день, а рядом никого нет и не с кем посоветоваться, облегчить душу...

Лишь в четверг к вечеру Джейн приняла решение. Она позвонила на службу «тому самому» тихому и скромному ирландцу Томасу Кел-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44.

ли, который пять лет назад трижды делал ей предложение, и назначила встречу у себя на квартире в семь часов вечера. Потом она позвонила в полицию и попросила к телефону кого-нибудь из ответственных лиц, связанных с расследованием убийства Элен Макдафф.

Было уже половина шестого, и Честер Вирлок собирался уходить, когда раздался этот звонок, и он поднял трубку.

— Не спрашивайте моего имени,— быстро сказала Джейн Морган,— и слушайте внимательно, повторять я не стану...

— Но вы не бойтесь, назовите себя...— начал было Вирлок.

— Юноша, которого вы держите в тюрьме по обвинению в убийстве Элен Макдафф,— не слушая его, продолжала Джейн Морган,— вовсе не тот, кто застрелил ее. Вот все, что я хотела сказать.

Послышались короткие гудки отбоя.

Вирлок задумчиво положил трубку. Он знал, что при расследовании почти каждого такого дела многие звонили в полицию и сообщали «абсолютно достоверные», а на поверку абсолютно противоречивые сведения о личности преступника. Но по делу Уэстина такое заявление поступало впервые. Уверенность и решительность, с какими говорила женщина, взволновали Вирлока, однако, вспомнив, что он отстранен от расследования, инспектор лишь покачал головой и вполголоса ругнулся.

Томас Келли явился к Джейн Морган точно в назначенное время и вскоре уже сидел за столом перед чашкой чая и внимательно слушал Джейн.

— Я несколько раньше ушла из церкви, у меня разболелась голова,— рассказывала она,— и медленно проходила мимо дома Макдаффов. Я знала, что особняк принадлежит им, но никогда не встречала ни самого Макдаффа, ни его жену. Ну вот... Поравнявшись с огромным окном, я увидела очень красивую женщину и мужчину с пистолетом в руке — он был в длинном пиджаке и не то туристской, не то охотничьей кепке. Женщина (Элен Макдафф, как выяснилось потом) о чем-то умоляла мужчину, а тот все угрожал ей пистолетом... Я хорошо видела этого человека в профиль и ни капли не сомневаюсь, что это был не Уильям Уэстин. Вот все, что я знаю.

Том Келли долго молчал. Молчала и миссис Морган, нервно комкая носовой платок. Наконец она не выдержала и заговорила снова:

— Я прошу вас посоветовать, что мне делать, как поступать дальше. Я много думала, но так ничего и не решила.

Том Келли не торопясь поставил чашку на стол и взглянул на Джейн.

— На вашем месте я бы постарался как можно скорее забыть все это. Зачем впутываться? Зачем наживать себе неприятности?

Джейн вспомнила о своем телефонном звонке в полицию. «В самом деле,— подумала она,— зачем еще и самой идти туда, давать показания, нервничать?»

— Хорошо,— кивнула она.— Я, пожалуй, так и сделаю.

В пятницу утром Гарольд Кэйджен приехал в свою контору пораньше, намереваясь закончить работу к полудню, а потом отправиться на рыбалку. Он пододвинул к себе очередное дело о наследстве и начал делать заметки, но уже через несколько минут решил, что хочет выпить чашку кофе. Однако и после этого ему не работалось, и в конце концов он сообразил, что из головы у него не выходит Уильям Уэстин.

Нехотя Кэйджен достал папку с подборкой материалов о происшествии на Бэнкер-авеню и начал перелистывать их. Его кабинет находился на шестнадцатом этаже, но и сюда доносился разноголосый шум только что проснувшегося города. Кэйджен механически перебрасывал страницу за страницей, почти не читая и не вдумываясь в текст. Его мысли были целиком заняты теми, в чьих руках находилась судьба его подзащитного,— лишенным всякой жалости Эллендером, спесивым Питером Энстроу, умным и циничным судьей Сэмом и тем, кто держал в своих руках и командовал этой троицей,— всевластным и беспринципным Кайлем Теодором Макдаффом. Только ради личных выгод они замыслили убийство, придав ему видимость законности. О себе Кэйджен пытался не думать, он понимал, что ему отводится роль пешки, введенной в игру для прикрытия главных фигур.

«Да, но почему я не могу проявить твердость?— возмущался он собой.— Почему не могу послать их ко всем чертям, привлечь к участию в защите Вульфа и дать им бой?..»

Однако мужество не принадлежало к числу достоинств Гарольда Кэйджена. Эгоист до мозга костей, он заботился прежде всего о своем благополучии и хотел только одного: комфортабельно жить, получать большие гонорары, вести светскую жизнь. «Проявить твердость» — значило бы отказаться от привычного и столь милого его сердцу образа жизни. Это соображение и приковывало его к колеснице Макдаффа, Эллендера, Энстроу и судьи Сэма.

Временами Кэйджен принимался проклинать себя за то, что позволяет делу Уэстина нарушать его безоблачное существование. В конце концов что ему, Гарольду Кэйджену, до того, что Уэстина приговорят к пожизненному заключению? Что ему до того, что Эллендер и остальные погреют на этом руки?..

«Мистер Кэйджен,— твердил он себе,— сколько раз, не моргнув глазом, вы проходили мимо вопиющей несправедливости? Почему же, черт возьми, вы ерепенитесь на сей раз? Каждый будет вправе назвать вас болваном, если вы позволите, чтобы эта нелепая история лишила вас хотя бы часа отдыха на море. Спокойная жизнь, рыбалка, отличное вино, вкусная еда — вот что вас интересует и всегда интересовало...

Но позвольте!— тут же возражал он себе.— Что плохого, если вы еще раз побеседуете с Уэстином? Может, вы сумеете уговорить его признать себя виновным в непредумышленном убийстве, и тогда он получит не пожизненное заключение, а двадцать лет тюрьмы и возможность выйти на поруки через одиннадцать лет и восемь месяцев? Плохо от этого не будет никому... за исключением самого Уэстина».

Когда Кэйджен приехал в тюрьму, Уэстин в одежде арестанта с огромными буквами «А» на куртке и на штанинах брюк мыл в корпусе пол. Кэйджену пришлось ждать больше получаса. По дороге в тюрьму он купил несколько блоков сигарет, различные журналы, зубную щетку и кое-какие принадлежности для бритья. Наконец Уэстина привели в камеру, и Кэйджен немедленно вошел к нему.

— Ну, как вы себя чувствуете?— осведомился он, передавая Уэстину покупки.— Возьмите, это вам.

— Спасибо.— Уэстин открыл пачку сигарет и закурил.— А у вас что нового?— поинтересовался он, стараясь — правда, без особого успеха — не выдать голосом свое нетерпение.

— Ничего. Совершенно ничего. Я уезжаю на уикэнд и по дороге решил навестить вас.

— Да? Благодарю.— Уэстин встал с койки, подошел к двери камеры и выглянул в коридор.— Нас тут семнадцать гавриков,— сообщил он.— Двое «убийц» вроде меня, человек двенадцать контрабандистов, несколько поножовщиков и жуликов. Одним словом, компания хоть куда.

— Ну что ж,— откашлялся Кэйджен.— Я рад, что вы понемногу привыкаете к новой обстановке.

— В таком случае и я рад за вас — по крайней мере вы спокойно проведете свой отдых. А я буду продолжать тут свое «образование». Некоторые из заключенных уже побывали в этой тюрьме раньше и порассказали мне коечто.

— А именно?

Уэстин улыбнулся.

— Ну, например, что мне совершенно не на что надеяться.

Кэйджен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Есть тут люди опытные,— продолжал Уэстин,— понимающие. Полицейские, суды, тюрьмы научили их разбираться, кто есть кто и что хорошо, а что плохо.

— Как вас понимать?

— А вот как. Если бы судья относился ко мне беспристрастно и хотел бы так же беспристрастно рассмотреть мое дело, он бы назначил моим защитником не вас, а некоего Вульфа. Вы-то не очень успешно ведете уголовные дела.

— Эй, Уэст!— послышался голос из коридора.— Твой трепач-защитник принес тебе табачку?

Уэстин взял блок сигарет и через решетку передал в соседнюю камеру.

— Раздай ребятам,— попросил он.

— Спасибо, друг. Поблагодари от нашего имени господина адвоката.

— Разумеется, Биль,— заметил Кэйджен, внимательно рассматривая сигару,— вы в любое время можете потребовать другого защитника, но сомневаюсь, что у него получится лучше, чем у меня. Теперь вы уже знаете свои права — полагаю, Эллендер позаботился об этом, да и другие заключенные, наверное, постарались просветить вас.

— Ну и что?

— Вы можете пригласить и Вульфа, но бесплатно он и пальцем не шевельнет.

— Это мне известно.

— К тому же он связан с местной партийной машиной и вряд ли захочет вам помочь.

— Значит, вы утверждаете, что моя песенка спета?

— Видите ли, Биль,— ответил Кэйджен, чувствуя, что не в состоянии взглянуть Уэстину в глаза,— я бы мог, пожалуй, немножко помочь вам, если бы вы согласились признать себя виновным в непредумышленном убийстве. Всего двадцать лет тюрьмы и, возможно, освобождение на поруки в будущем.

— Чем же вы могли бы мне помочь?

— Скопить немного денег к тому времени, когда вас выпустят из заключения... Поймите меня, я лишь размышляю вслух... Вы получили бы, скажем, тысячи две-три. За одиннадцать лет сумма почти удвоится за счет процентов.

— То есть сотни три-четыре в год, а если деньги удачно поместить, то и все пять... Почти сорок монет в месяц плюс бесплатное питание и одежда за государственный счет, а?— Уэстин снова присел на койку.— Не на всякой работе получишь такое жалованье. Я вот мальчишкой, когда начал самостоятельно зарабатывать на хлеб, получал куда меньше. Только я ведь уже не мальчишка.

— Но, Биль, я же не могу гарантировать, что вы и это получите, я же только размышляю вслух. Хочу снова напомнить, что на основании имеющихся в полиции материалов вы при любом защитнике получите самое меньшее пожизненное заключение без всяких перспектив на досрочное освобождение.

Уэстин засмеялся.

— Ну, а если я признаю себя виновным и меня осудят — кто будет платить какие-то деньги осужденному? Все обещания сейчас же забудутся. Здесь в тюрьме сидит заключенный по прозвищу Спанки. Он рассказывал о вас и кое-что о ваших отношениях с судьей по фамилии Дэйл... Спасибо за сигареты и за все остальное, но я все же рискну.

— Бесполезно,— с озлоблением бросил Кэйджен.

— Именно в этом все пытаются меня убедить. Вот и вы тоже торгуетесь.

Кэйджен даже подскочил.

— Вы неправы, Биль, абсолютно неправы! Ваша судьба уже решена — при чем же тут торговля? Конечно, Эллендеру и Энстроу хочется, чтобы вы признали себя виновным, это ускорило бы дело. Однако признаетесь вы или не признаетесь — шансов на спасение у вас не больше, чем у снежка, положенного на раскаленную сковороду.

— Это все, что вы можете мне сказать, мистер Кэйджен?

— Сейчас остается только оформить приговор, и я убежден, что меньше чем пожизненной каторгой вы не отделаетесь.

Уэстин подошел к окну и долго смотрел на безоблачное голубое небо. Где-то в тюрьме послышалось громыхание тележки — это развозили обед для арестантов.

— Одиннадцать лет и восемь месяцев... Мне будет тридцать два... Я подумаю, мистер Кэйджен, я подумаю...

Кэйджен ненавидел самого себя. На пути из тюрьмы он завернул в ресторан, долго сидел за едой, но, так и не дотронувшись ни до чего, оттолкнул тарелки и велел принести крепкого вина.

Жуя потухшую сигару, он вышел на улицу под ослепительные лучи полуденного солнца. От четырех бокалов джина голова у него трещала, во рту пересохло, однако он твердо помнил, что нужно сделать.

Миновав несколько кварталов и Уэлмен-парк, Кэйджен подошел к новому зданию почтамта; здесь, на третьем этаже, находился кабинет судьи Сэма.

Судья еще не вернулся после ленча, но Кэйджен сказал, что подождет. Он прошел в кабинет, закурил и уселся в одно из обитых красной кожей кресел, под полками с юридическими справочниками и книгами. Больше всего Кэйджен хотел бы сейчас принять аспирин или оказаться в море на яхте вместе с детьми и женой, вместо того чтобы торчать полупьяным в этой душной комнате. Ему вообще бы не следовало приходить сюда... Сейчас он сделает нечто такое, о чем позже будет горько сожалеть... И все же он просидел до тех пор, пока не вернулся судья Сэм, оживленный и довольный после вкусной еды и интересной беседы. Увидев Кэйджена в своем кабинете, он остановился как вкопанный. Его хорошее настроение мигом улетучилось, он сухо поздоровался и недовольно спросил:

— Удобно ли вам появляться у меня перед самым процессом?

— Неудобно,— продолжая сидеть, согласился адвокат.

— Тогда советую немедленно уйти,— заявил судья, усаживаясь за письменный стол и раскрывая папку с бумагами.

Кэйджен даже не пошевелился. Так прошло несколько минут. Наконец судья оторвался от бумаг и уставился на адвоката.

— Вы слышали, Кэйджен?— резко сказал он.— Я же посоветовал вам убираться! Не заставляйте меня прибегать к более сильным выражениям. Каким бы сомнительным ни находила ваша совесть дело Уэстина, настоятельно рекомендую держать себя в руках.

— Ага! Значит, вы понимаете, почему я пришел к вам?

— Нетрудно догадаться, если вспомнить, как вы вели себя вчера на заседании Большого жюри, как относитесь к этому делу вообще и как держитесь сейчас, рискнув явиться ко мне.

— Понимаю, понимаю! Наш спесивый Пит уже успел забежать к вам и рассказать, как я пытался одернуть его вчера на заседании Большого жюри... К сожалению, мне ничего не удалось сделать, он добился своего, хотя и крутился, как угорь.

— Уходите же, Кэйджен!— крикнул судья.— Уходите, пока не сказали что-нибудь такое, о чем потом будете жалеть.

Кэйджен продолжал сидеть, и, выждав минуту, судья сказал:

— Знаете, Кэйджен, ваша успешная карьера в Гэйтвее для многих явилась неожиданностью. Вас считали шалопаем, прожигателем жизни, и только. Но я сразу раскусил, что вы за птица. Вы такой же ловкач и наглец, как и остальные ваши собратья по профессии, все те, кто ежедневно появляется передо мной в суде, хнычут, лебезят, унижаются, чтобы выторговать нужное решение, а потом побольше сорвать со своих клиентов. И вы и ваши коллеги вызываете у меня отвращение.

— Но и вы, судья, ничем не лучше нас.

— Если вы пришли ко мне в надежде, что подобные выпады облегчат вашу совесть, могу сказать одно: я не намерен служить для вас козлом отпущения. Отправляйтесь-ка кудanибудь еще изливать свою паршивую душонку!

Кэйджен медленно встал, подошел, волоча ноги, к судье и оперся о стол обеими руками.

— Судья, вы и правы и вместе с тем не правы. Я не хуже и не лучше вас, я тоже, как и вы, забочусь только о себе, о собственном благополучии. Но я не ловкач и не наглец, я просто очень слабохарактерный человек, судья, и только поэтому позволил себе принять участие в этой грязной комбинации.

Судья промолчал, и Кэйджен продолжал:

— Я настолько слабохарактерный человек, судья, что прошу вас — нет, нет, умоляю!— освободить меня от ведения защиты Уэстина. Позвольте мне отказаться, пусть назначат другого защитника.

— Ни в коем случае!

— Но вы должны заменить меня, судья. Я не гожусь для этого дела. Я слаб. Я не могу

согласиться с тем, что вы делаете с этим парнем...

— Кэйджен, думайте, что вы говорите!

— Я думаю, думаю, думаю... Я прошу освободить меня от защиты Уэстина не столько ради него, сколько ради меня самого.

— Вы мне противны, Кэйджен! — брезгливо поморщился судья.— Вы слишком пьяны.

— Ну и что? Я выпил для храбрости, иначе не смог бы разговаривать с вами. Одним словом, судья, у меня не хватает силы воли участвовать в убийстве этого парня.

Кэйджен повернулся и побрел к двери.

К. Т. Макдафф сдержал слово и в пятницу приехал к Фэйну. Беседа состоялась за ленчем — Фэйн распорядился подать его в кабинет.

Тщательно выбритый и тщательно одетый, с розоватым от хорошего массажа лицом, Макдафф уже не напоминал того полупьяного типа, с которым Фэйн беседовал в гостинице «Крофт». Не спуская глаз с Фэйна, с аппетитом расправлявшегося с едой, Макдафф с места в карьер заявил, что у него есть кое-какой план, но он не намерен излагать его, пока не получит ответа на некоторые вопросы.

— Должен признать, Фэйн, что ваши требования вполне обоснованны. Однако мне предстоит решить, кто из вас — вы или эта троица, Эллендер, Энстроу и судья Сэм,— может оказаться более опасным для меня в будущем... Энстроу и судья Сэм отказываются поменять Эллендера на вас — оба они, мягко выражаясь, не питают к вам симпатии. Вы неглупый человек, Фэйн, и не начали бы со мной подобную игру, если бы не имели каких-то оснований надеяться, что она закончится в вашу пользу. Откровенность за откровенность, Фэйн: что это за основания? Вы знаете мое положение. Я должен выбрать то, что выгоднее для меня. Я знаю, что могут сделать Эллендер и остальные, но я должен знать и ваши козыри, знать до того, как приму то или иное решение.

Фэйн перестал жевать.

— Ничего я вам пока не скажу, Мак,— ответил он.— Вам придется решать, не заглядывая в мои карты.

— Вслепую? Не пойдет! А насчет ваших угроз... Угрозы достигают цели только в приключенческих фильмах да в детективных романах... При такой игре вы можете только проиграть.

— Все равно, Мак, я ничего не скажу. Ищите выход сами.

Макдафф встал.

— Я человек дела, Фэйн, а вы идиот, если надеетесь застращать меня. Не думаю, что вам удастся договориться и с Лайтуэллом.

Он направился к двери.

— Одну минуту, Мак! — воскликнул Фэйн.— Возможно, вы правы. Я вот сейчас подумал: как в самом деле человек может бояться того, чего он не знает? Хорошо, я скажу, что произойдет, если вы отклоните мое требование. И, кстати, плевать мне, нравлюсь я или нет Энстроу и Сэму. Это не помешает мне добиться своего. У Эллендера работает детектив, некто Честер Вирлок — вы, вероятно, никогда и не слышали о нем. Он человек порядочный и потому наотрез отказался участвовать в деле Уэстина. Вирлок опытный следователь, хватка у него бульдожья. Он возмущен тем, как велось расследование, считает, что парня обрекают на смерть, даже не пытаясь разобраться в фактах, и намерен во что бы то ни стало найти подлинного убийцу. И вот что я имею в виду. Я поеду к губернатору и расскажу ему все. Лайтуэлл, конечно, сообразит, какой скандал вызовет эта история накануне выборов, если ее как следует подать. Он направит меня к прокурору штата, а тот назначит Вирлока специальным следователем прокуратуры и поручит разобраться в допущенных при расследовании ошибках. Кем бы вы ни были, но уж тут-то вам не удастся спрятаться в кусты.

Макдафф иронически улыбнулся.

— Неплохо задумано, Фэйн, неплохо... Я слышал о Вирлоке. Возможно, он действительно честный и порядочный человек. Но вот о вас, Фэйн, этого никак не скажешь. Вы продажная шкура.

— Осторожнее в выражениях, Мак! Мне не нравится ваш тон.

— Да? — Теперь, когда Макдафф узнал все, что хотел, его поведение резко изменилось.— Слушай дальше, ничтожество. В тюрьме сидит заключенный по прозвищу Спанки. Ты когда-нибудь слышал о нем?

Фэйн растерянно заморгал.

— Спанки...

— Да, да, Спанки, контрабандист. Он согласен под присягой показать, что в течение девяти лет регулярно давал тебе крупные взятки за то, что ты не препятствовал ему доставлять в Гэйтвей огромные партии контрабандного вина. Он уже освобожден, я позаботился об этом на тот случай, если тебе вдруг придет в голову тихонько устранить его. Я знаю, где он скрывается, и воспользуюсь его услугами, как только ты попытаешься раскрыть рот. Вот так-то, Фэйн! Ты явно недооценил меня и явно переоценил свои силы. Я давно знал, какие делишки ты обделываешь со Спанки.

— Ты... Сукин ты сын! — с побелевшим от ярости лицом пробормотал Фэйн.

— Мне только остается, Фэйн, если потребуется, съездить в Илтонвиль, зайти в местный банк — там у меня свои люди — и спросить, есть ли у тебя лицевой счет и на какую сумму. Потом, Фэйн, тебе придется объяснить, от кого и за что ты получил столько денег. После всего этого Лайтуэлл не подпустит тебя к себе и на пушечный выстрел, а прокурор штата если и вмешается, как ты говорил, то лишь затем, чтобы препроводить тебя в тюрьму. Просто, не правда ли?

Макдафф направился к двери, но на пороге остановился.

— Сейчас сюда придет Эллендер и скажет, что тебе нужно делать дальше.

Макдафф вышел в коридор и чуть не столкнулся у дверей с каким-то молодым человеком. Это был Хиллори Смит. Он извинился и быстро прошел мимо.

«Илтонвиль, Илтонвиль...— подумал Смит.— Но у меня тоже есть там друзья. Я могу съездить к ним и узнать, сколько же денег на лицевом счету Фэйна...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В довершение ко всем неприятностям в четверг вечером у Вирлока произошла размолвка с женой (она жаловалась на нехватку денег), они дулись друг на друга и не разговаривали. Закончив работу по дому, Юнис большую часть времени проводила в спальне за чтением или шитьем. Весь день в пятницу Вирлок провел на службе, а в субботу решил привести в порядок гараж. Ему хотелось чем-нибудь заняться, лишь бы не думать о телефонном разговоре с неизвестной женщиной. Мысль о ней не покидала Вирлока, хотя он пытался внушить себе, что «его дело сторона», незачем ему так близко к сердцу принимать все, что связано с Уэстином. И все-таки его не покидало ощущение, что за этим телефонным звонком кроется что-то исключительно важное.

Всю вторую половину субботы Вирлок наводил чистоту и порядок в своем маленьком дворике, подрезал живую изгородь, подмел и убрал мусор. Он как раз вытаскивал из гаража и сортировал накопившийся там хлам, когда к дому подъехал Хиллори Смит.

— Смит?! Каким ветром? И где вы, кстати, носились вчера, когда я разбирал бумаги и нуждался в вашей помощи? — ворчливо осведомился Вирлок.

— Прошу прощения, мистер Вирлок, но мне пришлось побывать в отделении банка в Илтонвиле.

— В банке в Илтонвиле?! Вы что, храните там свои деньги? — Инспектор с изумлением уставился на своего помощника.

— Что вы, сэр! У меня нет денег в банке, но зато у одного нашего общего знакомого лежит на счету тридцать восемь тысяч долларов, а два года назад лежало пятьдесят девять тысяч. Вы же знаете, как раз в то время город был наводнен контрабандными винами, а мы, как ни старались, не смогли арестовать контрабандистов.

— Что вы имеете в виду?

— Не «что», а «кого», мистер Вирлок. Я говорю о Фэйне. Счет в банке в Илтонвиле принадлежит ему.

— Ну, и дальше?

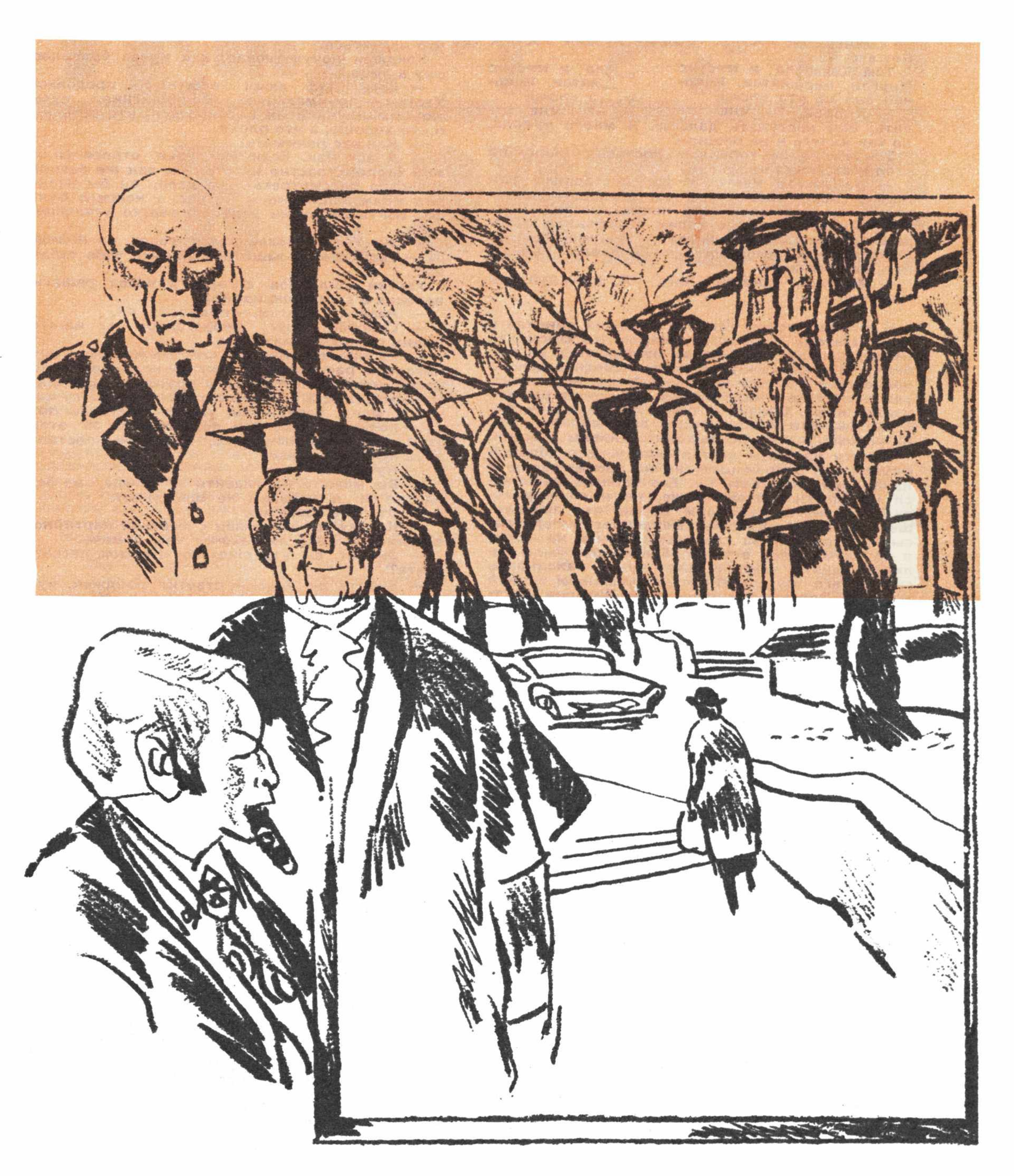
— Помните невысокого, худощавого гангстера и контрабандиста по прозвищу Спанки — задиру и драчуна? У него была привычка постоянно чесать лоб.

— Разумеется, помню. Дальше.

— Не хочу больше дразнить вас, мистер Вирлок, сейчас все расскажу, только дайте чего-нибудь холодненького, в горле пересохло.

Вирлок и Смит прошли в дом, и Смит, отпивая ледяной чай с лимоном, рассказал о подслушанном разговоре между Фэйном и Макдаффом.

— Как только Макдафф появился в полиции, я сразу понял, что в воздухе что-то носится. Они уединились в кабинете Фэйна, а я стал прохаживаться около двери, будто кого-то ожидал. В общем, сэр, подслушивал... А знаете, мистер Вирлок, идея Фэйна отправиться к прокурору штата и добиться назначения вас временным следователем прокуратуры заслуживает серьезного внимания... Ну вот, а потом я поехал в Илтонвиль, в банк, выдал себя за финансового инспектора и даже получил разрешение сфотографировать лицевой счет Фэйна...— Смит улыбнулся.— Нужно доложить начальству, что в этих маленьких провинциальных банках служащие чересчур доверчивы — допускают к делам всех, кто захочет.

— Вы предлагаете,— медленно проговорил Вирлок,— чтобы я пошел к Фэйну, пригрозил разоблачить его как взяточника и потребовать, чтобы он добился у Лайтуэлла и прокурора штата моего назначения временным следователем прокуратуры?
— Совершенно верно, сэр. По-моему, Фэйну придется согласиться. Он же понимает, что потеряет все, если будет сидеть сложа руки, а так у него появится хоть какая-то надежда добиться своего. Добавлю, сэр, что независимо от результатов вашего разговора с ним я все равно не упущу возможности вывести этого негодяя на чистую воду.
— Хорошо, допустим, Фэйн согласится поехать к губернатору. Что может помешать Макдаффу сейчас же разоблачить его связь со Спанки и его взяточничество?
— Ничего, но, думаю, в таком случае Фэйн попытается уговорить Лайтуэлла и прокурора не возбуждать против него дела, а взамен пообещает снабдить их материалами, компрометирующими Макдаффа.
— Пожалуй, мы действительно сможем припереть Фэйна к стенке.
— Не сомневаюсь, мистер Вирлок.

Прежде чем поехать в тюрьму, Вирлок позвонил Фэйну и попросил принять его для важного разговора. Поднимаясь по лестнице в кабинет Фэйна, инспектор подумал, что с таким типом надо держать себя твердо, но не терять осторожности. Фэйн поджидал его, сидя за письменным столом.
— Ну? Что вы хотели мне сказать?— раздраженно спросил он.
— Есть одно предложение.
— Какое еще предложение?
— Хочу предложить вам сделку.
— Сделку?!— поразился Фэйн.
— Не буду ходить вокруг да около, Фэйн. Вам прекрасно известно, что Эллендер обскачет вас в гонке за место начальника управления внутренних дел...
— Послушайте, это еще что такое...— запротестовал было Фэйн, но Вирлок жестом велел ему замолчать.
— ...и сделает это с помощью Энстроу, судьи Сэма и еще кое-кого, кто намерен — с благословения Макдаффа, насколько я понимаю,— отправить Уэстина в тюрьму на всю жизнь, а возможно, посадить на электрический стул. Я знаю, Фэйн, о ваших махинациях со Спанки и располагаю фотокопией вашего текущего счета в Илтонвильском банке. Не могу не согласиться с Макдаффом: нет ничего проще получить от Спанки самые подробные показания.
— Откуда вы знаете все это?— растерянно пролепетал Фэйн.
— Я знаю, что вчера вас навестил Макдафф. Я знаю, что вчера вы изъявили готовность сотрудничать с Макдаффом, но он отклонил ваше предложение. Но мое предложение, Фэйн, вы вряд ли отклоните. Вы поедете к Лайтуэллу и сделаете все так, как намеревались сделать в том случае, если Макдафф не согласится вам помочь. Конечно, вам придется пойти на известный риск — ради меня на этот раз. Я хочу, чтобы меня временно назначили следователем прокуратуры штата. Я мог бы добиться этого назначения и без вашей помощи, но вы пользуетесь известным авторитетом и весом у прокурора штата — вам и карты в руки.
Фэйн, все еще бледный и растерянный, оживился.
— А знаете, Вирлок, ваше предложение, кажется, может сыграть мне на руку! Только вчера Макдафф говорил здесь у меня, что слышал о вас как о честном и порядочном человеке.
— В дальнейшем, Фэйн, вы будете поступать так, как скажу вам я. В противном случае, даю слово, я передам все материалы на вас начальнику управления внутренних дел, газетам и прокурору штата.
— Ну, а вы... что сами-то вы надеетесь получить? Пост начальника уголовного розыска?
— Не ваше дело. И не вздумайте выкинуть какой-нибудь номер. Не забывайте, что я в любое время могу сам потребовать приема у Лайтуэлла.
— Прошу вас, Вирлок, не надо! Я ведь всю жизнь был честным человеком, и если бы не эта ошибка со Спанки...
— Ошибка? Хорошая ошибка! Это надо уметь — «ошибаться» целых девять лет подряд. Вы понимаете, что произойдет с вами, если Эллендер будет назначен начальником управления внутренних дел? Вас вышвырнут отсюда так быстро, что вы не успеете убрать бумаги со стола!.. Итак, вы согласны мне помочь?
— Боже! Какие они все мерзавцы!
— Не исключая и вас... Когда вы отправитесь к губернатору?
— А когда вы хотели бы?
— Как только выведете машину из гаража. Еще раз предупреждаю: не вздумайте обмануть меня, Фэйн.
— Но вы обещаете молчать насчет Илтонвиля?
— Я-то обещаю, но ведь, кроме меня, это известно и еще кое-кому.
— Еще кое-кому? Вы имеете в виду Макдаффа?
— Я имею в виду финансовые органы...— Вирлок направился к выходу.— Кстати, Фэйн, договоритесь, чтобы временными следователями прокуратуры назначили двоих: меня и Хиллори Смита.
— Смита?! Он тоже участвует в этой... в этом...
— Я буду ждать вашего звонка,— не дослушав, сказал Вирлок и вышел.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

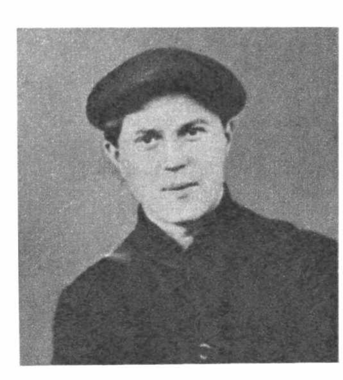
ГУДКИ ЗОВУТ!

«Требуются... требуются... Слесари, станочники, маляры...» Подобные объявления — спутники заводских и фабричных проходных. Озабоченность подготовкой и воспитанием рабочей смены — вот генеральная тема Всесоюзного совещания работников системы профессионально-технического образования, состоявшегося в Москве.

Кем быть? — думают юные у порога жизни. Ответ на этот вопрос определяет дорогу в десятки лет. Но людей взрослых, воспитателей и руководителей, больше волнует другой вопрос: «Каким будет завтра человек у станка?» Забота о высоком уровне профессионализации будущих операторов заводской автоматики прозвучала и в докладе председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию А. А. Булгакова, и в речах министра черной металлургии СССР И. П. Казанца, секретаря ВЦСПС И. М. Владыченко, министра высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютина.

Собравшиеся приняли письмо Центральному Комитету КПСС, заверили партию и правительство, что все сделают для того, чтобы страна получила достойное пополнение современных рабочих... Миновали три дня задушевных встреч во время большого разговора в Кремле... Новое утро распахнуло заводские и фабричные двери перед миллионами юношей и девушек, проходящих великую практику в цехах, превратившихся на урочное время в классы. Послезавтра их властно позовут гудки на первую рабочую смену.

Н. БЫКОВ

ЧИСТОЕ СЛОВО

Теперь уж мало осталось людей, которые знают и помнят Дмитрия Михайловича Мазнина. А между тем это был человек яркой индивидуальности, большого, разностороннего таланта. Мазнину было 36 лет, когда он погиб, в 1972 году ему исполнилось бы семьдесят.

Дмитрий Михайлович принадлежал к той славной когорте комсомольцев двадцатых годов, которые вместе со всем народом обороняли, защищали, создавали, строили Советскую власть. Он писал и публиковал стихи, может быть, и не очень совершенные по форме, но зато полные революционного пыла:

Построим громады дворцов —
Дома трудового народа
Среди изумрудных лугов...
Мы — вестники новых веков,
Лучи золотого восхода!

Он работал и учился, был возчиком и журналистом, писал о литературе и о первых стройках, редактировал газеты и был желанным сотрудником «толстых» литературных журналов. У него было острое чутье на талантливых людей. Он умел найти их, помочь им стать на ноги, дать путевку в литературную жизнь. Будучи делегатом III съезда комсомола, на котором выступал Ленин, он навсегда запомнил слова Владимира Ильича о том, что надо учиться, много знать, чтобы быть полноценным строителем коммунизма. Он учился сам и требовал этого от своих многочисленных друзей. Его статьи о творчестве Михаила Шолохова, Александра Фадеева, Александра Малышкина, Артема Веселого имели большой литературно-общественный резонанс. С радостью писал он об авторах, выходивших из рядов рабочего класса, приветствуя в них певцов нового, наступающего, грядущего.

Восемнадцати лет вступил Дмитрий Мазнин в ряды партии. До последних дней своей короткой жизни оставался он преданным партии человеком. Многое из того, что написано Дмитрием Мазниным, имеет значение и теперь не только как документ ушедшего времени, но как не заржавевшее, а острое оружие борьбы. Чистое и честное писательское слово, когда бы оно ни было произнесено, звучит звонко и долго.

Н. НИКОЛАЕВ

РУКИ РОВЕСНИКОВ ОКТЯБРЯ

«Глаза страшат, а руки делают»,— говаривали у них в семьях старики, и с этими простыми, но мудрыми словами приступали рабочие парнишки к трудному и новому для них делу — к ремонту паровозов (и справились!), а через несколько лет с той же мыслью один из них студентом-практикантом переступил порог редакции «Известий», робел поначалу и радовался безмерно, увидев на свежем газетном листе строчки своей заметки.

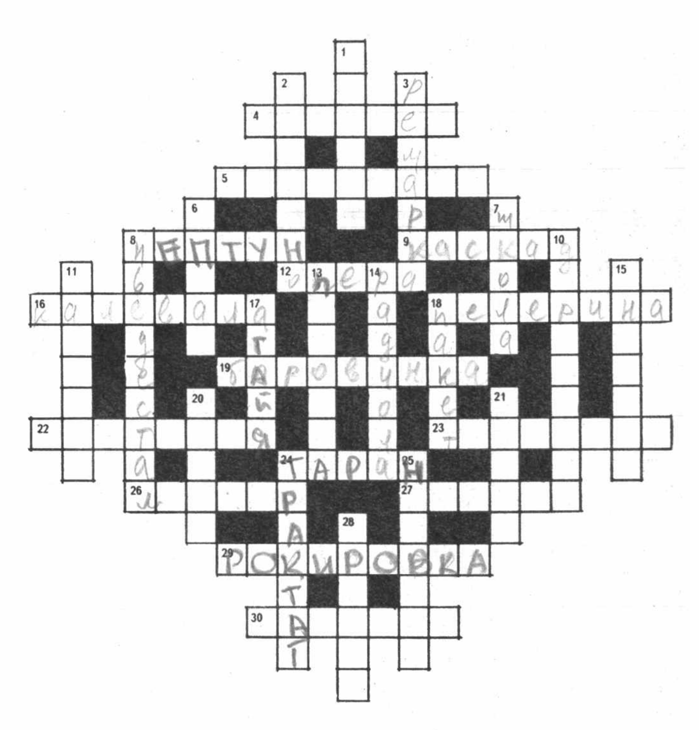
В книге «Год рождения — 1917» Евгений Петров рассказывает о себе и о своих сверстниках — ровесниках Октября. Они родились в год, когда родилось первое в мире государство рабочих и крестьян, росли вместе с ним, и руки их делали то, что нужно было стране в первую очередь. Требовались квалифицированные рабочие, техники, инженеры, и молодежь шла в ФЗУ, техникумы, институты и оттуда на заводы и стройки. Требовались образованные, идейно зрелые воспитатели масс, и вчерашние рабочие садились за учебники и конспекты в политико-просветительных учебных заведениях. Началась Великая Отечественная война, и героическое поколение грудью защитило Отечество.

Строго документальная и вместе с тем живо написанная книга Евгения Петрова ведет нас со станции Няндома, где родился, провел детство и юность автор, в кипучую жизнь Москвы и Ленинграда 30-х годов, а потом — по тысячеверстным военным дорогам от Старой Руссы до Данцига. Подробно, щедро рассказывает автор о своих товарищах: о няндомских комсомольцах, с которыми вместе получил он «рабочее крещение» в паровозном депо, о студентах института журналистики, с которыми вместе учился он нелегкому литературному труду и вместе вступал в ряды партии, о героях битвы с фашизмом — пехотинцах и артиллеристах, танкистах и летчиках, саперах и разведчиках, о собратьях по перу — фронтовых журналистах, с которыми рядом, плечом к плечу, прошел он всю войну.

Насыщенная достоверными событиями и фактами, яркими эпизодами, выхваченными из самой гущи действительности, запоминающимися человеческими судьбами и характерами, книга Евгения Петрова воссоздает картину жизни страны в предвоенное десятилетие, славит подвиг народа, победившего в годину великих испытаний.

Н. ЦВЕТКОВА

Евгений ПЕТРОВ. Год рождения — 1917. Воениздат, 1972.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Советский писатель. 5. Гора на Среднем Урале. 8. Планета. 9. Водопад, низвергающийся уступами. 12. Музыкально-драматическое произведение. 16. Карело-финский эпос. 18. Женская накидка. 19. Сорт яблок. 22. Областной центр в РСФСР. 23. Тропическое вечнозеленое дерево, плоды которого используются в медицине. 24. Прием воздушного боя. 26. Древнегреческий скульптор. 27. Приток Енисея. 29. Шахматный ход. 30. Грузинский народный танец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Элементарная частица. 2. Порт на Дунае. 3. Пояснение к пьесе. 6. Хищное млекопитающее семейства медвежьих. 7. Повесть А. П. Гайдара. 8. Основание статуи, обелиска. 10. Участок ботанического сада. 11. Русский архитектор XVIII—XIX веков. 13. Певчая птичка. 14. Сочетание приемника с проигрывателем. 15. Место для показа товаров, экспонатов. 17. Штат в США. 18. Бумажный кулек. 20. Квант света. 21. Персонаж комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые». 24. Научное сочинение. 25. Элемент конструкции крыла самолета. 28. Один из видов вступления в романе, драме, поэме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Сайра. 8. Техникум. 9. Тепловоз. 10. Альмавива. 11. Сандал. 13. Наждак. 15. Каталог. 19. Ассамблея. 20. Поговорка. 21. Ассистент. 23. Ротапринт. 27. Арктика. 28. Ижевск. 30. Рябина. 31. Уравнение. 32. Капилляр. 33. Белосток. 34. Манто.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Анемометр. 3. Руставели. 4. Привал. 5. Вулкан. 6. Серенада. 7. «Бородино». 12. Альбатрос. 14. Аннотация. 15. Клеенка. 16. Громова. 17. Калан. 18. Парта. 22. Интервал. 24. Радиатор. 25. Сковорода. 26. Циферблат. 29. Куплет. 30. Рекорд.

На первой странице обложки: Фотокомпозиция Е. Савалова.

На последней странице обложки: Салют над Невой.

Фото Б. Манушина (АПН).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/X-72 г. А 01002. Подп. к печ. 31/X-72 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2263. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3656.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Сказ о черном золоте». Валерий Чалдин — мастер производственного обучения.

ШАХТЕРСКИЙ ОГОНЕК

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

А началось это ровно десять лет назад. Пять пар мальчиков и девочек у станка, на ногах кеды или валенки, в зависимости от переменчивой, суровой погоды Сибири... Если же еще и вспомнить, что «гвоздем» программы этой небольшой группы ребят был... «Танец с саблями», весьма неумело исполняемый танцорами, то легко понять причину тогдашних огорчений нового директора Дома культуры шахтеров, только что прибывшего из Ленинграда в город Кемерово. Молодого директора звали Римма Дмитриевна Тихенко.

— Да, так было,— подтверждает нам сейчас Римма Дмитриевна, улыбаясь давнишним этим воспоминаниям.— Но любили ребята искусство, любили самоотверженно! Именно это в конце концов и привело к тому, что в 1966 году ансамбль был удостоен звания народного...

И Тихенко сама тоже увлекалась хореографией, недаром она закончила соответствующее отделение в Высшей школе профдвижения. Однако много пришлось директору потрудиться, прежде чем как следует оборудовали зал, нашли постоянного репетитора. И прежде чем к ним в Дом культуры стали приезжать из Красноярска, Харькова и других городов руководители профессиональных ансамблей песни и пляски — для постановки танцев. Когда же в Кемерове на гастролях находились и сами ансамбли, то их участники никогда не упускали случая навестить большое, светлое здание в Рудничном районе города: тут происходили совместные репетиции, обмен опытом (да-да, самодеятельные танцоры тоже

«Родничок».

«На зов гармони». Сергей Соколов (внизу) и Николай Зяблинцев.

могли делиться опытом и даже особыми, собственными хореографическими трюками). Вот так и возникал ансамбль «Шахтерский огонек», лауреат и победитель многочисленных смотров и конкурсов самодеятельности...

Радостно смотреть, как они танцуют. Забываешь, конечно, что перед тобой непрофессионалы. Кстати, забывали об этом всегда и зрители Венгрии, Чехословакии, Польши, Кипра, Ливана, куда «Огонек» ездил с большими концертами.

Каждый быстрый танец — словно ураган, сметающий все на пути своем, вихрь удали и озорства, исконно сибирских потех и прибауток. А каждый медленный — широкая русская река: лиризм и красота, мягкая плавность движений, порой даже с долей некой печалинки-грустинки, в любой момент готовой обернуться в искрящееся веселье. То веселье, которое заставляет вновь вспыхивать взгляд, гордо и резко откидывать назад голову в танце, словно разом пресекая какие-либо грустные мысли и оставляя себе лишь лукавую, загадочную улыбку...

«Вступление», «На зов гармони», «Щегловская кадриль», «Родничок», «Сибирские балагуры».

— Мы танцуем,— как бы говорят участники ансамбля, разворачиваясь перед нами в, кажется, непрерывном, вечном движении, захватывающем и красочном.— И хотим, чтобы вы, дорогие зрители, почувствовали, какая это радость и для нас самих. Ведь мы не можем жить без танца...

Так оно и есть на самом деле. Когда их спрашиваешь, не тяжко ли им с утра работать, а после идти на четырехчасовую репетицию, и притом чуть ли не каждый вечер, тут же следует ответ:

— Тяжко не на репетициях, а без них.

Ансамбль дает более ста концертов в год — на шахтах, в селах, городах. «А как же работа!» — спрашиваю с недоумением. Я уже знаю, что среди них шахтеры и слесари, инженеры и конструкторы, лаборанты и сантехники (почти все эти профессии так или иначе связаны с обслуживанием и эксплуатацией кузбасских шахт).

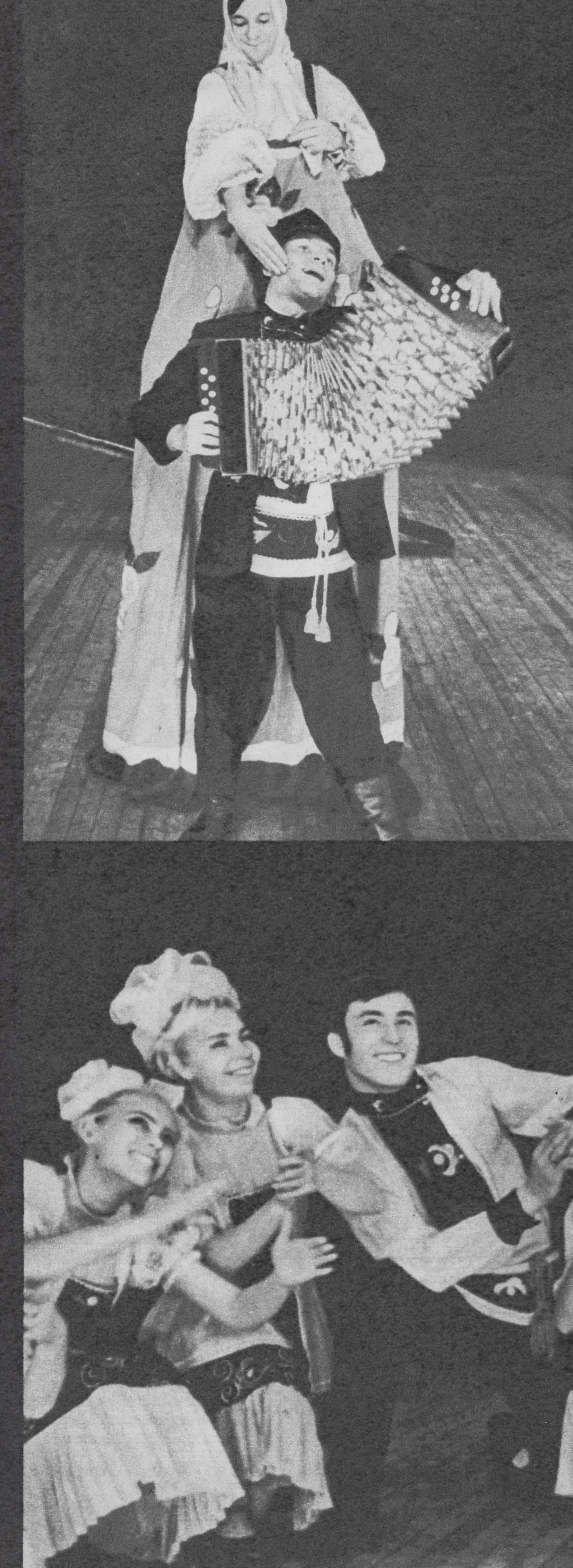
— Многие, выезжая на гастроли, используют свой отпуск...

В общем, ясно. После подобного ответа уже не имеет смысла спрашивать самодеятельных танцоров, за что же все-таки они любят свой ансамбль; не будешь допытываться, чем привлекает их хореография.

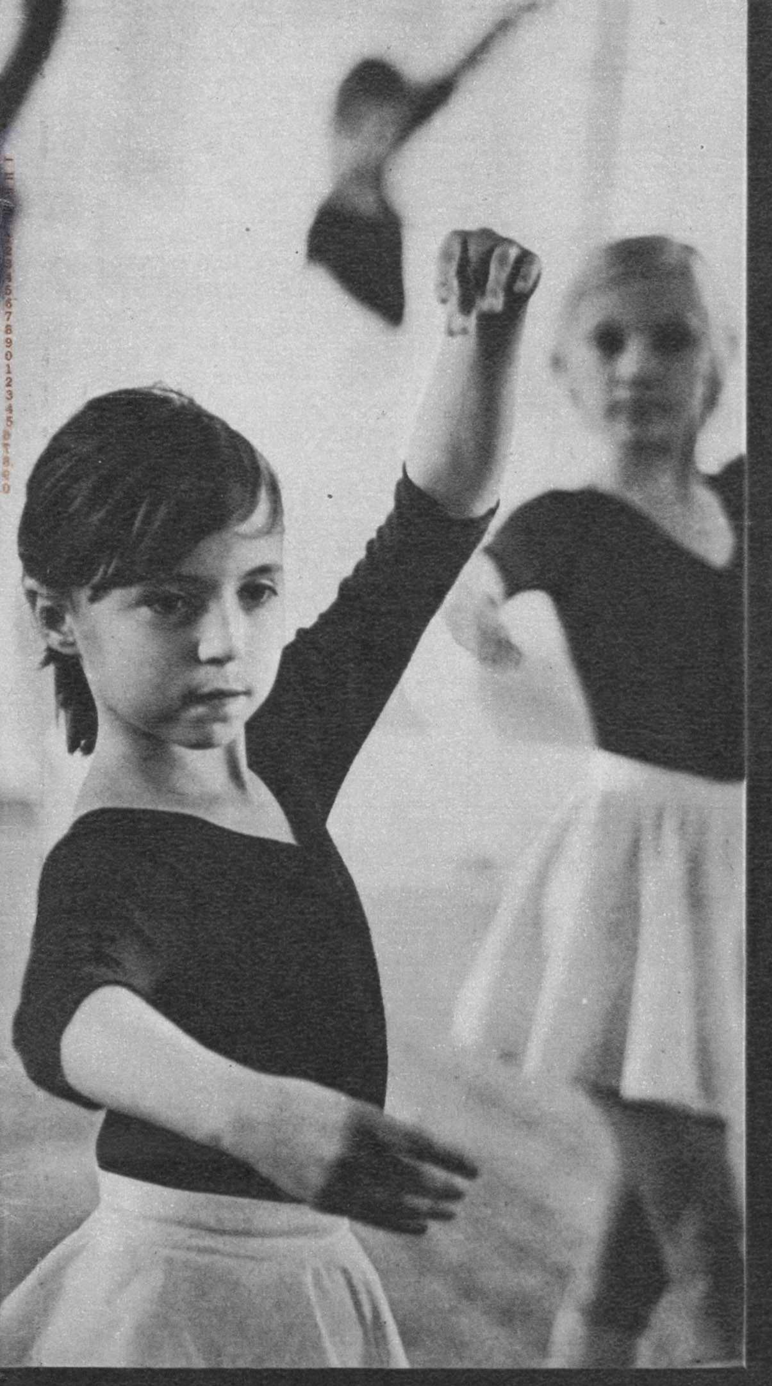
За десять лет ансамбль воспитал триста танцоров! Часть ушла в профессионалы, многие из «выбывших» поступили в институт культуры и теперь сами в разных городах и селах возглавляют самодеятельные ансамбли. Некоторые танцоры выбывают и по другим соображениям. Возраст, семья, наконец, армия... Да мало ли причин. Поэтому ансамблю необходимо постоянное пополнение. А уж за этим дело не станет!

В Доме культуры шахтеров занимается около двухсот детей самых разных возрастов. Огоньковцы вместе со своим руководителем Валентином Петровичем Соколовым часто навещают эти занятия. Постоят, посмотрят, пошепчутся, подумают о том, кого уже можно брать к себе в подготовительные группы. А каждый из мальчишек и девчонок в эти решающие моменты очень старается: чтобы именно его или ее заметили взрослые товарищи. Ведь ежегодно происходит знаменательное, торжественно обставленное событие: ребята из старшей детской группы принимаются в «Шахтерский огонек».

— У нас танцуют буквально все! — усмехаются огоньковцы. — Только-только у кого ребенок родится, а уже мать бежит к руководителю детской группы — Кононовой. Мол, Надежда Семеновна, «застолбите» место и для моего, скоро подрастет...

«Как у наших у ворот загуляньице идет».

Смена подрастает...

Галина Котова и Валерий Авдеенко.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663